

ХУЛИСТАН

МИРЗА ТАГИ

Мирза Таги

Хулистан

«Accent Graphics communications»

2017

Таги М.

Хулистан / М. Таги — «Accent Graphics communications», 2017

ISBN 978-1-77192-329-3

Роман «Хулистан» – сложное и многозначное произведение. По формальным признакам роман можно отнести к мемуарному жанру, поскольку повествование ведется от первого лица и представляет собой записки главного героя – Роберта Ганна о его путешествии в некую страну – Гюлистан. В свой рассказ, изначально не предназначенный для посторонних глаз, предельно откровенный и эмоциональный, «автор» постепенно вплетает и автобиографические воспоминания, словно пытается отыскать в прошлом причину нелепых и невообразимо диких событий, в которые он был вовлечен во внешне благополучной и цивилизованной стране, едва не стоивших ему жизни и ставших, в итоге, причиной серьезного расстройства психики. Короткий туристический вояж, обещавший красочное зрелище и запретные удовольствия, оборачивается кровавой трагедией, свидетелем которой наш герой становится, жуткими откровениями его гида Харифа о Гюлистане – «Стране цветов», в которой царит деспотия и почти узаконено рабовладение, неожиданным грубым похищением и пленением на долгие месяцы, безрассудным бегством и жалким существованием в мятежной бывшей столице государства – Укбе, безжалостно заблокированной от остального мира, где Роберт Ганн, объявленный преступником, беспомощно мечется в поисках спасительного выхода. Герою, в итоге, удается вернуться в привычный мир. Его спасает Джоанна – верная подруга, любовь которой он так мало ценил. Но, вернувшись, он никак не может оправиться от пережитых потрясений. Они изменили его – эгоиста, сластолюбца и анархиста. Он, прошедший через унижения рабства, пытается переосмыслить такие, вроде бы простые понятия, как «свобода», «любовь», «дружба», «добро и зло». Он начинает понимать, что в мире, в котором он живет, все взаимосвязано, что этот мир создан не для него одного, что – скорее – он создан для мира, и что ему еще только предстоит найти свое место рядом с другими и свое истинное призвание, которые и дадут ему ощущение свободы как права на

реализацию лучшего и неповторимого, что заложены в каждом из нас некими тайными силами. Сам того не осознавая, герой пытается обрести в своей исповеди себя – нового и навсегда распрощаться со своим малодушным и ничемным прошлым. Это его единственный шанс восстановить полноценную идентичность – так уверяет его психиатр, по настоянию которого Роберт Ганн и берется записывать свои воспоминания. Сам для себя Роберт Ганн, все более глубоко втягиваясь в процесс сочинительства, в шутку называет свою писанину «литеротерапией». Для Джоанны, которой одной, после их женитьбы, он доверяет прочесть рукопись, это «роман» – и она даже находит его достаточно хорошим для опубликования. Мы тоже считаем этот текст состоявшимся. Произведением, неоднозначным по стилю, сюжету и фактическому содержанию. И если говорить о жанре, то это, скорее, антиутопия или даже развернутый политический фельетон – гротескное отражение сегодняшнего мира, которое автор разбил вдребезги и вновь собрал произвольно из его осколков. Потому что это, прежде всего, роман-раздумье о Свободе, которой всем нам не хватает сегодня – что на Западе, что на Востоке. А бывает также, что свободы слишком много. Но не той Свободы, которая раскрепощает души, а той, что порабощает нашу плоть. Или, как пишет об этом наш герой и автор: «Странная штука – свобода. Когда ее слишком мало, мы словно задыхаемся. Но, оказывается, ее может быть слишком много. Настолько много, что она тебя разъедает и рвет изнутри».

ISBN 978-1-77192-329-3

© Таги М., 2017
© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Книга первая	6
1	6
1	6
2	8
3	10
4	13
5	15
6	17
7	19
8	21
9	22
10	24
2	29
1	29
2	32
3	34
4	37
5	39
6	42
7	44
8	46
9	50
10	53
11	60
12	63
13	65
14	69
3	73
1	73
2	77
3	79
4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Мирза Таги Хулистан

*Я интересуюсь будущим потому, что собираюсь провести там всю
остальную жизнь...*
Чарльз Кеттеринг

Книга первая Гюлистан – страна цветов

Где нет равенства, там неизбежно должно быть лицемерие.
Теккерей

1 Радуга

*Абсолютно белое, как и абсолютно черное, кажется каким-то
дефектом зрения.*
Оруэлл

1

В эту проклятую страну я приехал в первых числах мая – за несколько дней до начала всемирно известного шоу «Обряжение цветами».

Вы наверняка не раз видели это красочное шоу по TV. Его показывают каждый год и вполне заслуженно ставят в один ряд с бразильским карнавалом и амстердамским парадом. И, наверняка, наблюдая это впечатляющее действо по ящику, вы невольно завидовали счастливицам на трибунах, думая про себя: «Мне бы там оказаться»!

Вот я и решил съездить.

Если бы я только знал, чем обернется для меня эта поездка!..

Но в то время, когда я принимал решение, меня беспокоило совсем другое – расходы.

Авиабилеты, проживание в приличном отеле, услуги персонального гида и прочее – все это было в пределах разумного, я бы даже сказал – существенно дешевле, чем можно было ожидать в богом забытой стране на задворках Европы. А вот подобающее зрительское место на Площади Цветов заказать в Сети оказалось слишком накладно – отпугивали цены, просто астрономические.

Разумеется, подсуетись я на пару месяцев раньше, и цены были бы другие. Но все случилось спонтанно. Мне подфартило сорвать хороший куш на бирже. Вот я и решил куда-нибудь смотаться. Начал обдумывать и остановился на Гюлистане – он как раз входил в моду. Однако платить такие бешеные бабки за чисто созерцательное удовольствие казалось мне все же неразумным – я просто не укладывался в бюджет.

«Да пошли они, эти гюлистанцы, с их неумной любовью к флористике, – подумалось возмущенно, – если за место придется отвалить 3 000 амеро! За такие бабки я лучше съезжу

в Москву и посмотрю кулачные бои на Красной Площади. Или же слетаю в Северную Корею на День Обжорства – тоже, говорят, занимательное зрелище».

И черт меня дернул поделиться своими сомнениями с Джоанной!

– Бобби, ну ее в звезду – Корею! – возразила она неожиданно горячо. – Это только на экране красиво. На самом деле, в реале, все выглядит крайне вульгарно, уж ты мне поверь. А над стадионом так воняет, так воняет!.. Я даже не высидела до конца. А после целую неделю не могла ничего брать в рот, кроме жареных бананов. А на рис так вообще до сих пор смотрю с отвращением. И кулачные бои в Москве – тоже – так себе шоу. Разве что под конец – когда выпускают ряженных медведей. Так что мой тебе совет: езжай в Гюлистан – не прогадаешь!

– Да слышал я про Гюлистан, слышал. Но ведь дорого! – пытался я сопротивляться.

– Оно того стоит! – активно продолжала агитировать Джоанна. – В Гюлистане ты будешь удивляться на каждом шагу. Это какая-то новая цивилизация! И еще скажу тебе: не покупай билет на шоу в инете. Лучше – на месте, с рук. Иностранцев там любят – гюлистанцы славятся своим гостеприимством. Но при этом стараются обчистить по максимуму. Это и понятно: туризм – главная статья доходов государства. После работорговли, конечно. Так что, если купишь билет на месте, сэкономить не меньше штуки. Главное – найти гида пошустрее. Я даже могу порекомендовать одного. Зовут Хариф. Настоящий мачо и умница! С ним ты будешь чувствовать себя как у мамыши за пазухой.

– Послушай, малышка, – улыбнулся я снисходительно, – признайся, ты ведь ездила в Гюлистан не на цветочки смотреть, а на великую битву? Всем известно, что гюлистанцы самые неутомимые трахальщики на планете. Если не считать дравидов, конечно.

– Фи! Не вспоминай при мне про дравидов – меня сейчас стошнит! – невозмутимо подхватила шутку Джоанна. – Эти их полуметровые чешуйчатые пенисы, похожие на китайские огурцы, слюнявые рты с гнилыми зубами, мерзкие рожи!.. Это вырожденцы, мутанты! Как ты можешь их сравнивать с милыми симпатичными гюлистанцами? Они такие нежные, застенчивые, послушные... Я вот иногда думаю: а не купить ли мне в мужья гюлистанца? Пора ведь и ребенка заводить. Ты ведь знаешь, что у них чрезвычайно подвижная сперма – одна из самых дорогих на рынке? Но я предпочитаю натуральное зачатие. Да и послушный парень под рукой всегда пригодится.

– А как же наследственность? – спросил я ревниво.

– А что – наследственность? Мне нравятся брюнеты. А в интеллектуальном отношении они не уступят даже японцам. В Гюлистане, чтобы ты знал, обязательное высшее образование! Правда, они немного забитые там. Но, говорят, во втором поколении быстро адаптируются. Очень приспособляемый народец.

– Ладно, ты ездила туда за удовольствиями. Я понимаю твои восторги. А мне что там делать с моим вялым членом и тощим задом?

– Но ведь у тебя стоит иногда – на девочек? – лукаво подмигнула Джоанна. – А Гюлистан, чтоб ты знал, та же Малайзия, только ближе. Но они, в отличие от малайцев, хитрее: не поставляют товар на экспорт – специально, чтобы люди ездили в Гюлистан и оставляли там денежки в подпольных клубах.

– Но ведь это удовольствие тоже наверняка недешево стоит? – засомневался я.

– Не дешево, – согласилась Джоанна. – Но есть места, где и товар дешевле, и девочки симпатичнее. Для этого тебе и нужен гид. И на свою задницу кого-нибудь найдешь.

Последняя фраза прозвучала как-то мстительно пророчески. Но я тогда не придавал этому значения.

Вечером, все еще обуреваемый сомнениями, я подсел к компу и начал в который раз лихорадочно просматривать информацию по Гюлистану.

«Хрен с ним! – решил я, устав от прокручивания соблазнительных рекламных роликов. – Поеду! В Гюлистане нет ни СПИДа, ни гепатита – большой плюс! Надо только сходить к врачу, за справкой. Хотя тут пишут, что в аэропорту все равно придется пройти тест...»

2

– Уважаемые пассажиры, приветствуем вас в аэропорту столицы Гюлистана Алиабад! Температура за бортом 22 градуса по Цельсию. Просим всех оставаться на местах до полной остановки самолета!

Симпатичная стюардесса еще раз повторила объявление по-русски и гюлистански, после чего пошла по рядам, подбадривая милой улыбкой пассажиров.

– Извините, мисс, – откашлялся сидящий рядом со мной небритый рыжий детина скандинавского типа, – а в вашем аэропорту есть бордель?

Щипаные бровки стюардессы на мгновение взлетели вверх.

– Вам так не терпится? – улыбнулась она сочувственно. – Не беспокойтесь. В наших аэропортах есть все, что положено. Вот, возьмите, – сказала она и достала из кармашка фирменного пиджачка небесного цвета пакетик с презервативами.

– Очень мило! – осклабился неряшливый викинг. – А вы сегодня вечером свободны?

– Увы! Как раз сегодня я занята. Но если вы задержитесь у нас, – и девушка снова полезла в карман, на этот раз – за визиткой.

Я слегка позавидовал раскрепощенности соседа, наблюдая за тем, как он напряженно засопел, провожая взглядом круглую попу стюардессы.

«Если все гюлистанки такие... – подумал я. – А говорят, они хороши лишь до двадцати трех лет, после чего по закону страны их обязывают вступать в брак и рожать детишек».

Но эта стюардесса была все еще вполне аппетитной, несмотря на несколько перезрелый возраст.

Аэропорт Алиабада ничем особенным не отличался от других столичных аэропортов мира. Так мне показалось вначале. Потом понял – что-то не то. Стал сравнивать – и вскоре нашел ряд существенных различий.

Первое – было очень тихо, непривычно тихо. Обычно в таких местах стоит сумбурный нескончаемый гул, который начинает звучать тем отчетливее и раздражительнее, чем дальше там находишься. Но в огромных залах алиабадского аэропорта стояла внятная, полная достоинства тишина.

Затем в глаза бросилось обилие портретов вождя на стенах и его многочисленные изображения в хромированных лазерных мониторах под высокими потолками. Но это как раз меня не удивило. Я уже был просвещен из своих сетевых изысканий о необыкновенной любви гюлистанцев к их незабвенному лидеру – основателю государства и правящей династии.

А еще через некоторое время, уже получив багаж, аккуратно уложенный в тележку, я заметил улыбки. Все вокруг улыбались друг другу. Причем, персонал аэропорта – гюлистанцы – улыбались совершенно искренне, не скрывая радости от встречи с дорогими гостями и возможности им услужить, а гости – по-всякому: кто недоверчиво, кто растерянно, а кто просто автоматически, не в силах устоять перед обаятельными улыбками добродушных туземцев.

Да что говорить, таможенники – и те завлекательно щерились как сутенеры.

На выходе из багажного отделения теснилась группа встречающих с высоко вскинутыми табличками, на которых были аккуратно выведены имена визитеров. Одним из передних был усатый дядька с заметным брюшком, безжалостно запроваженным в провисшие много ниже

талиии брюки потрескавшимся от длительного ношения кожаным ремнем. Его смуглая зальсина игриво отражала радужные огни аэропортовской иллюминации.

«Хариф! – понял я, прочитав свое имя. – Не очень-то он похож на «мачо». Хотя, Джоанне виднее».

Этот тип тоже каким-то образом угадал меня и поспешил навстречу.

– Мистер Ганн? Разрешите помочь!

Толстячок решительно взялся за ручки тележки и энергично покатил ее к выходу.

– Как долетели? – спросил он, когда я снова поравнялся с ним. – Надеюсь, полет был приятным?

– Спасибо. Все отлично, – сдержанно поблагодарил я усача, приятно удивившись по ходу его безупречному английскому.

– Я учился в Бирмингеме. А проходил стажировку в Глазго, – добродушно улыбнулся Хариф.

– На кого, позвольте спросить? – вежливо поинтересовался я.

– Информатика. Я – программист! – ответил он несколько напыщенно.

– А почему же вы?.. – но мне показалось неловким закончить вопрос. Хариф лишь хитро усмехнулся:

– Я вполне доволен своей работой. Я очень люблю работать с людьми!

Мы как раз подошли к большой стеклянной двери. Прозрачные створки разлетелись – и на нас пахнуло свежестью разомлевшей под солнышком травки и густым ароматом весеннего букета цветов.

– Добро пожаловать в Гюлистан, дорогой мистер Ганн! – неожиданно воскликнул гид, пропуская меня вперед. – Уверен, что дни пребывания в моей стране будут самыми незабываемыми в вашей жизни!

Я в недоумении обернулся на громогласное приветствие, несколько более патетичное, чем принято в столь обычных ситуациях. Но сразу и улыбнулся милостиво: лицо смуглого толстячка прямо-таки светилось гордостью за свой прекрасный край и радостью за меня – желанного гостя, получившего счастливый шанс вкусить прелестей здешней райской жизни.

Впрочем, и погода располагала к благодушию.

Открывшийся нашим взорам пейзаж не мог оставить равнодушным своими благодными красками даже меня, выдавшего виды туриста. Я с удовольствием глубоко вдохнул ароматного цветочного воздуха и с еще большим удовольствием выдохнул, смачно сплюнув под ноги. Последнее действие вызвало легкую гримасу досады на лице моего гида, промелькнувшую мгновенной тенью в области вздвухшегося надбровья и просквозившую тут же в спасительные складки смущенной улыбки. Гюлистанец стыдливо сглотнул и преданно заморгал глазами в ответ на мой вопрошающий взгляд.

Я огляделся внимательней.

День был солнечный, безветренный, прямо как на Гавайях в октябре.

Аэропорт располагался в самом центре обширной долины, окруженной невысокими холмами, переходившими по горизонту плавно изогнутыми линиями в густо-фиолетовые пятна мощных горных кражей.

Сама площадь представляла собой огромный замысловатый цветник с фонтанами, там и тут метавшими в бирюзовое небо каскады радужно искрящихся водяных струй. Лицедреть это великолепие было, конечно, гораздо приятнее, чем скопление машин на огромных автостоянках, которые обычно устраивают перед аэропортами.

Пешеходные дорожки были вымощены веселой орнаментальной плиткой в красно-сине-зеленых тонах. Покрытие автостоянки и расходящихся от нее веером на запад и восток автобанов лоснилось под ласковым майским солнцем.

Повсюду вокруг – порядок, чистота, безупречный вкус, тонко сочетающий высший шик и утилитарный прагматизм. Сразу чувствовалось, что в этой стране заботятся об удобствах людей, низводя роскошь в ранг естественно необходимого.

Словом, я был впечатлен высокими стандартами. Права была Джоанна: Гюлистан – страна цивилизованная. Здесь все излучало благополучие и надежность.

– А далеко до Алиабада? – спросил я гордо сиявшего Харифа.

– Пустяки – тридцать два километра. Это там, за теми холмами, – указал он на запад. – Алиабад построен на высоте тысячи метров над уровнем моря. Очень живописное место и экологически абсолютно чистое. И дорога в город весьма красочна. Да вы сами скоро убедитесь. Минуточку, я вызову машину, – и он суетливо полез в карман за телефоном.

– А как же тест? – смущенно удивился я.

– Какой тест? – в свою очередь удивился Хариф. – Ах, вот вы о чем! Вам охота терять лишних полчаса?

– Нет, но если положено...

– Ну, вот и славно. Тест пройдет в отеле. Это формальность. Но справку, конечно, лучше иметь при себе в известных случаях, – неожиданно подмигнул толстяк. – А вот и наш автомобиль!

3

Дорога до Алиабада была неописуемо красивой – сплошная лесная полоса по обе стороны трассы. Причем, равномерно насаженные строгими рядами деревья через определенное расстояние сменялись другими видами. Вначале это были тополя, потом дикие каштаны, дубы, лиственницы, а перед самым Алиабадом, когда мы въехали на нашем «Хаммере» на крутой серпантин, заголубли сибирские ели – стройные, все одного роста, словно выставленные на предновогоднюю распродажу где-нибудь в Москве или Хельсинки.

Вдоль дороги, в гуще листвы и хвои, белели порой островерхими шатрами мотели с вынесенными на воздух столиками кофе. Там что-то дымилось, распространяя на сотни метров весьма аппетитные запахи. Если бы Хариф предложил свернуть к одному из дымов и чуть подкрепиться, я бы, пожалуй, не отказался. Но мой гид молчал, благостно сложив руки на своем пухлом животе и, казалось, впал в кратковременную спячку. Наверное, подумал я с сожалением, легкий полдник по дороге в Алиабад не был внесен в программу стандартных услуг.

Пару раз машина переезжала небольшие речки, ласково шелестящие по гладким катышам неглубоких ущелий меж буйно зеленеющих обрывистых берегов. Мосты были отделаны деревом, с искусно украшенными резьбой балясинами и со скульптурами животных на въездах и выездах – горные козлы, барсы, орлы с расправленными крыльями. Выглядело все это немного пасторально, наивно, но в той же мере романтично.

И конечно повсюду, на самых видных местах, величественно высились памятники Вождю.

Впрочем, заметив на очередном повороте очередную статую, я засомневался, почему и обернулся вопрошающе к Харифу.

– Это наш предыдущий Правитель – сын Вождя и отец нынешнего Правителя, – сразу отозвался Хариф с благоговейной серьезностью. – Мы его тоже очень любим и уважаем!

– Я слышал, при нем в стране некоторое время были трудности? – спросил я, воспользовавшись своевременным пробуждением гида.

– Были. У кого их не бывает? Но мы, под мудрым руководством Правителя, достойно с ними справились.

– Это когда закончилась нефть? – не унимался я.

– Да, – чуть суше ответил Хариф.

– И что вы сделали?

– Начали поставлять миру наше главное богатство – людей. Благо, это возобновляемый ресурс. Гюлистанцы очень ценятся на рынке труда. Не может быть, чтобы вы об этом не слышали, – чуть задиристо ответил Хариф.

– Слышал, конечно. На рынке труда высокая конкуренция. Весьма похвально. Весьма благоразумно.

Я замолчал, заметив, как этот тип нахмурился. Мне с самого начала было как-то неуютно с ним. Совсем не таким представлял я себе своего гида. Я ожидал, что он окажется более свойским парнем – фамильярным шутником и нагловатым пронирой, с которым мне будет легко и приятно обделять свои делишки в стране. А этот Хариф держался, на мой взгляд, слишком официально, что заставляло меня быть все время настороже, чтобы, не дай бог, не обидеть его подчеркнутые патриотические чувства.

И чего нашла в этом потрепанном толстяке Джоанна?

– Кстати, вам привет от Джоанны. Она вас помнит, и отзывалась весьма лестно, – состроил я любезную улыбку.

– Джоанна? – загорелся неподдельным восхищением гид. – Эта девушка – просто супер! Мы ведь с ней до сих пор переписываемся. И мне она тоже много чего доброго рассказала о вас. Будьте спокойны, Бобби! Можно вас так называть? Ради Джоанны я сделаю для вас все возможное и невозможное. Вот приедем в город, вы немного отдохнете, освоитесь, а потом я полностью к вашим услугам!

– А билет на праздник сможете достать?

– А как вы думаете? Чтобы я, да не достал билет для приятеля Джоанны?.. Будет вам билет! И все будет – по первому классу!

Он снова подмигнул мне, этот вдруг оживившийся толстяк.

– Вот и отлично. А я вас отблагодарю, как следует.

– Ну, зачем же так? – жалостливо скривил рожу Хариф. – Деньги – разве это главное меж друзьями? Заплатите за меня стандартную ставку в турагентство, как полагается, а остальное мы как-нибудь уладим сами. Договорились?

И он протянул мне свою пухлую руку, которая оказалась неожиданно мускулистой и горячей.

Город начался пугающе неожиданно – черно-красным шлагбаумом и белыми касками дорожной полиции.

В этом месте дорога расширялась до шести полос, каждая из которых вела под крышу серебристого ангара.

«Таможня что ли у них тут?» – удивился я и несколько забеспокоился, сразу подумав, нет ли среди моих вещей, не приведи господи, чего-нибудь недозволенного? Но почему вдруг здесь, в самом центре страны, при въезде в столицу установили таможню?

Я глянул вопросительно на своего попутчика, но он выглядел совершенно беспечно – даже что-то фальшиво насвистывал, глядя в окно.

Потом я увидел промелькнувших среди деревьев людей в маскировочной форме и с автоматами в руках. А затем – о, ужас! – массивный корпус танка, стоявшего на полянке с незащелкнутым стволом, направленным прямо на дорогу!

– Извините, но ведь это – «Леопард»? – не выдержал я.

– «Леопард»? – деланно удивился Хариф. – Может быть. Я, знаете ли, не очень разбираюсь в военной технике.

– Но зачем он здесь стоит?! – возопил я.

– А где же ему еще стоять, как не перед въездом в столицу? – невозмутимо ответил гид. – Разве вы не знаете, что Гюлистан находится в состоянии войны с Раменией? Вот уже почти семьдесят лет!

– Я слышал что-то такое, однако... – неуверенно протянул я.

И действительно, я стал припоминать какие-то смутные слова, фразы о некоем инциденте между двумя соседними государствами. Но со словом «война» они как-то не очень вязались.

– Три миллиона беженцев! Двадцать пять процентов оккупированных территорий!.. Неужели ничего не слышали?! – с явным укором в голосе воскликнул Хариф.

Я лишь беспомощно пожал плечами.

«Угораздило же меня приехать в страну с тлеющим военным конфликтом! – подумалось лихорадочно. – А вдруг – начнется?.. И Джоанна, эта дура, почему она меня не предупредила?!».

– Да не беспокойтесь вы так! – сразу начал успокаивать меня Хариф. – В данный момент активные боевые действия не ведутся. Так, постреливают иногда, чтобы эти рамяне не забывались. Но фронт находится далеко. К тому же, вокруг столицы расквартированы две отборные бронетанковые дивизии. А сама столица плотно прикрыта системой ПВО. Самой совершенной в Европе, между прочим!

От его слов веяло бравадой бывшего солдата – и я сразу почувствовал себя рядом с ним зеленым необстрелянным новобранцем.

– И вообще, – продолжал разглагольствовать толстяк, – мы, гюлистанцы, терпеливый народ, и предпочитаем решать конфликт миром. Правда на нашей стороне! И мы уверены, что рано или поздно международное сообщество осознает этот элементарный факт и категорически потребует от правительства Рамении очистить территории! Но если, вдруг!..

В этот момент в окно нашего автомобиля вежливо постучался улыбчивый полисмен. Шофер приспустил стекла и Хариф вальяжно протянул офицеру удостоверение, сказав что-то по-гюлистански и кивнув при этом в мою сторону.

Офицер улыбнулся еще шире и выдал на ужасном английском:

– Welcome in Gulistan, Mister!

После чего быстро что-то добавил, обращаясь уже к шоферу и указывая куда-то вперед.

Шофер тут же стал выруливать на свободную от машин первую полосу и проехал по ней до ангара № 1, где и пристроился к шикарному «BMW». Здесь Хариф вышел из автомобиля и прошел к стеклянной будочке, где сидело два полица. О чем-то быстро переговорил с ними, что-то суетливо сунул в руки – и уже через пару минут, вполне довольный, снова устроился рядом со мной на кожаное сидение.

Проезжая ангар, мы даже не притормозили. Документы мои не проверили, багаж не осмотрели. Сонная улыбка молодого солдата с автоматом, стоявшего на обочине, – и мы помчались дальше.

– Хотите выпить? – небрежно предложил Хариф, и приоткрыл дверцу бара.

– Пиво, виски?.. Рекомендую местную водку «Игит». Идет на экспорт, даже в Россию!

– Виски, пожалуй, – выдавил я, слегка обескураженный всем произошедшим.

4

– Вот мы и приехали! – сказал Хариф, утирая рот салфеткой, и тут же смущенно выдал очередную отрывку в кулак. – Извините. Это все водка. Забористая, черт!

Как раз в это время «Хаммер» победно взревел на четвертой скорости, лихо преодолевая последний крутой подъем, – и я увидел в небе... РАДУГУ!

Да, это была семицветная радуга, парившая в лазоревом небе над зеленой кручей. Я даже не сразу понял, что радуга какая-то не такая – слишком уж яркая и отчетливая. И что это лишь часть арки циклопической стелы при въезде в Алибад сообразил, только когда машина выровнялась, въехала на широкую мощеную площадку и остановилась у самого края обрыва.

Моему взору предстала сказочная картинка!

Это было нечто!

На изумрудном плато, прямо под нами, окруженный со всех сторон лесистыми вершинами, величественно сверкал и тянулся всеми гранями вертикалей в голубую высь хрустальный город!

Представьте себе Манхеттен, мысленно аккуратно вырежьте его из окружающей водной глади по линиям мостов и бережно перенесите в горную долину – и тогда вы получите слабое подобие Алибада, каким он открывается человеку, впервые узревшему эту неопишуемую красоту!

Но что – Манхеттен? Разве на Манхеттене есть такие красивые современные здания – величественные пирамиды, причудливо завитые спирали, дома-шары, дома, похожие на громадные космические корабли из фантастических рассказов?..

Согласен, красивые современные здания есть повсюду – почти в любом, более-менее зажиточном городе. Но нигде еще я не видел такого грандиозного ансамбля, такой буйной фантазии, такой роскоши и такого совершенного исполнения единой архитектурной идеи, вписанной в мощный дикий ландшафт!

Ну, разве что в Бенменьяне. Или в Чикопакулькатаке. Но ведь это всем известные туристические мекки. Но здесь, в Алибаде!?

Настоящий затерянный мир!

И почему эти гулистанцы прячут такую красоту, такой сногшибательный вид на город, не выставляя его первым номером в своих рекламных буклетах и роликах? Не иначе – специально, чтобы ошеломить, поразить гостей с первого взгляда на город?

Ну и хитрецы!

– Не хотите выйти из машины, чтобы в полной мере насладиться видом Алибада? – спросил Хариф. – Но предупреждаю: фотографировать или снимать на видео строго запрещено!

Мы вышли. Хариф предусмотрительно захватил с собой пару банок колы и небольшой бинокль. На площадке уже стояло с десяток машин и несколько автобусов, с высыпавшими из них разномастными группами туристов.

– Если желаете, можно выпить на веранде ресторана чашечку кофе. Там же, кстати, имеется и обзорная труба, – и мой гид указал за спину, на большое куполообразное здание темного стекла, похожее одновременно и на монастырь, и на обсерваторию.

Но мне не хотелось в ресторан. Мне хотелось поскорее туда – в этот сказочный мир! Он меня уже звал, манил – весь обольщение и обещание будущих незабываемых удовольствий и приключений!

– Хариф, я вам завидую! – с чувством сказал я. – Вы воистину живете в прекрасной стране!

Толстяк смущенно кивнул и его мясистые оттопыренные уши почему-то вдруг стыдливо зарделись.

Потом мы медленно ехали по широким улицам города в редком потоке дорогих автомобилей и Харифб подробно рассказывал о каждом достойном внимания здании: в каком году построено, кто архитектор, во сколько обошлось и что именно в нем располагается.

Город, в сущности, был небольшим. Я читал, что постоянное население Алибада составляет всего 250 000 жителей. Административный и туристический центр. Здесь расположены резиденция Правителя, министерства, особняки наиболее влиятельных чиновных вельмож и магнатов, а также многочисленные отели и увеселительные заведения.

Город ежегодно посещает до 3 500 000 миллионов туристов. И больше всего их бывает как раз в дни шоу – до 300 000 и более.

Центром города считалась, конечно, Площадь Цветов, по которой мы вскоре совершили церемониально-торжественный круг.

Посередине необъятной площади, вымощенной сплошь мрамором и украшенной замысловатыми цветниками, декоративно стриженными деревцами и грандиозным ансамблем фонтанов, изрыгающих целые водопады, величественно высилась огромная восьмигранная Пирамида с внушительным памятником Вождю на вершине – из чистого золота, как не преминул похвастать Хариф.

Высота самой Пирамиды – 128 метра. Собственно памятника – 24. Итого – от основания Пирамиды до макушки Вождя -152 метра.

– На целых 14 метров выше пирамиды Хеопса! – не замедлил вставить гид.

Внутри Пирамиды был заложен Мавзолей Вождя, где покоилось его нетленное в веках тело, вместе с телами других усопших членов Семьи. А в обширных залах размещался Музей Династии.

Каждая плоскость Пирамиды была окрашена в один из цветов радуги, а восьмая была черной. Плоскость кроваво-красного цвета ниспадала как раз по фронту памятника Вождю, а траурно-черная – диаметрально красной, с тыльной стороны, где и был вход в усыпальницу.

Вокруг Площади грандиозным амфитеатром с высоченными причудливыми стенами высились этажи самых фешенебельных отелей, номера которых, выходявшие лоджиями на Площадь, и служили, как оказалось, «местами» для богатых зрителей в дни особых торжеств и празднеств.

Внизу же, по всему периметру Площади, уже составлялась громадная временная арена из пластика и нержавеющей стали для обычных гостей.

– Не беспокойтесь, – сказал Хариф, – до праздника еще три дня. Так что я успею заказать на сутки хороший номер. Где-нибудь ближе к Резиденции, чтобы вы одновременно могли наблюдать и за выходом Правителя к народу.

– А где его Резиденция? – поинтересовался я.

– Разве непонятно? – удивился гид моей недогадливости. – Та серебристая пирамида, что мы проехали.

Я вспомнил пирамидку на другой стороне площади, этажей в 30, стоявшую прямо напротив Пирамиды Вождя, лицом к лицу, так сказать, и не удержался от язвительной шутки:

– Любят ваши правители пирамиды. К чему бы это? Хариф сразу осуждающе нахмурился.

– А чем вам не нравятся пирамиды? На мой взгляд – самая совершенная из объемных геометрических фигур.

– Да так, кое-что вспомнилось, – ответил я примирительно. – А где расположен мой отель?

– Мы как раз туда едем, – ответил он все еще сухо. – Это немного за городом, в Дубовой Роще. Вполне солидный район.

5

Район, в котором мы очутились, оставив позади сияющие окна небоскребов и переехав бурную речку по широкому подвесному мосту, утопал в зелени. Четырех и пятиэтажные особнячки скромно выглядывали из-за высоких глухих заборов, и лишь сквозь ажурные решетчатые ворота можно было мельком увидеть яркую зелень газонов, цветущие кусты и мощные дорожки, ведущие вглубь обширных участков.

«Где ж тут дубовая роща? – думал я, высматривая окрестности, пестревшие разнообразием большей частью экзотических видов флоры, вплоть до огромных смоковниц и куцых пальм. – И как они умудряются поддерживать жизнь в этих тропических растениях зимой? Здесь ведь должно быть холодно – как-никак 1000 метров над уровнем моря?»

– Дубовая роща – в конце улицы, – бесстрастно отозвался Хариф. – Она как раз начинается за отелем «La Fortune», где вы изволили забронировать номер.

Он снова угадал мои мысли, этот самодовольный толстяк. Меня это уже стало неприятно напрягать.

– Там действительно французская кухня? – спросил я подчеркнуто недоверчиво.

– Французская и любая другая, – уверенно ответил он.

– И казино там есть, как написано в проспекте?

– Казино в Алиабаде имеется при любом приличном отеле. Даже в вашем четырехзвездочном.

– Хм, – не нашелся ответить я.

– Очень даже неплохой отель, не сомневайтесь, – посмотрел на меня ободряюще гид.

– Я и не сомневаюсь. Хотя в своих путешествиях я не особо обращаю внимание на удобства. Ванная с горячей водой, чистая постель – остальное несущественно, – сказал я небрежно. – Тем приятнее бывает вернуться из моих шальных странствий в собственную виллу в окрестностях Цюриха или в пятикомнатную квартиру в Барселоне, где все до мелочей устроено в соответствии с моим весьма разборчивым вкусом. Путешествие на то и путешествие, чтобы сменить привычную обстановку и размеренный образ жизни, подвергнув себя разумной толике риска и даже некоторым лишениям ради новых, неиспытанных ранее острых впечатлений.

– Острые впечатления я вам обещаю, – усмехнулся Хариф. – Сколько угодно. Но на клопов в номере не надейтесь.

Отель с фасадной части был похож на безобразный дворец в мавританском стиле – слишком много резных финтифлюшек в декоре. Удивительно непрагматичный стиль. Семь этажей, узкие высокие окна в тяжелых рамах, какие-то ложные башенки на крышах, плющ, вскарабкавшийся по щелям облицовочной плитки аж до третьего этажа.

Потом мы въехали во двор, и я немного успокоился: за мрачным зданием скрывался другой корпус гостиницы, вполне современной архитектуры. И сам дворик оказался милым – фонтанчик, цветочки и столы кафе, за которыми было довольно оживленно.

– Надеюсь, мой номер в новом корпусе? – спросил я гида.

– Нет, конечно. Ваш номер – из лучших. А лучшие номера – в старом здании.

– А поменять можно? – спросил я недовольно.

– Можно, но вряд ли вы захотите.

Носильщики уже подхватили мои вещи, и я невольно поплелся вслед к огромным дверям с цветными витражами. А когда вошел, сразу вспомнил про Монте-Карло и Баден-Баден. Роскошь! Немного все чрезмерно, напоказ. Но – роскошь: мрамор, хрусталь, фарфор, картины по стенам, персидские ковры. И зал огромный, светлый. И лестница широкая с перилами красного дерева.

Мы подошли к стойке и Хариф протянул милой девушке в строгом, но стильном костюме мои документы.

– Добро пожаловать, мистер Ганн! Рады приветствовать вас в нашем отеле! Ваш номер готов, можете подняться, вас проводят. Если что-либо пожелаете, скажите гарсону – и он все уладит. Или можете позвонить мне. Меня зовут Гюльнар – к вашим услугам. Приятного отдыха! – прошептала девушка на одном дыхании.

Она смотрела на меня с таким обожанием, так обворожительно улыбалась, что я даже слегка возбудился. И мне захотелось сказать ей что-нибудь приятное. И я бы непременно сказал, если бы не Хариф.

– Идите, Бобби, идите! – похлопал он меня по плечу. – Вы наверняка устали с дороги. А я минут через пять зайду.

И я разочарованно поплелся за гарсоном к лифту.

– Ну что, будем менять? – спросил Хариф, ввалившись в гостиную.

Он сразу направился к бару, открыл бутылку минеральной воды и наполнил высокий хрустальный бокал.

– Это я выбрал для вас номер, – похвастал он, разом осушив бокал до дна.

– Называется «персидской». Неплохо, правда? А в ванной есть и джакузи, и массажный душ. Вы уже заглядывали в ванную?

– Хариф, вы ничего не перепутали? – спросил я, все еще настороженно разглядывая слишком богатое убранство гостиной. – Я не собираюсь переплачивать, если что.

– Успокойтесь, мистер Ганн, номер стоит ровно столько, сколько указано в контракте – и ни единого цента больше. Но если вам не нравится дизайн или расположение, я могу договориться с администрацией, и мы подыщем вам что-нибудь более спартанское.

– Не стоит, пожалуй, – скромно ответил я. – Как-нибудь привыкну постепенно.

– Вот и я так думаю. К хорошему привыкают быстро, – довольно усмехнулся Хариф. – Я знаю, вам не терпится ополоснуться с дороги, прилечь, возможно – перекусить. Я вскоре вас оставляю. Но прежде мне необходимо кое-что вам сказать, вернее – объяснить.

– Мне бы хотелось переодеться. Вы не возражаете? – сказал я и прошел в спальную комнату.

– Валяйте, – фамильярно бросил Хариф, прошел за мной и уселся с сигаретой в необъятное кресло. – Загляните в шкаф. Выберете, что вам больше по вкусу. Или мне выйти?

– Да нет, не беспокойтесь, – смущенно пробормотал я.

Однако Хариф тактично отошел к окну, прихватив пепельницу, встал там, отодвинув кружевные занавески, и принялся что-то заинтересованно высматривать – окно выходило во внутренний дворик.

– Мистер Ганн, то, что я вам скажу, я говорю как другу. Я вовсе не обязан говорить это. Более того, мы обычно не рассказываем о подобных вещах нашим зарубежным гостям. Если не возникает необходимость.

– А в чем дело? – спросил я совершенно равнодушно.

Мысли мои были заняты решением более насущной проблемы – что надеть: синюю пижаму тончайшей шерсти, белоснежное бязевое кимоно или шелковый красный халат с мелким набивным цветочным орнаментом?

Чуть посомневавшись, я все же снял с вешалки роскошный халат.

– Дело в том, – наставительно забубнил гид, – что Гюлистан, как и всякая страна, имеет свои особенности. Я об укладе жизни, традициях и законах. Так вот, чтобы у нас с вами не возникали какие-либо неприятные моменты, вам следует кое-что знать обо всем этом. И постараться примирить свой характер и желания к местным условиям.

В этот самый момент я как раз туго стягивал узел на поясе моего халата и, завершив дело, сразу как-то почувствовал себя значительно увереннее – избалованным персидским царевичем, не иначе.

– Если вы о наркотиках, мой друг, то я к ним почти равнодушен, – ответил я беспечно.

– Наркотики как раз не проблема, – отмахнулся он. – Наркотики – сколько угодно.

– Тогда что? Подходит мне этот халат? – потребовал я внимания, удовлетворенно рассматривая себя в зеркале со всех сторон.

Хариф обернулся.

– Вы словно в нем родились. Красное вам к лицу, – не совсем искренно похвалил он.

– Да? Я тоже так думаю. Мне бы хотелось сейчас принять ванну. С каким-нибудь экзотическим шампунем. Найдется здесь что-нибудь?

– Разумеется. Только не кажется ли вам, что для ванны слишком рано? Еще только пять. А после ванны вы разомлеете – и вас потянет на сон. Может быть – душ? Чтобы взбодриться? Нам все же необходимо поговорить.

– А во сколько здесь ужин?

– В восемь. Но я могу заказать что-нибудь в номер. Заморить червячка.

– Ладно, закажите что-нибудь легкое – салаты, сыр, суши. Я освежусь, а потом поговорим за бутылочкой, если это так важно, – согласился я милостиво.

– Да, за бутылочкой будет даже лучше, – явно обрадовался Хариф.

Но мне не понравились его нахмуренное лицо и озабоченный тон.

«Началось! – подумал я с легким раздражением. – Теперь будет грузить несуществующими проблемами, чтобы набить себе цену».

6

– Так что вы хотели мне сообщить? – спросил я, решив, что пора от него отделаться.

Я даже не успел еще распаковать вещи. И вообще, мне надоело его стеснительное чавканье. Этот Хариф способен был, кажется, съесть все, что нам принесли, если его не остановить.

– Вы уже наелись? – поднял толстяк взгляд от тарелки. – Так быстро?

Он вздохнул с сожалением, отпил из бокала вина и потянулся за салфеткой. Потом закурил и, сделав пару глубоких затяжек, уставился вопрошающе на меня, словно это я собирался рассказывать ему байки.

– Вы говорили о каких-то проблемах, – сказал я, уже не желая сдерживать раздражения. – Что за проблемы? Джоанна уверяла, что с вами у меня не будет никаких проблем.

– Джоанна? Она и мне кое-что о вас сообщила. Что вы чрезвычайно любознательны, эмоциональны и склонны ввязываться в сомнительные авантюры. И что самое худшее – чрезвычайно самонадеянны, из-за чего часто попадаете в неприятные ситуации.

– Джоанна так про меня сказала? – возмутился я. – Эта сумасшедшая сучка? Да она сама вечно попадает в дерьмо, куда бы ни ступили ее кривые сучьи ноги! Я даже перестал с ней вместе путешествовать из-за ее скандального характера!

– Напрасно вы так о Джоанне, – спокойно возразил Хариф, неодобрительно проводив взглядом рюмку с виски, которую я отчаянно сунул в рот. – Мне она показалась весьма рассудительной девушкой. Во всяком случае, с ней у меня не было никаких проблем.

– Мистер Хариф! – сказал я твердо, давая понять, кто кому платит. – Мне не нравится этот разговор. Если у вас есть что сказать, не теряйте моего и вашего времени. А если вам просто хочется поболтать о нашей общей знакомой... Я устал. Я хотел бы немного отдохнуть с дороги!

– Бобби, дорогой мой друг! – поспешил сменить тон Хариф. – Поверьте, мне самому неприятен этот разговор. Я всего лишь хочу, чтобы ваше пребывание в Гюлистане было максимально приятным и совершенно безопасным.

– О какой безопасности вы говорите?! – снова заволновался я. – Что мне может угрожать? Я всего лишь приехал посмотреть ваше гребаное шоу! И мне, если честно, насрать, что у вас тут война или какие-то особые традиции! Я ничего об этом не знал, и знать не желаю! Я заплатил деньги, между прочим! Что я еще должен сделать, чтобы поглазеть на ваш цветочный концерт и пару раз трахнуть с местными девчонками?!

Хариф, после моей истеричной тирады, еще больше поскуучнел. Он даже замолчал на пару минут, в продолжение которых я слышал от него лишь жалостливые придавленные вздохи.

– Ладно, мистер Ганн, – сказал он, капитулируя, – я вижу, что мне придется рассказать больше, чем предполагалось. Я хотел ограничиться лишь общими рекомендациями и кое о чем попросить. Но, судя по вашей реакции, вам недостаточно утверждения, что белое – это белое. Вам необходимо доказывать эту очевидность.

Он снова ненадолго замолчал и как-то сдулся. Мне даже стало чуть стыдно за свою несдержанность.

– Вы обратили внимание на арку в виде радуги при въезде в Алибад? – спросил неожиданно Хариф. – Эта стела была установлена одновременно с закладкой фундамента Пирамиды Вождя.

– Разумеется, заметил. Она такая огромная. Кстати, в библии радуга упоминается как символ завета, который Бог дал Нюю после потопа, – сказал я все еще чуть ворчливо.

– Даже так? – оживился обрадовано Хариф. – Я и не знал. А заметили вы также, что цвета радуги повторяются на плоскостях Пирамиды?

– Это тоже имеет какой-то скрытый смысл? – спросил я уже более заинтересованно.

– А как же! Имеет! И очень глубокий! Практически – всеобъемлющий!

– Но ведь Пирамида восьмигранная? – возразил я в недоумении.

– Верно! Восьмая грань – черная – символизирует дух нашего усопшего Вождя, который продолжает жить и будет жить вечно в каждом кирпичике созданного им государства и в сердце каждого из граждан нашей страны!

– Черный? – неприятно удивился я. – Хотя, черный – цвет траура, как я понимаю?

– В некоторой степени. Но в сочетании с золотым – золотая статуя Вождя! – он символизирует мощь и нерушимость Династии. А Династия – это и есть государство и его народ!

– Вот как? Вы хотите сказать, очевидно, что и другие цвета имеют какой-то символический смысл? Очень интересно!

На самом деле, меня в это время интересовало другое: когда этот болтун уберется? Я вдруг почувствовал явные позывы облегчиться. По большому. Наверняка дело было в суши и остром соусе.

– Друг мой, ваш рассказ весьма занимателен, – добавил я торопливо, предупреждая его порыв продолжить свои сакральные откровения. – Но, может быть, в другой раз? Я согласен, что тема стоит обстоятельной беседы. Но в данный момент я не в том состоянии, чтобы, так сказать, прочувствовать и проникнуться. Я немного устал, я рассеян. У меня даже слегка разболелась голова.

И я поспешил приложить руку ко лбу, который, к моему испугу, оказался вдруг мокрым и горячим.

Хариф тоже посмотрел на мой лоб.

– Так плохо? – спросил он встревожено.

– Ничего страшного, надеюсь. Сборы, перелет – сами понимаете.

– Может быть – врача? При отеле есть медицинская служба.

– Да нет, это лишнее. Мне просто надо полежать. Со мной такой бывает.

– Что ж, раз вы себя плохо чувствуете, – разочарованно пробормотал гид. – Отдыхайте.

Поговорим завтра. Но вы мне должны кое-что обещать, мистер Ганн!

– Что еще? – скривил я болезненно физиономию, чтобы он видел, как мучает меня его назойливое присутствие.

– Пообещайте, что вы не выйдете сегодня из отеля! – сказал он строго, встав, наконец, с кресла.

– Да куда же я выйду? Вы разве не видите? Я даже в ресторан вряд ли сегодня сойду. Обойдусь как-нибудь.

– Но если все же пойдете, – он вдруг перешел на пугающий шепот. – Я вас очень прошу, Бобби, не приставайте к обслуживающему персоналу! Вы понимаете, о чем я говорю? И вообще, не вступайте пока в контакт с местными. Я имею в виду приватные разговоры и все такое. Только после того, как я вас проинструктирую! Или звоните мне, если у вас вдруг возникнут какие-то особые пожелания относительно развлечений на вечер.

– Я вас не понимаю! – вскричал я в отчаянии, и я действительно не понимал, чего хочет от меня этот толстяк и как можно быть столь беспардонно навязчивым. – Какие, к черту, развлечения? Мне бы доползти до кровати! Идите, идите себе спокойно. Спасибо вам и до встречи!

Мне пришлось встать, схватившись непритворно за живот, который уже угрожающе урчал, чтобы мягко, но недвусмысленно подвинуть этого мужлана к дверям.

Захлопнув за ним дверь, я опрометью бросился в туалет.

7

Я решил спуститься в ресторан к половине девятого, рассчитывая, что к этому времени зал будет уже полон, и я смогу присмотреться к обитателям гостиницы.

Нет, я не собирался заводить интрижку с какой-нибудь симпатичной шведкой или американкой. С некоторых пор белокожие блондинки меня не очень привлекают. Разве что совсем уж исключительные особи. Но возможно, надеялся я вожаденно, среди гостей окажется одинокая эмансипированная арабка или индуска?

Для своего первого выхода в свет я выбрал скромный неприметный прикид – шелковый светло-коричневый костюм от Givenchy и шелковую же черную рубашку от Ицинь Инь. Строго оглядевшись в зеркале, нацепил очки. Для солидности. И для лучшего обзора – у меня незначительная близорукость. Легкомысленным девушкам почему-то нравятся мужчины в очках. Так говорят.

В коридоре было тихо и пустынно. Пройдя мимо двери лифта, я медленно начал спускаться по лестнице – всего-то пятый этаж.

По правде говоря, не очень-то я доверяю лифтам с тех пор как однажды, в Гаване, застрял между 62-м и 63-м этажами на целых сорок минут с багровоносным австралийским фермером, страдавшим, как оказалось, бронхиальной астмой.

Как нам после объяснили, случилась авария на подстанции, и без электричества остался весь район. И автономный энергоблок отеля почему-то не завелся. Потом нас вызволяли из лифта спасатели. Но перед этим мне пришлось спасать от нервного удушья этого беднягу,

решившего под старость лет прогуляться на Кубу и порезвиться с молоденькими мулатками. У него совсем некстати разрядился ингаляционный баллончик, за которым он и ехал в номер. А тут это. Представляете, что мне пришлось пережить?

Старику я не дал помереть, а вот сам на всю жизнь заработал легкую форму клаустрофобии. С тех пор, когда есть возможность обойтись без лифта, я так и поступаю.

Внизу, как только я снизошел, наткнулся на заговорщический кивок метрдотеля, стоявшего с важным видом пингвина посреди пустынного холла. Меня неприятно укололи его угрюмо вопрошающие крошечные глазки – так смотрят орангутанги на людей в клетках зоопарков. Но у меня не было вопросов к этому пингвинообезьяну. Я и без него знал, куда идти – налево. Во всех отелях ресторан располагается слева от лестницы и, соответственно, справа от входной двери – уж не знаю почему. Если, конечно, это приличный отель, соблюдающий многовековые отельные традиции.

– Добрый вечер! Где изволите сесть? – услышал я за спиной почтительный полусшепот, едва успев переступить порог заведения.

С тоской разочарования я оглядел большой полупустой зал. Несколько семейных пар, одинокие чопорные пожилые мужчины, на чьих лицах было крупными буквами написано «не подходи!», и три европейского вида девицы за одним из столов в самом темном и дальнем углу – наверняка лесбиянки.

– Пожалуй, там, под картиной, – указал я на один из сиротливо пустующих столов, расположенный в равном удалении от всех этих неинтересных мне людей.

Администратор послушной тенью выскользнул из-за моей спины и быстро прошел к указанному столу. Встал, что-то там поправил и командным кивком подозвал молоденького официанта.

Я чинно присел. Ужинать совсем расхотелось. Но пришлось взять в руки красочный ресторанный каталог и углубиться в изучение меню, которое оказалось довольно обширным. Я нашел страничку с французскими блюдами и начал выбирать – что бы такое можно съесть без особых усилий? После придирчивых изысканий, выбрал буйабез, раklet и на десерт – фрез-о-ликер.

– Что будете пить? – спросил внешне невозмутимый прилизанный администратор, записав в книжечку заказ.

Я открыл карту вин и, недолго думая, выбрал бутылочку недорогого белого – Савари Шабли.

– Еще что-нибудь будете заказывать? – спросил администратор, уже не скрывая разочарования.

– Пока все, – подарил я ему наивную улыбку, от которой этот «красавчик» явно смутился, поспешил передать вырванный из своей книжки листок мальчишке официанту и быстро ретировался.

Какие, однако, разные лица у этих гулистанцев, – подумал я, оставшись один в ожидании заказа. Словно их собрали в эту страну со всех континентов – как на Ноев Ковчег.

Встреть я Харифа где-нибудь в Аргентине, принял бы за неудачливого ковбоя, которого на излете молодости оседлала хозяйская дочка – некрасивая, но жутко... любвеобильная.

Этот администратор с приплюснутым черепом и изможденным вампирским лицом похож на румына из глухой карпатской деревушки, где на свет появляются исключительные ублюдки от невольных инцестных игрищ.

А вот мальчишка официант – ничего. Есть в нем нечто утонченно-порочное. Видел я таких мальчиков, слоняющихся в затертых джинсах в обтяжку по площади Святого Марка в Венеции в поисках крепких англосакских каникулярных студентов или шаловливых японских домохозяек, сэкономивших немного денег на распродажах и решивших их употребить на употребления себя экзотичными европеоидными жигало...

Тем временем с небольшой эстрады, залитой суицидальным фиолетовым светом, зашелестела меланхолическими аккордами джаз-группа.

Настроение испортилось окончательно.

Я люблю джаз, просто обожаю. Потому и не выношу любительского небрежного треньканья, тем более – в ресторанах. Ну, скажите на милость, какой к черту может быть джаз под тушеную рыбу? Джаз надо слушать в одиночестве, будучи в состоянии сильной душевной травмированности и под, соответствующим этой травмированности, градусом. Знал бы, что тут мучают посетителей джазом, заказал бы телячьи отбивные по-провансальски и водку.

8

Я уже дожевывал свой раklet и нацеливался на клубнику, когда вдруг щекотно ощутил мочкой уха чей-то настойчивый взгляд. Обернулся – и увидел у входа в ресторан Харифа.

Толстячок смущенно улыбался и мелко помахивал рукой.

Я неожиданно обрадовался. И у меня даже не мелькнул в голове язвительный вопросик: каким образом эта откормленная пиявка здесь нарисовалась?

Я призывно помахал в ответ – и он без промедления засеменил к столу.

– Вижу, вам уже лучше? – хитро улыбнулся мой аргентинский ковбой, довольно потирая ласты, как сытая выдра после удачной охоты.

– Присаживайтесь, – пригласил я. – Будете ужинать?

– Нет, спасибо, – ответил Хариф, шумно усаживаясь напротив. – Я успел кое-что перехватить в кафе.

– В дворике? – спросил я ревниво.

– Да, там совсем неплохо кормят. И можно при желании сделать заказ из ресторана.

– А как насчет выпить?

Хариф неодобрительно скосил взгляд на пузатую бутылку.

– Не откажусь. Но если только водочки.

Я сделал заказ, который был исполнен практически мгновенно: граненый графин с водкой, грамм на триста, и две тарелки с закуской. На одной тарелке, побольше, были выложены красочными рядами мясные и сырные ассорти. На другой, поменьше, еще более красочно, фрукты дольками – бананы, киви, лимон, большая янтарная кисть винограда и карминная горсть крупных гранатовых зерен в уголочке.

Я даже позавидовал. Мне самому захотелось отведать кусочек окорока, запить ядреной водкой и смачно занюхать парами лимонной кислоты.

Видно, этот прилизанный дракула – администратор – решил отыгаться за мой скромный ужин, подумал я без особой злости. Ну и ладно, зато напротив меня сидел человек, с которым можно было чокнуться – бокал о рюмку – и на которого можно было перелить часть моей вялотекущей меланхолии в необременительной застольной беседе.

«Только бы он снова не завел разговор об этой ряженой пирамиде!» – мелькнуло досадливо в голове.

– Хариф, а почему вы не уехали? – спросил я, наблюдая, как он начал жадно зажевывать паштетом проглоченную одним глотком водку.

– У меня были здесь кое-какие собственные дела, – ответил он, неохотно разлепив толстые губы.

– И как? Все удачно?

– Да, все в порядке. Я уже хотел уезжать, но потом решил позвонить коридорной – справиться о вашем здоровье. А мне сказали, что вы спустились вниз. Вот я и зашел лично убедиться, что вы в порядке.

– Спасибо. Я ценю ваше внимание.

Я, конечно, не поверил этому хитрецу. Наверняка ведь и он не поверил в мою скоропостижную болезнь, вот и следил.

– Хариф, а почему так мало народа в ресторане? Днем, когда мы приехали, в гостинице было довольно оживленно, – нашел я новую тему для разговора.

– Многие уехали в город. В городе почти каждый вечер дается какое-нибудь новое массовое развлечение. Особенно сейчас – в преддверии праздника.

– И что это за развлечения? – заинтересовался я.

– Большой частью концерты на открытом воздухе – песни, танцы. Иногда бывают спортивные выступления и парады. Или народ веселят циркачи – канатоходцы, шпагоглотатели, клоуны. В общем, есть на что посмотреть. И все, заметьте, бесплатно!

– Что же вы мне раньше не сказали? – возмутился я. – Мы бы тоже могли поехать!

– Но ведь у вас разболелась голова! – удивился он притворно.

– Она разболелась от ваших скучных разговоров! А не поехать ли нам сейчас? – предложил я.

Хариф посмотрел на свои массивные золотые часы.

– Мистер Ганн, уже почти десять. Пока мы доедем, все уже разъедутся. Я бы посоветовал вам сегодня отдохнуть. Еще успеете нагуляться, – сказал он с добродушием заботливой мамыши.

– Но что мы здесь будем делать? Мне скучно! И меня уже начинает бесить этот ваш малахольный гюлистанский джаз!

Хариф медленно обернулся к сцене, словно только что услышал музыку.

– Скоро они закончат, не нервничайте, – сказал он невозмутимо. – И здесь тоже будет довольно весело. Выйдут певцы и начнут петь песенки. В основном западного репертуара – всякие там рок, поп. И постояльцы к этому времени как раз подтянутся из города – на танцупьлки. Если не будете зевать, сможете закадрить кого-нибудь.

– Но ведь это когда еще будет!

– Давайте сходим пока в казино? Вы ведь интересовались?

– Я играю только в рулетку! – возразил я глупо.

– В каком же казино нет рулетки? – не сдержал он своей язвительной улыбки.

9

– А вы не будете играть? – спросил я, заметив, что мой гид не стал менять деньги.

– Нет, не хочется, – ответил он, глядя куда-то в сторону.

– Почему так? Это забавно. И ставки здесь всего от пяти амеро.

– Я никогда не играю в рулетку.

– Но – почему? – удивился я. – Вы человек азартный, насколько я разбираюсь в людях.

– Вам так показалось, – сказал он, снова отводя глаза.

– Ну, как хотите, – разочарованно пробурчал я и присел к столу, за которым хороводила симпатичная раскосая брюнетка в красной жилетке.

Кроме меня, в игре были два приятеля – смешливые парни славянской наружности, пожилой грустный негр и четвертой – дама лет сорока, пестро и безвкусно разодетая и вся в золотых цепочках и перстнях, по виду – настоящая цыганка.

Обычно я начинаю игру осторожно – блэк-ред. Если немного выигрываю, перехожу на серии. Если продолжаю выигрывать, ставлю на номера. И никогда не ставлю на зеро!

Но в тот раз, нарушив собственные правила, сразу поставил на семнадцать – всего десятку – и выиграл!

Правда, я быстро спустил выигрыш и даже попал в довольно крупный минус, после чего и перешел к своей обычной тактике.

Но мне продолжало фатально невезти даже на блэк-реде, где я вполне разумно, на мой взгляд, увеличивал ставки, рассчитывая, что возрастающая вероятность выигрыша даст мне возможность отыгаться (собственная версия системы Мартингейла). Достаточно было всего лишь серии из двух-трех удачных попаданий.

В итоге, уже через полчаса, мой запас фишек на 500 амеро был исчерпан, и мне пришлось попросить Харифа разменять еще пять сотен. Это будет мой предел на сегодня, решил я про себя.

Пока я проигрывал, юнцы ушли, нежно обнявшись. Зато к столу подсели две супружеские пары. Одна из дам, молодая смуглая брюнетка, возможно – итальянка, была совсем свеженькой и миленькой. И что особенно притягивало – вела себя весело и непринужденно. Скорее всего – выпила лишнего. Я ею неприкрыто любовался, – ее кукольным личиком и едва налившимся женской спелостью телом, возбуждающе проглядывавшим всеми своими интимными округлостями сквозь полупрозрачную ткань вечернего платья, – и вскоре она заметила мои восхищенные взгляды и даже начала кокетливо постреливать в меня глазками. Сама она ставки не делала, лишь следила за игрой. Зато ее муж, или кем там он ей приходился, весь сосредоточился на игре, равнодушно отдав тело подруги на растерзание похотливых взглядов.

Я все продолжал проигрывать. Но меня теперь занимало лишь одно: как долго я продержусь, чтобы иметь радость перепахиваться совсем уже бессовестными взглядами с этой смуглянкой. «Может быть, из этого пинг-понга что-нибудь обломится при следующей нашей встрече? – распалял я в себе казанову. – Кажется, эта стервочка не очень-то стесняется своего дружка? Надо бы завтра попытаться ее подсторожить вечером. Но сначала узнать – в каком номере остановилась...»

И тут в мое ухо дунул этот Хариф своим слюнявым шепотом:

– Ставьте на 25! Пятьдесят амеро!

– С какой стати? – возразил я ему нервически. – У меня осталось всего пару сотен!

– Поставьте, я прошу вас! – неожиданно страстно взмолился Хариф. И я поставил. Сам не знаю почему.

– Ставки сделаны, господа! – в очередной раз трагическим голосом объявил крупье.

Тефлоновый шарик все еще несся по желобу, постепенно снижая траекторию, вот он уже почти скатился в дорожку, подпрыгнул на ямке номер девятнадцать, ударился о двадцать пятую... и отпрыгнул, замерев в тридцать четвертой.

– Номер тридцать четыре, красное, выиграл, господа! – выкрикнул крупье – и девушка в красной жилетке начала сгребать фишки.

Я даже не оглянулся на Харифа. Лишь обозвал себя мысленно идиотом.

А этот толстяк опять мне шепчет:

– Поставьте снова на 25, Бобби! Сотню! – и так требовательно, словно это он играет, а я всего лишь его казначей.

– Отстаньте! – не выдержал я и сбросил со своего плеча его лапу. Но он продолжал настаивать:

– Бобби, поставьте! Я отдам вам эту сотню, если вы проиграете!

На нас уже начали оглядываться. Особенно смущал разочарованный взгляд «итальянки». Он словно укорял: трусишь, боишься рисковать?

Я успел поставить. Несколько кругов – и шарик, словно намагниченный, устремился вниз и намертво застыл в ямке.

– Номер двадцать пять, красное, выиграл, господи!

Подошла банкирша и поставила слева от меня на стол ящичек полный фишек. Не плохо, а? Но меня больше порадовало явное одобрение этой «итальянки» – она наградила меня парой беззвучных касаний пальчиков о пальчики, изображая аплодисменты, расплывшись при этом в откровенно обольстительной улыбке.

– Поздравляю, – почему-то недовольно пробурчал сзади Хариф.

– Спасибо, дружище! – гордо отозвался я. – На что будем ставить?

– Я бы поставил пару сотен на черное.

Я послушно поставил и выиграл.

– Повторите, – еще угрюмее бросил Хариф.

Я поставил и снова выиграл.

– Может, хватит? – спросил он совсем уже трагическим голосом.

– Хариф, глупо прерывать игру, пока удача улыбается! – ответил я легкомысленно, откровенно пожирая глазами мою шалунью, которая теперь смотрела только на меня, поигрывая пальчиком со своими пухлыми губками.

– Как хотите, – безнадежно отозвался он.

Я сам сделал ставку. Поставил четыре сотни на цифру семнадцать, что принесла мне первый успех, – и продул. Потом сделал еще несколько беспорядочных ставок – и все они проиграли.

Хариф за спиной молчал. Я даже не слышал его сопения. Обернулся обеспокоенно и увидел, что он успел что-то заказать и потягивает из бокала.

– Не везет, – сказал я смущенно, встретившись с его осуждающим взглядом.

– Я ведь говорил, что надо вставать.

Как раз в это время итальянка со своим спутником поднялась из-за стола и, даже не глянув в мою сторону, двинулась к выходу.

– Ладно – последняя ставка, – решил я, потеряв интерес к игре.

– Ставьте на первые три! – сразу оживился Хариф.

– Сколько?

– Триста. Вы все равно в выигрыше.

Я отсчитал фишки и двинул, совершенно забыв, что там мое суеверно нелюбимое зеро.

10

– Хариф, как это у вас получилось? – спросил я, отпив из чашки удивительно ароматный кофе.

Мы сидели в дворике. Между нами, на столе, мирно горела лампа из толстого цельного куска стекла пирамидальной формы.

– Что именно? – спросил он.

– Я говорю про игру. Вы пять раз мне подсказали и четыре раза я выиграл.

– Это просто случайность, – небрежно отмахнулся он.

– Это не может быть случайностью! – возразил я.

– А что это тогда, по-вашему? – вылупил он театральнo глаза.

– Ну, я не знаю. Вы, очевидно, очень опытный игрок. Признайтесь, вы следили за выпавшими номерами и высчитывали вероятность?

– Ничего я не высчитывал! – вроде как обиделся Хариф. – Я даже не всегда следил за рулеткой! Это обычное везение. Такое иногда случается.

– Везение? Что ж вы тогда сами не сели за стол, если такой везучий? – спросил я не без ехидства. – Я ведь видел, как вам хотелось.

– Нам нельзя, – мрачно уронил Хариф, и бережно поставил свою чашку на холстяную салфетку.

– Нельзя? Что вы хотите этим сказать? – удивился я. – А! Понял: вам запрещено играть во время работы?

– Нам вообще нельзя. Гюлистанцам запрещено играть в азартные игры. Почти всем. За это могут строго наказать.

– Что за бред? Как это может быть? – еще более удивился я. – И что значит «почти всем»? Вы хотите сказать, что кому-то из гюлистанцев можно играть, а кому-то нельзя?

– Вот именно, – ответил он.

– Но это несправедливо! Что за средневековые привилегии устанавливают ваши правители? – возмутился я. – И как это можно практически осуществить, проверить? У вас что – на лбу написано, кому можно зайти в казино, а кому нельзя?

– Бобби, ваши шутки неуместны, – строго сказал Хариф. – Этому закону уже много лет. И лишь недавно в него были внесены некоторые либеральные поправки в пользу высших классов.

– О каких высших классах вы говорите, Хариф? У вас что – классовое общество?

– По Конституции – гражданское. А по установленным традициям – классовое. В некотором роде. Закон Пирамиды!

– А причем здесь «пирамида»? Опять эта чертова «пирамида»! – уставился я почти с ненавистью на лампу, чахло источавшую желтоватый свет.

– Не кричите так, Бобби, – мягко укорил меня Хариф. – Это неприлично. Я ведь вам давеча пытался все объяснить, но вы не захотели слушать.

– Что вы хотели мне объяснить, черт возьми? – еще больше разозлился я.

– Джоанна была права, – безнадежно вздохнул Хариф. – Вы очень эмоциональны. Почти неврастеник, извините.

Я задохнулся от возмущения.

Никакой я не неврастеник! Просто терпеть не могу, когда меня держат за лапуха!

Но я взял себя в руки, отпил с отвращением глоток остывшего кофе и сказал:

– Хариф, я вижу, вы не успокоитесь, пока не продиктуете мне свои чертовы инструкции. Что ж, я готов выслушать, если у вас так чешется. Могу даже записать, если для вас это так важно.

– Это важно для нас обоих, Бобби! А записывать ничего не надо.

– Давайте, давайте! Я слушаю! Только, пожалуйста, коротко и конкретно. Без всяких там страшилок.

Хариф помолчал, пристально разглядывая меня, ожидая, очевидно, когда я успокоюсь и проникнусь должным вниманием, а потом сказал:

– Бобби, посмотрите на меня внимательно. Вы не находите ничего необычного в моем гардеробе?

Сказав это, он невозмутимо закурил и откинулся в кресле под моим оторопелым взглядом.

В следующий миг я невольно пробежался взглядом по его дешевому шмотью. Хотя, что его было разглядывать? Этот тип уже полдня болтался передо мной в одном и том же мешковатом светло-сером костюме с серебристыми блестками и в белой рубашке с синими вертикальными полосочками.

– Внимательно, Бобби, внимательно. Это такая маленькая штучка.

– Я ничего не вижу, кроме вашей самодовольной улыбки! – нервно выпалил я.

– Вы ничего не замечаете, потому что не знаете, на что именно надо обращать внимание, – сказал примирительно Хариф. – В этом и проблема!

– Опять «проблема»?! – взвился я.

Он меня уже достал, этот индюк. Я почти решил встать и уйти. Да пошел он со своими загадками! Найду себе другого гида – не такого напыщенного болвана!

– Вот! Вот на что надо смотреть! – придвинулся вдруг Хариф, тыкая своим толстым пальцем в какой-то крошечный значок на лацкане пиджака.

– И что это? – недоверчиво спросил я, но и сам придвинулся, чтобы рассмотреть. – Университетский значок? Или вы член какого-то тайного общества?

– Это – все, Бобби! Все, что вам надо знать о гюлистанце, чтобы понять, как себя с ним вести! – сказал он торжественно.

– Это? Дайте-ка посмотреть, – заинтересовался я.

– Только не уколитесь, – сказал Хариф и вытянул из материи значок, который оказался насаженным на иглу.

– Похоже на какой-то цветок, – сказал я, вертя у самого носа невзрачную вещицу, выполненную из дешевого металла. – Так что это за штучка?

– Не важно, на что похожа эта штучка. Важно – какого она цвета!

– Она зеленая. И что?

– Вот об это нам и необходимо с вами поговорить – о цветах Радуги! О цветах Пирамиды! О мудром устройстве нашего государства, о соподчиненных слоях нашего общества, каждый из которых выполняет предписанные ему государством обязанности и имеет соответствующие права! – выдал пламенное резюме Хариф, забрав из моих рук значок и церемонно воткнув на прежнее место.

– Так все дело в цвете? Каждый класс вашего общества символизирован в определенном цвете радуги? – предположил я неуверенно.

– Именно так!

– И вы все должны носить такие значки? Но я ни на ком, кроме вас, не замечал такого значка! – сказал я, невольно завертев головой.

– Вы и на мне его не замечали, пока я не ткнул вас носом, – усмехнулся победительно Хариф.

– Но откуда я мог знать, что этот невзрачный значок может что-то означать? И что мне в таком случае искать на других, чтобы определить, кто они?

– Цвета, Бобби. Цвета Радуги! Это может быть что угодно. Какой-нибудь аксессуар одежды, украшение – значок, кулон, сережки, «бабочка»!.. Кстати, о «бабочках». Вы заметили, какого цвета «бабочки» у персонала гостиницы?

Я ненадолго задумался, пытаюсь припомнить.

– Фиолетовые?

– Совершенно верно!

– Уж не хотите ли вы сказать, что эти фиолетовые «бабочки» тоже – опознавательный знак?

– Именно!

– Никогда бы не подумал! – изумился я искренно.

– Так и должно быть! Гюлистанцам предписано разнообразить эти знаки. Ведь представьте, если бы мы все носили что-то одинаковое на себе? Скажем, повязки на руках, или звезды на груди, как метили фашисты евреев. Иностранцы сразу бы заинтересовались – что это мы все носим? И начали бы задавать вопросы. А нам это ни к чему – у нас, по Конституции, демократия!

– Хороша демократия, – не удержался я. – Но ведь это неудобно, Хариф!

– Что – неудобно?

– Разнообразие! Вам должно быть неудобно каждый раз выискивать на всяком встречном эти самые разноцветные знаки!

– А нам этого и не надо, – хитро улыбнулся мой гид. – Мы и без специальных знаков почти всегда можем определить, кто из нас к какому сословию принадлежит.

– Это как же?

– По его профессиональному и материальному статусу. Что тут непонятного? По району, в котором он живет. По тому, как одевается, какая у него машина. Это очень просто. Вот, к примеру, все тот же низший персонал гостиниц. Они все «фиолетовые». Так же, как к сословию «фиолетовых» относятся практически все рабочие, мелкие служащие, прислуга, продавцы в магазинах. В общем, всякая мелкота. Они все почти – Дети Государства.

– «Дети Государства»?

– Я потом вам объясню, что это означает. Главное для нас сейчас, чтобы вы поняли: надо вести себя осмотрительно с гулистанцами, раз уж вы такой... общительный.

– Вы меня озадачили, Хариф, – признался я, неповоротливо обдумывая странную информацию. – Все это так необычно. Я даже вам не совсем верю, извините. У меня как-то не укладывается в голове эта дикость.

– Это совсем не дикость, мистер Ганн! – голос Харифа снова посуровел. – Вы ведь еще ничего и не знаете, я вам ничего почти и не рассказал, а сразу делаете скоропалительные и обидные выводы. Вот когда я вам все расскажу и объясню, тогда вы и сами, – я уверен! – поймете всю мудрую и, я бы даже сказал, философски гуманную суть устройства нашего общества. Эта оригинальная, не имеющая аналогов в мире, социальная модель весьма эффективна, уверяю вас, в части управления государством и преумножения его мощи во благо всем членам общества, к какому бы сословию они не относились. Она, наконец, справедлива. И, что я могу сказать с особой гордостью, она честна, в отличие от ваших западных обществ, которые, если говорить откровенно, устроены почти так же, но ханжески скрывают свою тоталитарную сущность за ослепительным фасадом демократии!

– Что вы несете? Как вы можете сравнивать? – неприятно изумился я.

– Могу! Я прожил целых семь лет в Европе.

– Ладно, ладно. Я не собираюсь ввязываться с вами в политические споры. Возможно, я чего-то не знаю, чего-то не понимаю. Так расскажите мне это подробно. Меня это весьма заинтересовало.

Хариф в очередной раз глянул на свои шикарные часы.

– Время к полуночи, мистер Ганн. Давайте отложим разговор до завтра? Чтобы объяснить все в подробностях, необходимо время, которым ни вы, ни я в данный момент не располагаем. Вам надо отдохнуть.

– Да к черту отдых! – отмахнулся я. – Вы меня не на шутку заинтриговали! Давайте поднимемся ко мне в номер, закажем чего-нибудь выпить, и вы мне все расскажите?

– Нет, мистер Ганн. Завтра. Я и сам устал, – не соблазнился толстяк.

– Это не честно!

Но он уже встал.

– Извините, не могу. Меня ждут. Во сколько завтра заехать?

– Да когда хотите, – огрызнулся я раздосадовано. – Попозже.

– В десять?

– Можно в десять.

Хариф протянул руку, которую я неохотно принял.

– Очень приятно было с вами познакомиться, мистер Ганн, – сказал он неожиданно официальным любезным голосом. – Надеюсь, вы останетесь довольны пребыванием в нашей стране. Можете во всем на меня рассчитывать. До встречи!

И он пошел к воротам, на ходу застегивая пуговицы своего мятого пиджака.

А я сразу почувствовал себя вроде как брошенным сиротой. Мне стало как-то неуютно и даже чуть тревожно одному. Так что, если этот Хариф хотел припугнуть меня и заставить вести тихо и скромно, то у него это здорово получилось.

Когда я подошел к лифту, из раскрытых дверей ресторана бесшабашно выплескивались в холл залихватские аккорды разнузданно-канканной музыки. Но я лишь поморщился – мне хотелось только одного: быстрее подняться в номер, запереться на ключ и сунуть голову под одеяло.

2

Пирамида

Все животные равны, но некоторые равнее других.
Оруэлл

1

Проснулся я рано, но долго лежал с закрытыми глазами.

Никакого радостного оживления, что почти всегда испытываешь, просыпаясь в гостиничном номере незнакомой страны в предвкушении новых впечатлений, не наблюдалось – лишь смутное беспокойство, переходящее в нарастающий страх.

Помню, в Конго, я уже испытывал подобное чувство. Это было во время охоты на львов. Мы шли сквозь редкую рощу акаций в сопровождении нескольких поводырей. Шли уже довольно долго. Было жарко, я устал нести тяжелое ружье и плелся в хвосте группы, рядом с пожилым худощавым проводником, которого звали Абдуль. И я вдруг обратил внимание, что в руке у него одна только сучковатая палка, которой он пользовался как посохом. Никакого оружия, даже ножа за поясом.

– Абдуль, – спросил я, – а почему у вас нет оружия?

– А зачем оно мне? – удивился он.

– А если на нас нападут львы?

– Львы не нападают на людей. Если только подойти совсем близко и разозлить их сильно.

– А вдруг?

Абдуль усмехнулся.

– Если львы нападут, ружье вам не поможет. Они нападают сразу всей стаей и очень быстро бегают.

– И что – никак нельзя защититься? – неприятно удивился я.

– Единственный способ, – сказал Абдуль, – что есть мочи бежать к ближайшему дереву и залезть как можно выше.

Вот тогда я и испугался. И позавидовал Абдулю, что он совсем не устал, чтобы быстро бегать, и что у него не было ружья, а значит – не было коварного соблазна защищаться. Он наверняка бросит нас при первой же опасности, подумалось мне, и кинется наутек. А потом будет смотреть с высокого дерева, как мы, дураки, героически сражаемся с разъяренными львами, надеясь на смертоносную силу своих ружей.

Мне было тогда так же беспокойно. Я шел и оглядывался вокруг, высматривая высокие деревья и прикидывая расстояние – успею ли до них добежать?

Но тогда нам повезло. Мы встретили лишь одинокого старого льва, стоявшего, пошатываясь, у большого серого камня и тершего об него свою шелудивую шкуру.

Лев рухнул как тряпичная кукла под дружным залпом наших ружей, издав предсмертный рык облегчения.

А потом мы возвращались в лагерь, чувствуя себя победителями и громко споря меж собой – чей выстрел оказался смертельным и кто на что может претендовать от трофея. Мне, кстати, достался хвост.

«Закажу завтрак в номер! – неожиданно решил я».

Завтрак принесла полноватая женщина лет тридцати. Я по привычке сунулся в карман за мелочью, но женщина сразу протестующе замахала руками:

– No, Mister, no!

«Ах, да! – вспомнил я. – Гюлистанцы не берут чаевых».

Об этом странном факте я узнал еще в первый день, когда сопровождающий меня в номер гарсон гордо отказался от пары амеро, которые я ему предложил.

«Что ж, похвальный обычай – решил я. – Эта почти узаконенная фамильярная благодарность унижает человека. Наверное, им здесь неплохо платят, и они очень дорожат своей работой. Хотя...».

Я вспомнил вчерашний разговор с Харифом. Вспомнил, что он говорил о низшем «фиолетовом» классе. Эта женщина наверняка тоже была «фиолетовой». Но я не заметил на ней никакого знака – как-то и не обратил особого внимания по привычке. Что там на ней было? Голубой халат, белый передник...

А что было фиолетовым? Точно! Кружевной воротничок халата был ярко-фиолетовым!

Тут я стал рассуждать о необычайном устройстве гюлистанского общества, попивая горячий шоколад с марципанами. Я пытался мысленно выстроить схему на основе тех разрозненных сведений, что мне вчера успел выдать Хариф.

В принципе, общая структура была ясна: над всеми – черно-золотой Правитель со своей семьей, а дальше уже все остальные – от «красных» до «фиолетовых». Но какое практическое наполнение может иметь эта цветовая иерархия? И чего следует опасаться чужаку в этом условно-кастовом обществе?..

Как раз в этот момент запиликал телефон. Было без четверти десять, и я сразу понял, что это мой гид. Что ж, я готов. Посмотрим, что он на сегодня приготовил.

Хариф сидел на диванчике в холле и перелистывал какой-то журнал. Заметив меня, неспешно поднялся и пошел навстречу. В свою очередь, пока к нему шел, я успел перехватить приветливую улыбку метрдотеля. Это был уже другой метрдотель – помоложе, но такой же большой и важный, похожий на подстриженного наголо ньюфаундленда. Его мощную шею плотно обхватывала ярко-синяя «бабочка». Синяя! И почему – синяя, мне было теперь понятно: он из более высокого класса, чем другие мелкие служащие гостиницы!

– Доброе утро, мистер Ганн! – приветствовал меня Хариф, нацепив на лицо одну из своих дежурных улыбок. – Как спалось?

– Плохо спалось, – буркнул я.

– Почему? Что вас беспокоило? – непритворно огорчился он.

– А вы не понимаете? Я полночи вчера думал о вашей чертовой Пирамиде!

– О, как досадно! Это я виноват, простите. Не думал, что вы такой впечатлительный. Забудьте, Бобби! Вчера я, возможно, несколько сгустил краски. А вы меня неправильно поняли.

– Нет уж, Хариф! Я теперь не успокоюсь, пока вы мне все не расскажите.

– Расскажу, Бобби, обязательно расскажу. Но не сейчас же? Давайте лучше поговорим о ваших планах на сегодня? С чего бы вы хотели начать?

– А что вы посоветуете?

– Но вы ведь читали рекламные проспекты? Неужели у вас не сложился хотя бы в общих чертах план путешествия?

– Я никогда не действую по плану. Я люблю спонтанность и импровизацию. Что это за удовольствие, если оно запланировано?

– Может вы и правы, – поспешил согласиться гид. – Развлечений в Алиабаде сколько угодно. Но обычно туристы начинают или с общего осмотра города или с вылазки за город – вокруг Алиабада целый комплекс туристических развлечений. У нас очень живописная природа – есть на что посмотреть.

– Да, я уже успел заметить, когда мы ехали из аэропорта.

– Да вы и сотой доли не видели из местных красот! – загорячился Хариф. Видно, ему очень хотелось изъять меня из города.

– Верю. Но мне что-то неохота тащиться за город. Может быть, прошвырнемся для начала по городу? Я вчера ничего толком не успел увидеть.

– Как вам будет угодно. Но, прежде чем мы поедем, – Хариф вдруг смущенно вздохнул. – Мистер Ганн, мне неудобно вам напоминать, но мы еще не заключили договор по поводу моих услуг.

– Да, конечно. Мы должны куда-то ехать для этого?

– Нет-нет, все оформим здесь же, не беспокойтесь.

– Извольте.

Хариф сделал приглашающий жест и повел меня к стойке менеджера. Сегодня за столом сидел парень лет тридцати, в очках с металлической оправой и четким пробором в редких жирных волосах. На нем был синий галстук.

– Доброе утро, мистер Ганн, – поприветствовал он меня с сухой вежливостью, и сразу вынул и положил на стойку коричневую папку.

Хариф раскрыл ее и начал перебирать документы.

– Вот, мистер Ганн. Ознакомьтесь и подпишите, если вас все устраивает, – подвинул он мне раскрытую тонкую книжечку.

– Где мне расписаться? – спросил я, небрежно пролистывая документ.

– На предпоследней странице, – и он подвинул мне ручку.

Я уже было нацелился на графу «customer», когда заметил проставленную сумму услуг.

– Хариф, – напрягся я, – кажется, здесь какая-то ошибка?

– Где? – спросил гид и, заглянув в документ, обеспокоенно засопел. – Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду вот это – восемьсот сорок амеро, – сказал я по возможности сдержанно. – Мне кажется, это несколько больше, чем должно быть. Или я чего-то не учел?

– Это стандартная такса, мистер Ганн, – сделал Хариф круглые глаза. – Семь дней по сто двадцать амеро в день.

– Почему – по сто двадцать? Я интересовался. Должно быть – от сорока до семидесяти!

– Мистер Ганн, вы неправы. Вернее, вы были бы правы, если бы вас обслуживал другой гид – соответственно бизнес-классу, по которому вы оформили свой вояж. Но я гид более высокой категории. Обычно я обслуживаю VIP-персоны или же группы. И поэтому...

– Все-все, я понял, – поспешил согласиться я и расписался. – Можно проплатить здесь же?

– Да, конечно. Мне так неловко за это недоразумение, мистер Ганн, – все еще лепетал Хариф, пока очкастый менеджер проделывал операцию с моей кредиткой. – Я думал, что Джоанна вас предупредила.

– Все нормально, Хариф, – похлопал я его по плечу. – Ваши услуги обойдутся мне чуть дешевле, чем гостиничный номер. Это такая мелочь, не правда ли?

– Но мистер Ганн! – чуть не захныкал Хариф.

– Я пошутил, старина. Это черный английский юмор, не обижайтесь, – И я подхватил разобиженного толстячка за талию и поволок к выходу. – Я еще вам и должен, если по совести.

– Это за что же? – удивился он.

– За вчерашний выигрыш. Разве вы вчера не выиграли для меня пять штук?

– Четыре тысячи семьсот, если быть точным, – сразу подобрался он. – Но это было всего лишь везение!

– Вот потому вы мне и необходимы. Я очень надеюсь, что мне с вами будет везти и дальше.

2

Во дворе Хариф подошел к огромному ослепительно белому «линкольну» с открытым верхом. Это была древняя, почти антикварная модель, но выглядела машина как новенькая.

– Это ваша? – спросил я, устраиваясь рядом.

– Нет, что вы. Это от фирмы.

– Вот и я подумал – как-то не вяжется с вашим вкусом.

– Мой вкус здесь ни при чем. Такая машина мне не по карману.

– Вы такой бедный? В Европе подобное старье стоит штук десять от силы. А в Японии и того меньше – пять-шесть.

– А здесь стоит все двадцать. Я не настолько богат, чтобы покупать художественный металлолом.

С этими словами Хариф завел «металлолом» с первого оборота и стал осторожно подавать машину назад.

Мы выехали на улицу, Хариф развернулся и, переключив скорость, рванул в сторону зеленого массива.

– И куда мы едем? – спросил я. – Мы вроде приехали с другой стороны?

– Проедем через рощу. Там есть одно красивое место, стоит посмотреть.

Въехав в дубовую рощу, Хариф сбавил скорость и закурил, откинувшись в кресле.

– Нравится? – спросил он.

– Ничего. Похоже на парк.

Роща и впрямь больше была похожа на огромный парк – слишком все было живописно и расчислено.

– Здесь есть несколько ресторанов. Очень вкусно кормят. Можно заказать такси и приехать с кем-нибудь. И мотели есть. Никто не побеспокоит.

– Спасибо, я учту, – ответил я, мельком вспомнив жемчужную улыбку вчерашней «итальянки» из казино.

– А вот озеро. Любите рыбалку? Здесь полно рыбы – карпы и сазаны, – кивнул Хариф в сторону большого пруда, мерцавшего бледной голубизной в зеленой подкове прибрежной зелени.

– Нет, это не по мне.

– Напрасно. Очень популярный отдых. А летом здесь вообще не протолкнешься – приезжают купаться.

– Друг мой, я предпочитаю экстремальные виды отдыха. Рыбалкой на карпиков и полосканием в стоячей воде я еще успею насладиться, когда выйду на пенсию.

– А на лошаде не хотите прокатиться? – спросил он невозмутимо.

– А Диснейленда у вас здесь нет? – разозлился я.

– Есть, – почему-то вдруг горестно вздохнул Хариф. – Вернее – был на одном острове. Но сейчас там ничего не работает, да и не добраться туда.

Он хмуро замолчал и притопил педаль газа.

– Это здесь, – сказал Хариф, остановив машину на большой площади, посередине которой грозно гремел фонтан, обрамлявший своими радужными струями хромированную колонну с развивающимся высоко в небе огромным полотнищем национального флага Гюлистана.

– И как это место называется? – спросил я, задрав голову.

– На английском это будет звучать как Гора Фонтанов.

– Тут еще есть фонтаны?

– Здесь целый каскад фонтанов. Вот, пройдемте.

Мы обогнули по дуге фонтан, и вышли к огромной лестнице, ведущей далеко вниз – к самому городу.

Вид с этого места открывался захватывающий – что правда, то правда. Представьте себе широченную, метров в шестьдесят, лестницу из черного гранита, а на ней ряд площадок – каскадами – с золочеными фонтанами один красивее другого. Вода из одного фонтана переливается в другой по двум каменным желобам, устроенным с обеих сторон площадок, чтобы в самом низу слиться воедино и обрушится целой ниагарой в огромный водоем. И еще представьте себе, что повсюду на площадках и вдоль лестницы разбиты цветники, растут декоративные растения, устроены нарядные беседки и скамеечки.

Словом, все это весьма впечатляло.

– Сколько здесь всего фонтанов? – спросил я.

– Основных – восемь. И каждый из фонтанов символизирует одну из провинций Гюлистана.

– А этот? – спросил я, обернувшись к фонтану с флагом.

– Этот символизирует единство государства.

– Понятно. А что это за золотистый дворец за фонтаном? Он тоже что-то символизирует?

– Это – музей Вождя. Разве вы не видите перед ним памятник Вождю?

– Да у вас повсюду памятники вождю. И не вы ли говорили, Хариф, что музей Вождя находится в Пирамиде?

– Правильно. В Пирамиде – центральный музей. А это – филиал.

– В одном городе – два музея? – удивился я.

– В Алибаде, вообще-то, четыре музея Вождя.

– Не слишком ли много?

– Для светлой памяти Вождя и основателя Династии ничего не может быть слишком много! – назидательно сказал Хариф. – В Пирамиду водят только почетных и официальных гостей Гюлистана. А в подобные музеи может придти каждый, когда он почувствует необходимость причаститься светлой памяти Вождя.

– И много у вас таких музеев по стране?

– Достаточно. Практически в каждом городе.

– Это уже какая-то религия! – не сдержался я. – Почти идолопоклонство!

– Вам этого не понять, мистер Ганн. Для этого надо родиться гюлистанцем. Только гюлистанец, знающий трагическую историю своей страны, способен осознать, от каких бед спас государство наш незабвенный Вождь! Только гюлистанец понимает, что всем лучшим в нашей жизни мы обязаны мудрости и прозорливости Вождя, пожертвовавшему всего себя без остатка во благо процветания нашей любимой родины! Только гюлистанец!..

– Ладно, ладно. Вы опять завелись. Любите вы своего Вождя – и любите на здоровье. Давайте лучше прогуляемся по лестнице. Я хочу поближе все это увидеть.

– Я для этого вас сюда и привел, – поспешил улыбнуться Хариф. – Отсюда мы как раз выйдем на один из проспектов, ведущих к Площади Цветов.

– А как же машина? – спросил я.

– Не беспокойтесь, ее пригонят.

Прогулка по лестнице была столь же приятной для глаз, сколь утомительной для ног. Я даже вспотел, и на одной из площадок, где грохотал очередной фонтан, попросился на скамеечку – вроде как полюбоваться.

– Хотите колы? Или мороженого? – заботливо поинтересовался гид.

– Мороженого, пожалуй, – сказал я. – Что-нибудь фруктовое.

Хариф отошел к одному из лоточков под навесом, которых было во множестве на лестнице, и вскоре вернулся с мороженым.

– Я взял вам клюквенное, а себе кофейное. Но если хотите, поменяемся?

– Нет, я люблю клюкву, – сказал я, тщетно вспоминая: когда же в последний раз ел клюкву? Оказалось, что вроде как никогда и не ел.

– Кислое, – похвалил я, облизывая холодную красноватую массу. – Самое то. Скажете потом, сколько я вам должен за это удовольствие.

– Бобби, как вам не стыдно? Это такая мелочь. Тем более, что мороженое и прохладительные напитки летом в нашем городе раздают бесплатно.

– Seriously? Прямо как в Турции на гостиничных пляжах. И гюлистанцам – бесплатно?

– Всем! Но гюлистанцы не особо любят мороженое.

– Странно. Где-нибудь в Париже или Лос-Анджелесе такое даже представить невозможно. Все местные клошары и бомжи только бы и делали, что набивали животы дармовым мороженым. А ваши лоточники, я смотрю, скучают. Кстати, почему так мало народа в таком замечательном во всех отношениях месте? Почему почти не видно местных – одни туристы?

– Бобби, сегодня все еще рабочий день. Праздники начнутся завтра. Вот тогда гюлистанцы, все до одного, и выйдут веселиться.

– Ладно, а почему нет хотя бы мамаш с детишками?

– Дети в школах, мамы на кухнях или тоже работают.

– Но я вообще почти не видел детей в городе! – осенило меня.

– Этому есть причина. Потом я вам все объясню. Осторожнее, Бобби, у вас мороженое потекло!

3

Наше странствие по городу продолжалось несколько часов.

Собственно, сказать об Алиабаде «город» было бы не совсем точно. Его можно было назвать огромным парком, гостиничным комплексом, супермаркетом, мемориалом, сетью ресторанов, кафе и забегаловок – словом, как угодно, но не городом: местом, где живут и работают люди. То есть, здесь, разумеется, работали, – кто-то ведь должен был продавать, обслуживать, следить за порядком и чистотой. Но жили в самом Алиабаде, да и то в качестве гостей, почти исключительно иностранцы. В обычном жилом районе побывать мне пока не довелось, если не считать «Дубовой Роши», где, как сказал Хариф, располагалось несколько посольств, а также затаились виллы отдельных алиабадских чиновников – из тех, кто побогаче. Когда же я попросил Харифа отвезти меня в один из таких районов, где живут простые люди, он ответил, что я там ничего примечательного не увижу.

– Алиабадцы не любят выставлять свою жизнь напоказ. Они очень скромны, – сказал он совершенно серьезно. – Богатые горожане живут в собственных домах за высокими заборами. А простые люди – в квартирах многоэтажек, каждый – в соответствии со своими материальными возможностями. Это все находится за пределами города.

– Спальные районы?

– Вот именно.

– Могу предположить, исходя из ваших рассказов, что гюлистанцы живут в строго определенных районах – согласно цветовой иерархии, верно?

– Да, а что в этом особенного? Разве у вас в Европе бедняки и богачи не живут в разных районах? Мы так и называем между собой эти районы – «Голубая улица», «Зеленая Улица», «Желтая улица».

– Почему – «улица»?

– Ну, это буквальный перевод. Пусть будет «блок».

– Все же я так до конца и не понял смысла разделения на классы. Может быть, мы приедем где-нибудь, и вы объясните? Да и время скоро обеденное. Я, признаться, слегка проголодался, – предложил я своему гиду.

– А не хотите поехать в отель? У вас ведь оплачено питание? Зачем тратиться?

– Нет, если я поеду в отель, то после обеда мне захочется поспать – и я потеряю несколько часов, которые мог бы использовать с большим удовольствием. Давайте сядем в каком-нибудь скромном кафе, прямо на улице, в теничке?

– На улице? – недовольно хмыкнул Хариф, – Ладно, если вы еще не надышались.

И Хариф повел меня к центру.

К тому времени я уже понял в целом схему города – она была радиальной.

Центром всего была, конечно, Пирамида Вождя, от которой разбегались к внешнему кругу восемь широких проспектов. Один из них, самый широкий, упирался в серебряную Пирамиду Правителя – его резиденцию. А между двумя пирамидами ничего и не было, кроме самого проспекта, напоминавшего скорее огромный плац. Как оказалось впоследствии, этот проспект и являлся чем-то вроде плаца – на нем проводились военные парады и всякие шествия. За самой резиденцией был большой парк, опять же с фонтанами и всякими увеселительными заведениями. На остальных проспектах высились фешенебельные гостиницы, банки, правительственные учреждения, многоэтажные универмаги, офисы и так далее – ни одного, как я понял, жилого дома.

Мое первое сравнение с Манхеттенем, таким образом, почти полностью оправдывалось в части функциональности строений. Но архитектура была совершенно иная – более современной, но не слишком громоздкая. В самом высоком здании – отеле «Red Star» – я насчитал приблизительно 80 этажей. Здание представляло собой, впрочем, правильный восьмиугольник, а не звезду. Лишь позже, поздно вечером, когда я увидел это здание вновь, с вписанной во фронтон огромной восьмиконечной звездой, полыхающей дьявольским красным неоном, я понял, почему его так называли. И хотя дома были не такими огромными, меня все же удивило, что некоторые из них были даже выше Пирамиды Вождя. Для меня было странно, что гюлистанцы, с их суеверным отношением ко всему, что связано с Вождем и государственной атрибутикой, решились построить в Алиабаде что-то более высокое, чем 152-метровая (до макушки вождя) Пирамида.

Опять же позже, получив возможность посмотреть на Алиабад еще с нескольких верхних точек, я понял, что высотные здания ничуть не умоляют величественность Пирамиды, а даже напротив – заставляют зрителя сосредоточить внимание именно на ней. Во-первых, все небоскребы располагались достаточно далеко от Пирамиды, так что ни один из них не загораживал ее полностью. А во-вторых, этот круг пестрых и таких разнообразных по форме зданий лишь подчеркивал ее совершенные и строгие линии. Не знаю, на что это было похоже в целом. Возможно – на атомный взрыв с четким светящимся эпицентром. А возможно архитектор грезил о раскрывшемся на ярком солнце розовом бутоне. Но что-то символическое во всем этом определенно было.

Так вот, мы шли к центру, возвращаясь из района молдов, куда Хариф меня привел, чтобы я знал, где можно по случаю недорого прикупить всякого фирменного и откровенно контрафактного борахла, когда я вдруг увидел одну неприятную и совершенно нетипичную, как мне показалось тогда, для столь уважаемого города сценку.

На аллее, разделявшей проспект, я заметил полицаю в белом кителе и кепи и в синих штанах. Перед ним стоял, низко опустив голову, какой-то парнишка в голубой футболке и в бейсболке, а рядом с парнишкой, на зеленом газоне, валялся велосипед. И полицейский этот что-то зло выговаривал мальчугану и при этом... бил по лицу ладонью! Не сильно, нет. Но – бил! И что меня особенно неприятно поразило, это не то, что полицейский его бил, а то, что подросток даже не пытался как-то сопротивляться или просто убежать – а лишь все ниже опускал голову!

– Хариф! – дернул я за руку своего гида, который вроде как ничего не замечал и шел себе своей дорогой, – Хариф, посмотрите! Что это он делает?

– Где? Что? – наигранно встрепенулся он, – А, это? Не обращайтесь внимания, мистер Ганн. Этот мальчишка, скорее всего, нарушил правила дорожного движения.

– Какое правило? О чем вы говорите? Как можно?! – возмутился я еще больше.

– Да откуда я знаю? Здесь наверняка нельзя переходить дорогу. А этот дурень решил срезать путь. Я думаю, он курьер или развозит пиццу – вот и поторопился на свою голову.

– Но как он смеет его бить?! Пусть оштрафует, заберет в участок, если у вас так строго караются нарушения дорожного движения! Но – бить!.. Это просто возмутительно! Посмел бы этот полицаи распускать свои руки у нас, в Швейцарии, мигом вылетел бы с работы. А то и еще хуже – отдали бы под суд!

– Мы не в Швейцарии, мистер Ганн. Возможно, полицейский поступает, на ваш взгляд, не совсем этично, но я считаю пару подзатыльников гораздо более гуманным наказанием для этого шалопая, чем штраф или еще что-то. Ничего с ним не будет. Пойдемте, мистер Ганн, пойдемте! – чуть подтолкнул меня в спину Хариф. – Он нас заметил.

– Да что вы, в самом деле! С какой стати я должен бояться какого-то полицаи? – пытался я вырваться.

– Бобби! – почти уже мне в ухо громко шептал Хариф. – Этот полицаи – офицер! Вы понимаете? Ему может не понравиться, что кто-то вот так остановился и смотрит на него.

– Да? – продолжал хорохориться я. – И что он мне сделает?!

– Вам – ничего. А мне придется из-за вас объясняться. Вы этого хотите?

Он уже сдвинул меня с места и теперь буквально тащил, взяв крепко под руку. Но я все еще пылал негодованием и поминутно оглядывался.

– Он поцеловал ему руку! – к неудовольствию толстяка я резко остановился и вырвался из его цепких лап. – Этот мальчик поцеловал руку, которая его только что хлестала по щеке!

– Это он так его поблагодарил, мистер Ганн. Офицер его отпустил и даже разрешил перейти на другую сторону – разве не видите? У нас так принято. Вам не понять. – Хариф схватил меня с еще пуще решительностью и потащил дальше.

– Принято целовать руки в знак благодарности? – оторопело спросил я, перестав сопротивляться.

– Это всего лишь знак уважения к старшим! – зачастил он. – Это такой местный обычай! Правда, анахронизм в наше время. Но, видно, мальчика воспитывали в семье со старыми традициями. Снимали же у вас раньше джентльмены друг перед другом шляпы при встречах? Вот и это так же!

– Не говорите чепухи! Я все понял: этот несчастный мальчик – «фиолетовый»! – воскликнул я с обвинительным пафосом.

– Ну, «фиолетовый». Ну и что? – согласился Хариф, ослабив хватку.

– А то! Он потому и не посмел пресечь безобразную выходку офицера! К какому классу относятся у вас офицеры полиции, не подскажете?

– К разным, мистер Ганн. Этот, возможно, «голубой», а может даже и «зеленый».

– А вы ведь тоже «зеленый»! – попытался я пристыдить своего гида. – Что ж вы испугались подойти и вступить за юношу? Или избивание граждан полицейскими у вас считается законным?!

– Не говорите глупости, мистер Ганн! – не выдержал атаки Хариф. – Нет у нас таких законов! Но этот офицер – при исполнении! Как я мог к нему подойти? Какое я имею право вмешиваться в работу правоохранительных органов?!

– Это черт знает что! Вы просто трус, Хариф! – бросил я в лицо толстяку и пошел прочь.

Он плелся в трех шагах позади почти целый квартал – пока я не встал на транспортер эскалатора, ведущий в подземный переход. Здесь он пристроился за спиной и сказал:

– На той стороне есть как раз хорошее кафе. Я тоже что-то проголодался.

4

Обед несколько примирил нас.

Мы расположились в небольшом скверике, разбитом в тени высотного здания банка. Кафе было столов на семь, а кухней служил симпатичный синий домик на колесиках. Этакое кочующее кафе.

– Хотите отведать местной кухни? – спросил Хариф.

– Можно, – соизволил согласиться я. – Хотя у меня уже и аппетит пропал.

– Мы возьмем что-нибудь легкое, – пообещал он. – Только здесь не подают спиртное. Ничего?

К нам подошел пожилой официант и Хариф что-то сказал ему по-гюлистански. Человек заискивающе улыбался и все кивал, пока слушал, а затем чуть не опрометью бросился к домику.

– Он «голубой» – этот повар? – спросил я. – У него голубой колпак.

– Нет, он «синий». У него синий камень в перстне, разве вы не заметили?

– Черт, я совсем запутался с вашими цветами!

– Это сам хозяин принял у нас заказ. Но вполне возможно, что этот человек станет вскоре «голубым», раз сумел выбить разрешение на кафе. У него наверняка есть высокие покровители, контролирующие этот район.

– Вот как? – удивился я. – Значит, у вас возможно переходить из класса в класс?

– Разумеется. В этом и смысл! Это стимул для каждого гюлистанца – прикладывать максимум усилий, чтобы продвигаться вверх по социальной пирамиде.

– И что для этого нужно?

– Ну, во-первых, необходимо быть абсолютно лояльным к властям. Во-вторых – примерно служить своему непосредственному начальнику. А в-третьих, постоянно повышать свой материальный статус. Это все взаимосвязано, как вы понимаете.

– Не очень-то я пока все понимаю. Как можно разбогатеть, если, будучи «фиолетовым», гюлистанец не может найти высокооплачиваемую работу? И причем здесь начальство? А если начальник, извините, подлец?

– Мистер Ганн, начальник есть начальник. У нас начальниками случайных людей не назначают. Сомневаться в своем начальнике, значит почти то же самое, что сомневаться в существующей системе власти. Ведь начальника назначил его начальник, а того начальника назначил еще более высокий начальник – и так далее до самой вершины пирамиды! Вы пони-

маете, куда могут завести гюлистанца его сомнения в компетентности или добропорядочности своего непосредственного начальника?

– Это какая-то казуистика! По-вашему выходит, что босс по факту не может быть мерзким прохвостом?

– Теоретически – может. Но наше обязательство – верой и правдой служить своему начальнику. А уж какой он человек и прочее – не нашего ума дело. С этим, если появится необходимость, разберется его начальник. Разве в армии рядовой смеет обсуждать приказы командира? Вот и у нас также. Это очень простая и весьма эффективная схема управления.

– Это какой-то солдафонский режим! В нормальном обществе граждане подчиняются законам, которые сами установили, а не самодурству начальников!

– Это – смотря, что называть «нормальным обществом», – снисходительно ухмыльнулся Хариф. – А вот и наш заказ!

К нам подошла молоденькая девушка, толкая перед собой столик на колесиках. У меня аж защемило в груди – такая она была хорошенькая! На ней была широкая футболка на выпуск и шортики. Высокая, тонкая как тростиночка, с коротко постриженными черными прямыми волосами, с маленькими острыми грудками, которые чуть не протыкали ткань майки.

Абсолютно мой тип! Куколка! Барби!

Пока девушка раскладывала тарелки, мужчина в голубом колпаке стоял чуть позади и натянуто улыбался.

– Хариф, – не выдержал я, – эта девушка – просто красавица!.. А можно с ней познакомиться?

Хариф несколько раз крякнул, что, очевидно, означало добродушный смешок, и сказал, чуть понизив голос:

– Бобби, этой малютке лет пятнадцать – не больше. Она еще невинное дитя.

– Вы меня неправильно поняли, Хариф, – горячо зашептал я. – У меня и в мыслях не было ничего подобного!

Хариф что-то сказал мужчине в колпаке, снисходительно улыбаясь, и тот, расплывшись в совершенно счастливой улыбке, что-то ответил. Затем мужчина с девушкой отошли.

– Что вы ему сказали? – поспешил я поинтересоваться.

– Я сказал ему, что вам очень понравилась девчонка.

– И что он ответил?

– Он сказал, что счастлив, что красота его дочери доставила удовольствие дорогим гостям. И пожелал приятного аппетита.

– Так это его дочь? – разочарованно спросил я.

– Да, она помогает ему в кафе в свободное время. И еще он сказал, что у девушки уже есть жених из весьма уважаемой семьи. Ешьте, Бобби, ешьте. Не стоит расстраиваться из-за какой-то девчонки. В Гюлистане много красивых девочек.

– А что это? – спросил я, уставившись в тарелку с непонятной водянисто-белой массой.

– Это «догва». Очень легкое и вкусное блюдо. Его особенно приятно есть в жаркую погоду.

– Что-то молочное?

– Да, вроде русской окрошки, если вы пробовали.

– Не уверен, что мне понравится. Мой желудок не дружит с кисломолочными продуктами.

– Попробуйте, мой вам совет. И за желудок можете не беспокоиться. Этому блюду не меньше двух тысяч лет. Его ели еще наши степные предки. А потом садились на коней – и целый день скакали без остановки. Как говорится, проверено веками. Кстати, русские свою окрошку переняли у нас – гюлистанцев.

Обед подходил к концу. Признаться, мне понравилась эта самая «догва». Вкус у нее был простой, но чем больше я хлебал этой жижи, в которой обнаружил вареный рис, мелко нарезанные овощи и зелень, тем она больше мне нравилась. И уже по-настоящему вкусными, после этой несколько постной жижицы, показались мне длинные поджаристые бараньи котлетки, которые нам принесли вместе с жареной картошкой, и печеная рыба с овощным рагу.

– У вас неплохая кухня, – совершенно искренно похвалил я блюда, утирая салфеткой губы.

– У нас превосходная кухня – одна из самых богатых в мире! – отозвался довольно Хариф, оторвавшись от деликатного обглаживания рыбьей головы. – Кстати, рецепты для многих «французских блюд» были собраны и записаны в наших провинциях еще в 19-ом веке одним французским путешественником. Он потом издал свою поваренную книгу, куда включил эти рецепты, ставшую классикой жанра. И заметьте – нигде не упомянул название нашей страны! Вот вам и представитель западной демократии!

– А причем здесь демократия? – удивился я. – Вы сами сказали, что это было еще в позапрошлом веке. Тогда еще не существовало, насколько я знаю, международной конвенции по авторским правам.

– Да у нас и сейчас все воруют – и рецепты блюд, и музыку, и даже целые археологические памятники. Особенно преуспели в этом наши исторические враги и неблагодарные соседи – рамяне. Черт бы побрал этих носатых!

– Ну, я думаю, это мелочи по сравнению с двадцатью процентами территорий, о которых вы говорили, – не удержался съязвить я.

– Мистер Ганн, прошу вас не касаться этой больной темы. Это – святое! – сказал Хариф, и снова принялся за рыбью голову.

– Я не понимаю, почему вы терпите столько лет? – продолжал я напирать. – Ведь вы намного сильнее рамян, судя по всему? Почему бы вам просто не отобрать ваши земли силой? Только не говорите мне о приверженности международному праву и прочей чепухе! Исходя из моих собственных наблюдений, чихать вы хотели на эти самые права.

– Бобби, я смотрю, сытный обед прибавил вам сразу сил? – беззлобно усмехнулся Хариф. – Давайте закажем чай и побеседуем об интересующих нас вопросах, не возражаете?

Я не возражал, и он махнул рукой хозяину кафе, чтобы убрали со стола.

5

Чай мы пили из маленьких изящных стаканчиков с девичьими талиями, похожих немного по форме на песочные часы. Тут же, на столе, был водружен огромный, литра на два, чайник с уже заваренным чаем. Еще было несколько сортов варенья, нарезанный дольками лимон, орешки и колотый сахар, очень крепкий и слишком сладкий.

Я не большой любитель чая – предпочитаю кофе и соки. Но иногда не прочь выпить чашечку зеленого чая. У зеленого чая, заваренного по традиционному японскому или китайскому рецепту, особый, ни с чем несравнимый вкус. Его сразу ощущаешь, сделав крошечный глоток. Он чувствительно горьковат и сразу возбуждает во рту вкусовые рецепторы, словно обнажая их, очищая. Поначалу даже чувствуешь небольшой дискомфорт, – настолько резок вкус, – но постепенно эта горечь смягчается, во рту разливается необычайно свежий аромат, некий удивительно изысканный и непередаваемый привкус – и уже следующий глоток доставляет истинное наслаждение.

Но чай, который нам подали, был черный. Я не понимаю его вкуса и тем более не понимаю, как можно пить эту подкрашенную обжигающе горячую водицу в таких количествах.

Разве что с черным чаем особенно приятно есть сладкое. А к сладкому я отнюдь не равнодушен.

Впрочем, сидеть в теплую погоду в тенечке и пить чай, ковыряясь маленькой ложечкой в блюдечках с вареньем, было, после сытного обеда, довольно приятно. Это неспешное чаепитие создавало расслабляющую атмосферу телесного уюта и душевного умиротворения. А вскоре я вдруг вспотел после выпитых двух стаканчиков – и мне стало еще приятнее: я ощутил в теле молодецкую легкость и свежесть.

Хариф тоже блаженствовал. Чай он пил, не стесняясь громко и с наслаждением прихлебывая, вприкуску с кусочком сахара, а на варенье совершенно не обращал внимания.

– Бобби, – неожиданно заговорил он, – что, по-вашему, есть демократия?

Я все еще никак не мог привыкнуть к неожиданным вопросам Харифа. Они казались или неуместными, или же просто нелепыми. Но я уже понимал: этот хитрец, прежде чем завести серьезный разговор, старался уточнить позицию собеседника, чтобы после легче было ее укрепить или пошатнуть – в зависимости от его собственных намерений.

– Ну, демократия... – замялся я, не готовый отвечать на столь вроде бы простой и даже примитивный вопрос.

– Если перевести дословно, демократия – это власть народа, народовластие, – уцепился я за куцую книжную цитату, всплывшую спасительно в памяти. – Это так очевидно, что об этом даже не думаешь.

– А если все же подумать? – хитро сощурился мой собеседник. – Вот вы, Роберт Ганн, гражданин Соединенных Штатов Америки, проживающий почти все время вне страны, считаете ли вы себя хозяином своей страны, можете ли вы сказать о себе, что именно вы и есть власть?

– Хариф, – сказал я уже увереннее, – я не политик. Меня вообще не интересует политика. Меня больше волнуют биржевые котировки. А в Штаты я приезжаю раз в год – заполнить налоговую декларацию и освежить впечатления памяти (здесь я на всякий случай соврал – про налоги).

– И даже в выборах не участвуете?

– Конечно, нет. Какой смысл? Все равно они выберут того, кто им нужен, – ответил я неосторожно.

– Кто это «они»? – наигранно удивился Хариф.

– А то вы не знаете? Корпорации! Это они выбирают президентов. Но не думайте, что вы поймали меня на слове! Я понимаю, куда вы клоните. Так вот, чтобы вы знали, это не имеет никакого значения – кого они там себе выберут в президенты! Президент – всего лишь лицо государства, его рупор. И только! Власть президента ограничена противовесами законодательной и судебной властей. И не на бумаге! А исполнительная власть в стране во многом принадлежит губернаторам штатов. Вот в выборах губернаторов народ как раз и принимает самое живое участие, поскольку от их работы жизнь простых людей в Штатах зависит в гораздо большей степени, чем от какого-то президента болтуна! – выпалил я, сам не ожидая от себя такой горячности и не понимая, откуда берутся слова. Я ведь и правда никогда особо не интересовался политикой.

– Бобби, но ведь не губернаторы решают самые важные вопросы государства, не они начинают войны, не они проводят экономические реформы и не они распоряжаются огромными государственными средствами? – возразил Хариф.

– Но и не президенты! Важнейшие вопросы внешней и внутренней политики опять же решают корпорации. Над решением этих вопросов трудятся сотни профессионалов, чтобы президент – по факту – просто озвучил готовое решение и дал ему официальный ход. Но заметьте себе при этом, что корпорации – это не какой-то тайный элитный клуб, где все находится в

сговоре и в согласии. Каждая из влиятельных корпораций имеет свои интересы и старается их максимально лоббировать на государственном уровне. Так что политические устремления корпораций часто взаимно диаметрально. Вот в результате этой конкуренции мы и имеем сбалансированную политику, некую компромиссную стратегию управления государством, которая в каждый момент времени четко отражает не только расклад сил в обществе, но и – как результат влияния – приоритеты развития общества в целом. Корпорации – это не одни лишь миллиардеры и миллионеры, – президенты компаний и топ-менеджеры, – это еще и десятки тысяч простых акционеров, а также обычных служащих и рабочих компаний, чье благополучие напрямую связано с процветанием этих самых корпораций. Таким образом мы и получаем, что демократия в постиндустриальном обществе все же остается главным инструментом управления. Она всего лишь проявляется не на уровне воли отдельного гражданина, а опосредствованно – через финансовые структуры, которые подключают в борьбу за свои интересы также и общественные организации, СМИ, формируя и укрепляя в обществе заказ политикам на совершенно определенные решения. И поэтому совсем не важно – хожу ли я на выборы или нет. Каждый раз, покупая акции той или иной компании, делая даже обычный шопинг или направляясь в банк за кредитом, я совершаю свой выбор – и он автоматически учитывается. А если еще прибавить к этому работу других государственных институтов, – Конгресс, Сенат, Верховный Суд, – которые постоянно конкурируют меж собой за влияние на решение государственных задач, то становится совершенно очевидно, что власть в странах развитой демократии находится под неусыпным контролем граждан и служит, в конечно итоге, народу!

Я замолк, иссяк, выдохся, выплеснув на своего собеседника весь накопившийся за долгие годы невостребованный запас банальных истин, которые вдалбливал в меня мой мир.

Я всегда с некоторым презрением относился к политике вообще и политикам в частности. Как, впрочем, и ко всему, где властвовали расчет и ледяная воля. Моя гедонистическая натура бунтовала, когда меня пытались втянуть в чуждые мне игры честолюбий и тщеславий. Все эти партии, профсоюзы, общественные движения, эти продажные газеты и бесстыдная зазывальная шумиха были мне смешны, а иной раз и омерзительны. Я не столько знал, сколько угадывал, что за всем этим стоит чей-то определенный интерес, а меня хотят всего лишь прогнать под ступеньку, по которой этот кто-то пройдет налегке к вершине. И я говорил им – хрен вам, засуньте свои прокламации и агитки себе в задницы! – и шел долбить подружек или курить травку с друзьями. Я знал, что мир благополучно разберется со своими проблемами и без моего жертвенного участия. И что даже лучшим моим участием будет неучастие. Я и не участвовал – к своему и всеобщему удовольствию.

Но сейчас, когда этот хитрый толстяк, пытаясь мне что-то свое впихнуть, покусился на мой гребанный мир, который и был мне мил тем, что позволял посылать себя на хер, я не мог не встать на защиту его потрепанных и латаных ценностей.

«Демократия – это когда каждый делает что хочет, а все вместе – что надо!» – подумал я про себя вдогонку. И я согласен был делать «что надо», при условии, что мне разрешают делать, что я хочу.

Судя по растерянному виду Харифа, мое красноречие подействовало на него если не сокрушающее, то отрезвляющее. Он наверняка надеялся, что легко со мной справится при помощи своих дурацких вопросиков и собственных на них неоспоримых ответов. Но я нашел, что ему ответить – и теперь он, очевидно, срочно проводил в уме инвентаризацию и модификацию возможных контрдоводов.

– Да, Бобби, – выдал он после минутного таймаута, – вы, оказывается, неисправимый демократ.

– Вот только не надо вешать на меня идеологические ярлыки, дорогой Хариф! – сказал я со спокойствием победителя. – Я – обычный здравомыслящий эгоист. И будучи эгоистом, я вижу, что демократическое устройство общества дает мне максимум возможностей для удовлетворения моих самых эгоистичных желаний. И при этом требует от меня совсем мало. А мне только этого и надо. Или вы хотите сказать, что ваша цветная деспотия чем-то лучше?

– Конечно – лучше! – удивился Хариф моей бестолковости.

– Не смешите! Пойдите скажите это своим «фиолетовым» и «синим». Уж как им, наверное, здорово живется, прогибаясь под тяжестью этой вашей Пирамиды.

– Бобби, вы в корне неправы! – возразил самоуверенно Хариф. – Вы заблуждаетесь! И сейчас я вам это докажу!

6

Хариф выпустил длинную струю дыма, смял окурок в пепельнице и насмешливо сощурился на меня.

– Вот вы называете себя здравомыслящим эгоистом. И говорите это так, словно хвалитесь своей неповторимостью.

Он на пару секунд замолчал, как бы давая мне возможность что-то возразить. Но возразить мне было пока нечего, и он продолжил:

– А кто – не эгоист? Кто – спрашиваю я? Разве только сумасшедшие или гении? Но это уже, извините, аномалия! Даже орущий младенец, требующий, чтобы ему дали сиську или подтерли попку, – уже эгоист! На эгоизме и построен этот мир. На наших эгоистичных желаниях. На наших страхах. На нашей порочной лени. На нашей дикой воле, которую мы обнаруживаем сразу, как только мир препирует нас к стенке. Хотя воля эта отнюдь не всегда агрессивна и направлена вовне. Она может быть направлена и на себя, на принуждение к смирению перед непреодолимой силой обстоятельств – срабатывает инстинкт самосохранения. Эгоизм – это те же животные инстинкты, слегка облагороженные нашим интеллектом. А наш интеллект – самое действенное оружие нашего эгоизма. И он же – наша ахиллесова пята!

Животные действуют в собственных интересах исключительно силой. Там все просто: сильный жрет слабого. А у человека есть еще и интеллект, с помощью которого можно воздействовать на другого человека – и через который возможно воздействовать на него же самого!

Мы, обреченные жить в обществе эгоистов, ничуть не лучше животных, если отбросить всю эту псевдогуманистическую шелуху, все эти стыдливые разглагольствования о свободе, равенстве и братстве, употребляемые лишь с целью прикрыть фиговыми листочками демагогии наши постыдно-эгоистичные, но, в сущности, такие естественные желания. Мы – питаемся друг дружкой! Каждый миг своей жизни! От этого – крошку любви, от того – кусочек участия, а иного, если повезет, сожрем целиком без всякого угрызения совести!..

Разве это не правда, дорогой мой друг?

– К чему эта грохочущая оратория, Хариф? – озадаченно спросил я. – Я не совсем понимаю, что вы мне хотите доказать.

– А к тому, Бобби, что на основе наших эгоистичных устремлений и строится любое общество! Никакого братства! Никакой справедливости! Меж хищниками не может быть братства! Меж хищниками может быть лишь война, в которой самые сильные сбивают слабых в стаи, чтобы стать еще сильнее! Опять же – во имя, прежде всего, собственных эгоистичных устремлений. Ибо вожаку, мой друг, всегда достается лучшее от общей доли – лучшие куски мяса и лучшие суки в стае!

– Да причем здесь суки?! – возмутился я. – Мы, что, с вами – о волках беседуем?

– А какая разница между волками и людьми? – изумился театрально Хариф.

– Лично я не вижу никакой разницы между волчьей стаей и человеческим сообществом – будь это тоталитарный режим или ваша хваленная западная демократия. Схема-то одна. Внизу – слабые. Сверху – сильные. А над всеми – вожак. И заметьте, что слабые должны еще радоваться, что в стае есть вожак – иначе бы все друг друга перегрызли. Не лучше ли, для слабого, довольствоваться обглаживанием костей, которых всегда вдоволь в сбитой стае, чем посягать на большее, рискуя шкурой?

– Так-так. Теперь становится понятно. И вы хотите сказать, что, раз уж мы все такие кровожадные твари, деспотия и диктатура – лучшее для людей устройство общества? Правильно я вас понял?

– Не совсем. Схемы могут быть разными, – жестче, мягче, – но суть – одна. Все зависит от ментальных особенностей индивидов, которые строят эти общества. Но в любом обществе есть и будут иерархия и неравное распределение власти. А – следовательно – и материальных благ. Иначе, без авторитетов, общество просто рассыплется. Его разрушат неконтролируемые единоборства индивидуальных эгоизмов.

– «Индивидуальных эгоизмов»? Это что-то новое, – усмехнулся я.

– Что же тут нового? Есть эгоизм отдельного человека, а есть – общественный эгоизм. И очень часто отдельный человек может стать жертвой общественного эгоизма. В тех случаях, к примеру, когда пытается изменить общественный порядок, устраивающий большинство. Так стая гиен всегда готова загрызть одинокого льва, если он посмеет охотиться на их территории. Но есть также еще и государственный эгоизм, Бобби! Подумайте, разве государства не соперничают меж собой за жизненное пространство?

– Хариф, – сказал я, притворно зевнув, – вам не кажется, что мы с вами пустились в какие-то абстрактные рассуждения? Возможно, эти диковатые идеи вам и кажутся оригинальными, но я считаю их совершенно примитивными. И, кроме того, они мне абсолютно неинтересны! Вы собирались мне рассказать что-то об особенностях вашего гюлистанского общества. Вы намекали, и не раз, что мне следует их учитывать почему-то, будучи у вас здесь в гостях. Я, вполне естественно, заинтересовался. А вы, вместо простых объяснений, пустились в какие-то отвлеченные и совершенно неуместные рассуждения. Так вот, я не собираюсь тратить свое время на всякую чепуху! Мне эта политэкономии на хер не нужна – в университете надоела. Уж извините за крепкое словцо.

Хариф тягостно вздохнул.

– Как с вами трудно. Может быть, переместимся куда-нибудь?

– Куда? – встрепенулся я.

– Ну, мы ведь уже удовлетворили свои желудки? К чему попусту занимать стол? Я предлагаю пройти на Площадь Цветов и посидеть на скамеечке. Если, конечно, вам еще интересен этот разговор.

Я мысленно спросил себя – интересен ли мне разговор? – и, не без некоторого колебания, решил, что интересен. В отель мне пока не хотелось, а для развлечений, на которые я сегодня рассчитывал, еще не настало время.

Я встал и полез в карман за бумажником.

– Что вы делаете, Бобби? – спросил обеспокоенно Хариф.

– Хочу расплатиться, – усмехнулся я его непонятливости. – Или кормят у вас в Алиабаде тоже бесплатно?

– Нет, конечно. Но разве вам в отеле не выдали визитки для таких случаев? Просто отдайте визитку, и хозяин пришлет отелю счет на ваше имя. Значит, не дали? Вот разгильдяйи! Впрочем, я тоже хорош – не напомнил. Ничего, я сейчас все устрою.

Он прошел к хозяину кафе, который стоял, смиренно сложив на животе руки в замке, и что-то начал ему говорить, а тот, вынув книжечку из нагрудного кармашка, поспешно начал записывать, подобострастно кивая головой.

– Это вам, – сказал Хариф, вернувшись, и протянул мне небольшую картонную коробочку с пластмассовой ручкой.

– Что это? – несколько удивился я.

– Так, пустяк, презент от кафе. Здесь варенье в стерильных баночках. Шесть сортов, совсем понемногу. Можно будет заказать чай в номер и полакомиться.

– Очень мило, – промямлил я и состроил благодарственную улыбку хозяину кафе, который словно только этого и ждал, чтобы улыбнуться в ответ своей идиотски-счастливой улыбкой во все лицо и помахать пухлой ладошкой.

7

Мы присели на одну из скамеечек, заботливо расставленных по периметру огромной площади в тени невысоких подстриженных платанов. Форма у платанов, разумеется, была пирамидальной, но и при этом своими непокорными зелеными завитушками листьев деревца походили на непоседливых пуделей, выведенных на прогулку. Сами скамеечки тоже были примечательными – все как новенькие, да к тому же с мягкими сиденьями, обтянутыми разноцветным дерматином. Такие скамейки скорее можно было ожидать увидеть в вагоне метро, чем под открытым небом в парке. Где-нибудь в Москве или Нью-Йорке, подумал я, эти скамеечки уже через пару дней изуродовала бы перочинными ножиками тамошние любители попить пивка на солнышке, а здесь – ни царапины. А ведь вокруг – ни одного полицейского! В Алибаде вообще полиция как-то незаметна. Одного только и видел – того, что бил мальчишку. Может быть, им предписано ходить в штатском, чтобы не особо мозолить глаза иностранцам? Скорее всего, так и есть.

Я внимательнее оглядел площадь. Центральная часть уже была огорожена желтой лентой. Там, внутри, шла неспешная работа: из подъезжавших грузовичков рабочие в фиолетовых коверолах разгружали какие-то длинные тонкие жерди из цветной органики и складывали их аккуратными штабелями ближе к Пирамиде.

Пирамида была обращена к нам тремя плоскостями – синей по центру и голубой и фиолетовой по краям. Вот к каждой из этих плоскостей рабочие и складывали жерди соответствующего цвета. Я, благодаря неоднократным просмотрам шоу, примерно догадывался, для чего нужны эти жерди: по ним будут взбираться до самой вершины участники представления, – юноши и девушки, – обряжая Пирамиду цветами. Меня всегда восторгала слаженность и быстрота их действий. Не верилось, что люди способны на такую сноровку и бесстрашие. Я даже иной раз думал, что все это телешоу – отчасти компьютерная графика и комбинированная съемка. А теперь сам наблюдал, как у настоящей Пирамиды складывают жерди для будущих лесов.

– Хариф, – спросил я своего спутника, который опять словно впал в беззаботную спячку, – а вы уже интересовались насчет места на шоу?

– Конечно, – вяло отозвался он. – Не беспокойтесь, я все устрою.

Он с видимым усилием пару раз моргнул и полез в карман за сигаретами.

– Вы слишком много курите, – заметил я.

– Да, – согласился он бесстрастно. – Это все нервы.

– У вас такая нервная жизнь в Гюлистане? – не замедлил я съехидничать. – Или что-то личное?

– У кого нет проблем? – неопределенно ответил он. – А вы совсем не курите?

– Почему же, иногда не прочь выкурить хорошую «гавану». Но я стараюсь не делать из редкого удовольствия мерзкой привычки.

– Вы счастливый человек, мистер Ганн, если можете жить, сообразуясь с собственными желаниями. Но большинство людей в мире живут – словно по расписанию. Рутинная работа, семья, дети, вечные проблемы и мерзкие, как вы выразились, привычки, которые раньше дарили острое удовольствие, но постепенно стали частью абсурдного ритуала.

– Вас снова понесло на философию, – сказал я недовольно. – Расскажите лучше про Пирамиду. Вы были внутри?

– Я – был. Мне, можно сказать, повезло. Раньше существовал такой обряд – День Совершенлетия. Он проводился два раза в месяц. И в эти дни юношей, достигших шестнадцати лет, водили в Пирамиду.

– Только юношей?

– Да, почему-то. И только из высших классов, включая «зеленый».

– И здесь сегрегация!

– Бобби, все дети туда бы просто не поместились. Остальных водили в филиалы Музея Вождя. Да и обряд этот лет десять назад вовсе отменили.

– И как там – в Пирамиде?

– Красиво! Красиво и немного жутко. Повсюду – черный, золотой и красные цвета – мрамор, золото и яшма.

– А как проходил ритуал?

– Довольно скучно. Кто-нибудь из высших руководителей государства выступал с речью. Ну, обычные речи: о Родине, о Вожде, о нашем гражданском долге. А потом мы по одному выходили из строя и давали клятву. А нам вручали паспорта. Сначала выходили «красные», обычно их было всего несколько юношей, потом «оранжевые» – и так далее. Со мною в один день, между прочим, проходил обряд нынешний заместитель министра Образования и Культуры. Он из «красных», разумеется. Худенький был тогда неказистый мальчишка. Через пару лет наверняка заменит на посту своего дядю.

– Вы давали клятву перед склепом Вождя? – предположил я почему-то.

– Нет, что вы! Склеп находится глубоко в подземелье. Туда никого не пускают, кроме членов Семьи и представителей специальных служб.

– Совсем никого?

– Нет. Там, говорят, целый лабиринт. И еще говорят, будто в этом лабиринте спрятаны сокровища Семьи. Но это так, болтовня «фиолетовых».

– Интересно! Почти как легенды о фаюмском Лабиринте. Представляю, что будет с этой Пирамидой, если у вас произойдет революция!

– Никакой революции не будет, Бобби! – сказал Хариф твердо, и с нескрываемой тоской задрал голову вверх.

Я проследил за его взглядом и тоже уставился на статую Вождя, блиставшую жидким золотом в густой лазури неба.

– Это правда, что она из чистого золота?

– Так говорят.

– Это сколько же она тогда весит?

– Этого никто не знает. Но не беспокойтесь – она не свалится. Пирамиду проектировала та же знаменитая американская фирма, что когда-то разрабатывала чертежи к нашим морским глубоководным платформам. Некоторые из них до сих пор еще стоят. А внутри Пирамиды, если вам интересно, есть еще одна статуя Вождя – почти такого же размера. И тоже – из золота. Только там Вождь не стоит, а сидит в кресле. Вот перед этой статуей и проходила церемония.

– Представляю эту статую, – усмехнулся я. – Наверное, сделана по образцу известной статуи фараона, сидящего на троне. Надеюсь, хоть жертвоприношения перед этой статуей не приносятся? Ну, там хорошеньких девственниц из «фиолетовых»?

– Не смешно.

Хариф снова полез в карман за сигаретами.

– Давайте я вам все же расскажу о классах, хотите? – спросил он, энергично задымив.

– Да я вроде уже все понял. «Красные» – ваша элита, аристократы. «Фиолетовые» – низший класс, бесправные пролетарии. Разве не так? Вы еще называли «фиолетовых» «Дети Государства». Вот это мне интересно было бы уточнить – что это означает?

– А может, лучше начнем сверху? Даже не с «красных», а с Семьи?

– Можно и сверху, – согласился я. – Объясните мне тогда, почему у вас по Конституции президентская республика, а власть передается по наследству?

– Ну, это очень просто – по принципу «от добра добра не ищут».

– В смысле? У вас что – лучшие каким-то чудесным образом в одной семье рождаются?

– Чудеса тут ни при чем. Это дань традиции. А традиции – основа стабильности любого государства. Наш вождь – родной дед нынешнего Правителя – стоял у истоков независимости нашего государства. Он для нас все равно, что для вас, американцев, Джордж Вашингтон и Абрахам Линкольн вместе взятые. Или как для индусов – Махатма Ганди, а для кубинцев – Фидель Кастро.

– Ну, вы и сравнили! Кстати, сейчас на Кубе Фиделя не очень-то и чтят – после присоединения острова к Штатам.

– Вполне корректное сравнение. Наш великий Вождь – не только спаситель нации, но и зодчий нынешней системы государства. А до Кубы нам и дела нет.

– Так это при Вожде была введена кастовая система?

– У нас нет кастовой системы, мистер Ганн! У нас обычная демократия с элементами авторитарного социализма – пожалуй, это будет наиболее точное определение. А нынешняя система иерархии была окончательно сформирована при жизни наследника Вождя – нашего выдающегося Правителя и верного последователя идей Вождя.

– Еще бы, ведь он был его сыном. Получил в наследство целое государство. Не хило!

– Не язвите, Бобби. Так нельзя говорить о великих сынах гулистанского народа! Вам ведь неприятно будет, если я начну насмеяться над вашими президентами?

– Да сколько угодно! У нас любой мальчишка-репер может поносить президента в своих песенках. Некоторые песни даже становятся хитами и потом их крутят по ТВ.

– И, по-вашему, это нормально? – сокрушенно покачал головой Хариф. – Бобби, давайте я просто буду рассказывать, а вы слушайте и не цепляйтесь к каждому слову, договорились? А то ведь так мы еще не один час просидим на этой лавочке.

8

– Итак, – сказал Хариф, – у нас президентская республика. Президент избирается всем народом тайным голосованием. Избирательные права имеют все граждане старше шестнадцати лет.

– И «фиолетовые»? – недоверчиво спросил я.

– Разумеется! И каждый гражданин, по идее, может выставить свою кандидатуру на пост президента.

– Вот в это я совсем не верю! – рассердился я.

– А вы поверьте, Бобби! А не верите, можете прочесть нашу Конституцию. Ограничения лишь по возрасту – от двадцати одного до семидесяти пяти лет. Ну и, конечно, необходимо иметь высшее образование и не иметь судимости. Выборы проходят с соблюдением

всех международных норм, приезжают сотни наблюдателей со всего мира – и, представьте, все довольны! Выборы всегда альтернативные – не меньше полудюжины кандидатов. Никаких нарушений и самая высокая, заметьте, явка избирателей по всей Европе! Даже наши трудовые мигранты дружно приходят на избирательные участки, которые оборудуются для них посольствами!

– Ну да, конечно. И все сто процентов избирателей голосуют за вашего наследного президента! – связвил я.

– Сто ни сто, – как ни в чем не бывало, парировал Хариф, – а меньше восьмидесяти процентов еще ни разу за время правления Семьи не было.

– Да, сильны у вас традиции! Сильнее здравого смысла. Это как же надо любить Семью, чтобы десятилетиями дружно ходить на выборы, зная, что результат предрешен?

– Это наш гражданский долг, мистер Ганн! Но вы правы в одном: никто не может достойно соперничать с членами этой великой Семьи! Поэтому у нас и были сняты ограничения на возможность занимать президентский пост сколько-то раз, а также был увеличен срок полномочий президента с пяти лет до восьми.

– И это вы называете демократией?

– Да! Это и есть настоящая демократия! Ибо подобные ограничения ущемляют права отдельного человека, а также право всего народа, который хочет видеть своим президентом именно этого человека, а не кого-то другого! Да и экономия от увеличения срока значительная – меньше приходится тратить государственных денег на выборы. Вот у вас на Западе, Бобби, срок полномочий президентов в большинстве стран пять лет, и, как правило, президент избирается дважды. Итого получаем, что каждый президент правит обычно десять лет. А у нас – восемь лет. Что в этом такого? Ведь могут и не избрать теоретически.

– Вот именно – теоретически. А на практике?

– И на практике также. Если хотите знать, после смерти нашего предыдущего Правителя сложилась такая ситуация, что его сына могли и не выбрать.

– Это как же? – удивился я.

– А вот так! Было несколько сильных кандидатов.

– Оппозиция? – еще больше удивился я.

– В своем роде – да, оппозиция. Но точнее будет сказать – альтернатива.

– Альтернатива Семье?

– Не – Семье, а – в Семье! Рассматривались кандидатуры жены усопшего Правителя и одной из его дочерей.

– Вот так альтернатива! – не удержался я от смеха. – Ну, спасибо Хариф! Уже только за эту шутку стоило отсидеть за болтовней с вами зад. Ведь это готовый анекдот про демократию по-гюлистански!

– Вот вы смеетесь, а нам тогда было не до смеха. Я, правда, в то время был совсем молод, но все помню. И демонстрации на улицах, и стихийные митинги. Но обошлось, слава богу.

– Я вас понимаю, Хариф, – продолжал я подшучивать. – Для вас ведь митинг или демонстрация – хуже стихийного бедствия. Они нарушают ваши славные традиции, так? Что же говорить тогда нам, кто живет в свободных странах, без всяких там средневековых традиций? У нас ведь что ни день, то или митинг или демонстрация. А иной раз даже и забастовки. Скажу вам по секрету, дорогой мой друг, мне тоже эти шумные изъятия народной воли очень нравятся – неудобства всякие создаются. Но я, представьте себе, скорее готов терпеть забастовки, чем самодурство какого-нибудь китайского мандарина. Ибо эти митинги и забастовки и не дают нашей власти забыть, кто есть истинный хозяин страны. И что у народа всегда найдутся средства против всяких там сатрапов и диктаторов!

– О каких сатрапах вы говорите, мистер Ганн? Вот вы в своей пылкой речи в защиту демократии сами неосторожно упомянули о корпорациях как финансово-политических инсти-

туда представляющих через собственные интересы также и интересы большого количества граждан страны. Разве нет? Так вот у нас – то же самое! Один к одному! Только наши корпорации – это «красные»! Целые семьи, кланы. И каждая из семей контролирует строго определенный сегмент властной пирамиды и традиционно закрепленный за ней сектор экономики. Именно поэтому, кстати говоря, приход к власти жены усопшего Правителя мог катастрофически нарушить баланс сил – как во власти, так и в экономике.

– Это почему же?

– А потому! – Хариф вынул из кармана платок и оттер крупные капли пота, которые вдруг выступили на его лицо как изморозь на банке пива вынутой из холодильника.

– Наша бывшая Первая Леди, да покоится ее прах с с миром, была весьма благородной женщиной. Она всегда была верным соратником нашего Правителя и весьма активно агитировала идеи Вождя. Ее также очень любили в народе за ее неустанные труды на ниве благотворительности и милосердия. Но в последние годы, надо сказать честно, она неожиданно начала слишком активно вмешиваться в государственные дела. Более того – она предприняла самую настоящую экономическую экспансию через своих многочисленных родственников, пытаясь прибрать к рукам то, что принадлежало по праву другим кланам. А это уже грозило крахом всей системе!

– Каким образом? – спросил я удивленно. – По вашей теории, Семья, которая стоит на самом верху, разве не должна иметь больше других?

– Совсем необязательно! В этом случае скорее уместна формула «первая среди равных».

– А если проще?

– А если проще... Бобби, посмотрите еще раз на статую вождя, – ухмыльнулся снисходительно Хариф.

– И что я должен увидеть? – спросил я, зажмурившись от слепящих лучей солнца, которые били в глаза отраженным от гладкой поверхности граней светом.

– То же, что и раньше. Только теперь я готов ответить на ваш вопрос. Помните, вы спрашивали, сколько весит эта золотая глыба? Так вот мой ответ: она весит столько или меньше, сколько может выдержать Пирамида!.. Вы понимаете, Бобби? Если она будет весить слишком много, Пирамида не выдержит! Самое уязвимое место Пирамиды – это именно вершина, где сходятся все грани ее несущей конструкции. Разружьте между ними связи – и Пирамида сложится как карточный домик!

Я снова взглянул на Пирамиду. Слова Харифа произвели на меня сильное впечатление.

Теперь я видел перед собой не просто овеществленную в грандиозном сооружении метафору власти – Пирамида вдруг ожила! Я увидел ее на миг, словно сложенную из сцепленных неразрывной связью спрессованных человеческих тел.

Нижние ряды, казалось, состояли из почти цельных блоков, из которых беспорядочно торчали кое-где конечности. Они были безликим фундаментом. Над первыми рядами высились следующие блоки, где некоторым отдельным телам удавалось чуть приподняться из общей массы на колени. А на их спинах напряженно топтались другие – кому посчастливилось уже встать на ноги, но и они стояли, сгорбившись, пошатываясь под тяжестью попиравших их ногами великанов – настоящих атлантов, вознесших на вытянутых руках того, единственного, кого они избрали себе кумиром!..

Я встряхнул произвольно головой, отгоняя страшное наваждение.

– Но ведь это настоящая тирания, Хариф! Тирания олигархов!

– Называйте, как хотите. Лично я бы назвал это социальным преимуществом. Разве олигарх – не народ? Мы все – народ. Только одни из нас – больше народ, а другие – меньше, в силу своих возможностей и обязанностей. И ваши западные государства точно так же построены по

принципу Пирамиды. Просто наша Пирамида более крутая, а ваши – более пологие. И поэтому в вашем обществе не так разительны контрасты между верхними и нижними классами. Но Пирамида, Бобби, имеет уникальное свойство трансформироваться при необходимости! Вот когда наше общество окрепнет, решит свои самые острые проблемы, – к примеру, проблему спорных территорий с рамянами, – тогда, возможно, наша мудрая власть и пойдет на некоторые либеральные реформы. А раньше – нельзя: смерти подобно!

Этот Хариф совсем меня сбил с толку. Я уже не мог придумать, что ему возразить, и поэтому просто подал назад.

– Ладно, Хариф, я могу понять, почему вы не избрали в президенты Первую Леди. А как с дочерью? Или тут всему причина ваше восточное пренебрежение к женщинам?

– Опять вы мыслите стереотипами! А Беназир Бхутто? А Тансу Чиллер? Разве они были не восточные женщины? Милая дочь Правителя вполне могла стать нашим новым Правителем. Если бы не ее муж! Он был финансовым магнатом одной соседней страны. Да и в Гюлистане, по праву зятя Правителя, успел отхватить себе жирный кусок. И ясно, что стань его жена во главе государства, начался бы опять же жесткий передел в сферах власти и экономики в пользу Семьи. Плюс – политические мотивы! Ведь была опасность смены внешнеполитического курса этим чужаком!

Наша внешняя политика со времен Вождя традиционно остается сбалансированной. Мы стараемся не примыкать явно ни к одному из существующих в мире военно-экономических блоков, чтобы не быть втянутыми в их глобальные разборки. Правда, после вхождения России в ЕС и революции в Иране ситуация в мире несколько стабилизировалась – но это лишь затишье перед бурей! Глобальные политические войны еще только начинаются! США блокируется с Латинской Америкой против Европы и России. Китай подбивает Японию на военный союз. Даже в Африке начались объединительные процессы! Так что нам, маленьким государствам, имеющим большие проблемы, надо держать ухо остро!

– Ну, это вы уже совсем чепуху несете! – отмахнулся я от не интересующей меня темы. – Вы лучше скажите, почему сразу не поставили на сына Правителя?

– А он сам не хотел.

– Как это?

– Вот так. Он почти всю жизнь провел за границей. Жил весьма скромно, замкнуто. Даже не женился тогда еще, хотя ему было уже под сорок. А когда встал вопрос о наследнике и к нему послали людей с приглашением занять подобающий пост, ответил, что не чувствует в себе призвания к столь ответственной миссии.

– Вот это да! И как вы его уговорили?

– Уговаривали по-всякому. А потом пришлось поставить ультиматум Семье: или он занимает пост, или народ будет искать нового Правителя – вне Семьи!

– Прямо так и поставили ультиматум? Круто! – снова развеселился я. – А как же Династия, как преемственность, как же ваша святая традиция?

– Вот как раз во имя преемственности и традиции и пришлось пойти на столь радикальные меры. Ибо не люди создают традиции, а традиции – людей! Важно было сохранить в кристальной чистоте идеи, завещанные нашим незабвенным Вождем!

– Традиции, которые штампуют людей как конвейер! Ведь это застой, конец прогрессу!

– Где вы видите застой! – вскричал Хариф. – Оглянитесь вокруг, мистер Ганн! Разве это не прогресс?!

– Это всего лишь красивые декорации для иностранцев. Вы сами мне на все открыли глаза.

– Ну, да. Мы глупые ловкачи, строим голливудские деревни для туристов, а сами ютимся в халупах! А у вас, в ваших америках, все туристические маршруты проходят исключительно через городские трущобы и заброшенные провинциальные городки!

Хариф нервно закурил и обиженно отвернулся. У него даже руки слегка дрожали.

Мне стало его чуть жаль. Он уже был мне чем-то симпатичен, этот, несомненно, умный, но по-своему ограниченный человек. Хотя, где-то в глубине души, мне казалось, что вся эта его горячность, с которой он защищает от меня свой грубо скроенный, но родной мирок, несколько наигранна. Такой человек не мог не понимать, в каком абсурдном мире ему приходится жить.

– Хариф, – спросил я его, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, – так вы довольны своим Правителем?

– Да, вполне, – ответил он, глядя перед собой. – Он оказался, как мы и надеялись, очень добрым и мудрым. Ведет себя скромно и с благодарностью принимает советы своих верных помощников.

– Ну, хорошо, если так, – сказал я, едва сдержавшись, чтобы не ввернуть ехидное словцо по поводу сговорчивости правителя. – Я рад за вас.

– Спасибо, – ответил он растроганно. – Он, кстати, женился позже на одной благородной девушке из «оранжевых». Теперь ее семья, разумеется, уже «красная». Жаль только, что бог не дал им сына – лишь одну дочь.

– А сколько ему лет?

– Уже за шестьдесят... Бобби, вам не кажется, что стало немного прохладно? – заглянул вопрошающе мне в лицо Хариф. – Дело к вечеру.

– Да, заговорились мы с вами. Я бы, пожалуй, съездил в отель.

– Тогда я вызываю машину!

9

Ждать пришлось недолго. Едва мы успели перейти на другую сторону улицы и встать под длинным навесом стоянки, как подъехал сверкающий хромом джип.

– Вы собираетесь ехать со мной? – спросил я Харифа.

– А я вам больше не нужен? – удивился он, уже ухватившись за ручку дверцы.

– Нет, – сказал я твердо, – Спасибо за экскурсию. Если у меня возникнут какие-то идеи, я вам позвоню.

– Позвольте хотя бы проводить вас! – настаивал Хариф.

– А зачем? Я надеюсь, шофер знает дорогу? Да я и сам помню.

Я сел на заднее сидение, а Хариф, просунув голову в окно передней дверцы, начал что-то говорить шоферу на гюлистанском, а затем обратился ко мне:

– Мистер Ганн, ужин в восемь, вы помните? Если захотите прогуляться по вечернему городу, обязательно позвоните!

– Посмотрим, – ответил я холодно. – Я еще не решил, что буду делать.

– Что ж, если я вам так надоел, – и он снова бросил что-то короткое и резкое шоферу, а затем нехотя сделал шаг от машины.

Машина мягко тронулась, и я прикрыл глаза.

Только сейчас я почувствовал, как устал от этой длинной и нервной беседы с Харифом. Хотелось быстрее добраться до номера, принять душ, понежиться немного в постели.

А с другой стороны, во мне росло неопределенное чувство протеста. Что-то надо было сделать наоборот, вывернуть наизнанку, чтобы я обрел свою обычную уверенность, что мир мягок и податлив, а я тверд и настырен.

– Куда мы едем? – спросил я, открыв глаза. – Вы говорите на английском?

– Мы едем в отель, – спокойно ответил шофер.

– Нет! Я хочу еще немного покататься по городу! – принял я неожиданное решение. – Езжайте прямо!

– Куда вам надо? – спросил шофер все так же невозмутимо.

– Просто езжайте прямо!

– Там нет ничего интересного, – возразил он.

– А мне – интересно!

Шофер повиновался, но сбросил газ, хотя мы и без того еле плелись.

Машина уже проехала центральное кольцо, то самое, на котором высились самые помпезные здания. Я меж тем непрестанно вертел головой, тщетно выискивая в череде блестящих витрин стерильно чистого проспекта грубое и похабное пятнышко интереса. Но чем дальше мы углублялись, тем более безликими становились дома. Эпатажный модерн высоток сменили скучные параллелепипеды офисных строений, а затем вообще пошли пузатые низкорослые особнячки из желтого песчаника, одиноко выглядывающие из-за решетчатых изгородей зеленых дворики. У некоторых из таких домов перед воротами я заметил людей в униформе.

– Что это за дома? – спросил я.

– Это посольства и правительственные учреждения, – ответил шофер.

– А посольство США находится на этой улице? – заинтересовался я.

– Нет, оно в другой части города, неподалеку от Резиденции Правителя. Мы проехали еще пару сотен метров, и шофер начал притормаживать.

– Что вы делаете? – занервничал я.

– Дальше ехать некуда, – сказал шофер. – Нужно развернуться.

– Как же «некуда»? Езжайте дальше! – потребовал я сразу, словно только и ждал от шофера какого-то подвоха.

– Нельзя, – сказал шофер и совсем остановил машину. – Дальше пост, выезд из города.

Нас не пропустят без сопровождающего.

– Но ведь другие машины едут! – уже почти крикнул я возмущенно.

– Они знают, кого пропускать, – сказал шофер.

Он даже не обернулся ни разу в мою сторону.

– Это черт знает что! – не на шутку рассердился я. – Я буду на вас жаловаться!

Слова мои неожиданно возымели действие – шофер снова завел машину.

Проехав, однако, метров двести, он свернул на первую полосу и пристроился в ряд других автомобилей перед постом. Меж тем, машины по другим полосам ехали дальше беспрепятственно. Я высунулся в окно и не увидел на дороге никакого шлагбаума или таможенных ангаров – только маленькая стеклянная полицейская будка.

Метров за двадцать до зловещей будки, когда перед нами оставалось всего несколько авто, подошел полицейский. Меня он даже не удостоил взглядом, а сразу строго обратился к шоферу. Шофер начал ему что-то объяснять, словно оправдываясь, но полицейский резко оборвал его и приказал, как я понял, съехать с дороги. Шофер припарковал машину на небольшой площадке и бросил мне через плечо:

– Я прошу вас, мистер, не выходить пока из машины.

После этого он вышел сам и направился за полицейским, который его ждал и сразу повел за собой.

Честно говоря, чувствовал я себя не очень уверенно. Я даже малодушно подумал – а не позвонить ли гиду? Но потом, представив себе обиженную рожу толстяка и его возможные злорадные упреки, мужественно отказался от этой мысли. В сущности, что они могли мне сделать?

«Что за драконовские порядки в этой стране? – накручивал я в себе злую бравату, – Почему здесь турист не может спокойно передвигаться, а всюду должен таскать за собой «хвост»?».

Шофер вернулся минут через десять – я к тому времени совсем уже извелся от злости и неопределенного страха. Молча сел, завел машину, вырулил на дорогу и спокойно проехал мимо поста.

– Нам разрешили, – сказал он в ответ на мое удивленное молчание, но в голосе его я не услышал никакой радости, а даже напротив – мне показалось, что парень чем-то явно раздосадован.

Очень скоро машина вошла на подъем – пошли те самые холмы, которые опоясывали Алиабат. А потом мы выехали на развилку – и шофер свернул направо.

– Куда мы едем? – спросил я, выйдя, наконец, из легкого оцепенения, в которое меня ввергло недавнее наше неприятное приключение и – еще больше – столь неожиданная легкая развязка.

– Мы едем по окружной дороге, мистер, – подчеркнуто вежливо процедил шофер.

– И куда ведет эта дорога? – терпеливо уточнил я вопрос.

– Во многие места, – еще более неопределенно ответил шофер.

Преимущество было явно на его стороне – я сам толком не знал, куда хочу ехать, а он этим и пользовался нахально.

Я стал оглядываться, хотя дорога ничего примечательного собой не представляла: обычный не очень крутой серпантин, плавно переползающий с одного холма на другой. И все же, иногда справа от дороги бурая цепь сосновых деревьев разрывалась на несколько секунд, и я мог видеть внизу город. Вот наблюдая движущуюся панораму города, чья незамысловатая схема была мне уже примерно ясна, я и сориентировался, что мы медленно, но верно возвращаемся по большой дуге назад. И я легко сообразил, что если мы так и будем ехать, то вскоре попадем прямехонько в Дубовую Рощу. А это меня совершенно не устраивало. Это значило, что мой маленький бунт не удался.

– Остановите! – крикнул я, заметив новую развилку.

Шофер резко затормозил, так что я чуть не клюнул носом в переднее сидение.

– Подайте назад, к развилке! Я хочу, чтобы мы свернули на ту дорогу.

– Туда нельзя, – мрачно ответил шофер.

– Я вам приказываю! Я требую!

– Мне нужно позвонить, – буркнул парень и вышел из машины.

Я в бешенстве наблюдал, как он, отойдя на несколько шагов от машины, нервно жестикулируя, разговаривает по телефону. Но что я мог сделать? Выйти из машины и идти пешком – было бы глупо.

– Он скоро подъедет, он уже близко, – сказал шофер, устроившись на свое место.

– Кто? Кому вы звонили? – встрепнулся я.

– Вашему gidу. Он сказал, что сам вас отвезет, куда надо.

– Куда надо мне или куда надо ему? – спросил я зло. Но ответа не последовало.

В сущности, было несправедливо злиться на шофера и что-то от него требовать. Он был наверняка «синим», на что намекал цвет его фуражки, обычным парнем, приученным беспрекословно подчиняться инструкциям и приказам начальства. У него, пожалуй, могли даже возникнуть неприятности из-за меня, прояви он хоть малейшую самостоятельность.

Так что мне оставалось лишь смиренно сидеть и молча злиться – на свое упрямство, на чрезмерную заботливость Харифа, на тупую законопослушность гюлистанцев и эту чертову

Пирамиду. Я уже даже жалел, что приехал в Гюлистан. Два дня в этой стране – и никаких еще удовольствий, одни страхи и глупая болтовня!

Невольно мои мысли перескочили на воспоминания о других моих путешествиях. Да, случались у меня иной раз неприятности разного рода – отвратительная кухня, мелкие кражи, неосторожно подхваченный триппер и пьяные драки. Но во всех своих странствиях я находил главное, что, собственно, и искал – свободу!

Свободу от привычных условностей, свободу от придирчивых глаз соседей и родни, свободу от жестко расписанного сценария завтрашнего дня, свободу от самого себя – безвольного и закомплексованного человека, обреченного подчиняться неумолимым предписаниям жестко структурированного мира, в котором он имел несчастье родиться и прозябать большую часть жизни.

В чужой стране, где тебя никто не знает, где даже с небольшой суммой на кредитке ты можешь чувствовать себя на короткое время богатым и желанным, где полностью самовольно располагаешь своим временем, где от тебя никто ничего не требует, а лишь предлагают богатый выбор удовольствий за скромную плату, где возможно быть распутным и благородным, жестоким и щедрым, циничным и романтичным, зная, что в любой момент, пока тебя не раскусили, ты волен быстренько слинять, безжалостно разорвав контракт с самим собой на роль в сочиненном тобою же спектакле, – только и возможно ощутить пьянящее чувство свободы.

Турист – хозяин страны, в которую приезжает. Он – барин, конкистадор, он пуп земли, вокруг которого вертится мир.

И только здесь, в Гюлистане, я впервые ощутил себя мухой, которую пытаются быстренько свернуть в паутине запретов и ограничений, с одним лишь хищным намерением – высосать до последней капли и поскорее избавиться.

Кому понравится чувствовать себя мухой?

10

Это было в Перу. Это было одно из первых моих одиночных путешествий.

Мы тогда жестко разругались с Джоанной. Она хотела в Италию, а я настаивал на Мальорке. В результате она, назло мне, осталась дома, а я, по каким-то непонятным соображениям, решил отправиться в Перу.

Возможно, мне просто надоели салонные шлюхи, прокуренные бары, дурь, тупое шастанье по ослепляющим и оглушающим проспектам мегаполисов.

Захотелось чего-то величественного и простого. Вот я и поехал в Перу – приобщиться таинств древней цивилизации, вдохнуть воздуха вершин, окунуться, так сказать, в родник первозданности.

Все же почти неделю я проторчал в Лиме – слишком заворожила меня бесстыдная пестрота этого города: большеротые ленивые девки с грубо скроенными угловатыми фигурами и землистым оттенком кожи, и писко-сур, к которому я очень быстро пристрастился и пил повсюду, где его только подавали, а подавали его везде, днем и ночью.

Это была неделя беспробудного пьянства и самого пошлого распутства, настоящая экваториальная оргия, когда слишком много влаги и нечем дышать.

Но в одно прекрасное утро я собрал свои манатки и решительно сел в большой синий автобус, чтобы чинно, вместе с группой совершенно трезвых туристов, ехать сначала в Куско, а потом в Мачу-Пикчу – как и положено примерному туристу в Перу.

В Куско было красиво и скучно. В Мачу-Пикчу – даже слишком красиво, но еще скучнее.

Возможно, если бы я был один, все эти циклопические пирамиды, возведенные для своих кровавых ритуалов древними инками, и эти дикие горные громады, подпирающие туманные облака, произвели бы на меня должное впечатление. Но я был в тесном окружении ахающих на каждом шагу и беспрестанно хлопающих затворами фотоаппаратов туристов, большей частью узкоглазых и пожилых, и чувствовал себя с ними паршивой овцой в образцовом стаде угрюмого перуанского пастуха в широкополой шляпе, перегоняющего своих жирных овец с одного туристического пастбища на другое.

У меня напрочь отсутствует спасительное стадное чувство. Когда вокруг блеют, мне хочется лаять и клацать зубами.

Короче, я не стал возвращаться с группой. Вышел из автобуса в ближайшем городке, взял в аренду автомобиль, вооружился картой и покатил по горным дорогам, понадеявшись на удачу.

На второй день я, конечно, заблудился среди этих драконьих хребтов. Точнее, всего лишь чуток сбился с маршрута. А окончательно меня «заблудил» местный абориген, встреченный на пыльной заоблачной дороге, по которой я нервно катил, а он лениво волочился, словно заслуженный пенсионер по одной из аллей Централ-парка.

Я, разумеется, ни в зуб ногой на кечуа, а по-испански знаю не больше десятка слов. А этот небожитель знал английский... словом, лучше бы он не знал его вовсе.

Я спросил мужичка о главной дороге. «Camino! Camino! – почти кричал я, отчаянно изображая рукой извивающуюся змейкой горную дорогу. – Highway! Autobahn! City! Town! La Ville!.. Die Stadt, fuck you!».

«El camino en la ciudad?» – наконец-то допедрил этот дохляк и стал занудливо объяснять, а еще больше показывать на своих корявых пальцах, как на нее ловчее и быстрее выехать.

У меня просто не хватило терпения его дослушать и досмотреть, иначе бы я не рванул от него, обнадеженный, что где-то впереди все же есть признаки цивилизации, а благоразумно вернулся назад, к дороге, на которой хоть иногда пестрели столбики с указателями и с которой я так неосторожно съехал.

В итоге, к вечеру я очутился в совершенно дикой местности. Ехать обратно смысла не было – кончался бензин – и я упорно продвигался вперед по чуть ли уже не козьей тропе.

Потом машина, пару раз натужно чихнув, стала. Я даже не успел прибиться к обочине. Хотя, подобная предосторожность была совершенно излишней – за последние три часа мне не встретился ни один автомобиль.

Долго раздумывать не приходилось. Начинало темнеть, а ночи в горах холодные. Так что я без сожаления бросил свой «форд», закинул рюкзак за спину и затопал вперед, надеясь, что рано или поздно дорога меня куда-нибудь да выведет.

Мне повезло, обогнув первый же поворот, я увидел выше по склону, метрах в пятистах, небольшую деревушку – с десяток строений грубо сложенных из плоских желтоватых камней.

Немногочисленные жители деревни встретили мое появление без особого удивления. Пожилая толстая женщина, запеленатая в какую-то войлочную шаль и скульптурно восседавшая с потухшей сигаретой в гнилых зубах у околицы деревушки на серой булыге, сразу указала грязным пальцем на одну из хибар, смачно причмокивая вытянутыми в дудочку вялыми губами:

– Чо-Чо! Чо-чо!

Оказалось, что в этом доме жил мужчина единственный в деревне знавший английский, а звали его именно Чочо.

Чочо был крепким низкорослым мужчиной лет сорока, с маленькими тусклыми глазками и заросшими редкой седой щетиной широкими скулами. В домике, состоявшем всего из двух небольших комнат, жили вместе с ним его жена и трое детей: сын лет четырнадцати и две

маленькие дочки. Они как раз готовилась ужинать – Чочо и дети сидели на полу, застланном подобием ковра из грубо сшитых кусков разноцветной шерсти, а хозяйка уже подавала некое мясное блюдо от пылающей углями небольшой жаровни.

На мое приветствие отозвался только мужчина.

– Садитесь, мистер, – сказал спокойно Чочо, и указал место рядом с собой.

У меня оставалось в рюкзаке с полбутылки виски, я сразу и выставил пузырь на низенький круглый столик. Девочек угодливо угостил шоколадом, а парню дал пачку жвачки. В итоге все были довольны. В особенности я, нашедший на ночь кров, а главное – человека, способного понять меня и помочь в моем затруднении.

Ужин, в виду неожиданного и редкого гостя, прошел в молчаливой торжественности.

Как только убрали со стола, хозяйка с девочками переместилась в соседнюю комнату, оставив нас для мужской беседы. Тут я и рассказал Чочо о своей проблеме, о которой он, впрочем, и без меня уже догадался.

– Знаете, мистер, мы живем в такой глуши, что к нам только и попадают люди по недоразумению. С начала года, вы – третий. К сожалению, в деревне нет бензина – только керосин для ламп.

– Керосин мне не подходит, – огорчился я.

– Разумеется, – утвердительно кивнул Чочо, – Но вы не расстраивайтесь, утром я отправлю сына на муле в поселок, где можно раздобыть бензин. У вас есть канистры?

Канистры у меня не было.

Чочо неодобрительно покачал головой.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем. Но вам придется подождать.

– Это будет долго?

– Это будет не быстро, – поправил меня Чочо.

Прежде чем лечь спать, (а спать легли мы рано, ибо, чем можно занять себя в горной деревушке, где нет света?), мы еще чуток поболтали с хозяином – рассказали друг другу немного о себе.

Оказалось, что Чочо в молодости успел погулять по белу свету – объездил почти всю страну и даже выезжал на заработки в Чили и Никарагуа. В своих странствиях он сменил много профессий, но больше всего ему запомнилась работа портером в одном большом отеле в Лиме. Там он и научился достаточно внятно говорить на английском.

– Чочо, – спросил я его, – почему же вы вернулись в деревню? Вы ведь сами сказали, что вам легко жилось в городах. А здесь? Разве вам здесь не тяжело после городских удобств и развлечений?

– Я бы и не вернулся, – сказал мрачно Чочо. – Если бы не умер мой младший брат, которому достались по нашим обычаям отцовские земля и дом. Когда у тебя есть своя земля и дом – ты свободен. А если есть еще жена и дети – ты счастлив. Ведь меня и невеста ждала в деревне, пока я накоплю денег, чтобы мы могли завести свое хозяйство. А тут вдруг брат помер, вот я сразу и вернулся.

Спать меня уложили там же, в гостиной, на тех же шерстяных ковриках, на которых мы ужинали. Я разделил постель с Чочо, укрывшись с ним одним большим одеялом, очень легким и теплым, а под головами у нас были маленькие, расшитые какими-то фантастическим орнаментом, мягкие подушечки. Чочо сказал, что на этих подушечках написаны древними буквами, которые сейчас никто не понимает, заклинания против злых духов, и что я на них усну как младенец, у которого душа чиста, а разум невинен.

Так и случилось: я лег и проснулся, казалось, в один миг.

А проснулся я от деловитого шарканья босых ног по каменному полу – это хозяйка уже копошилась у разгоревшейся жаровни, готовя для семьи завтрак.

Выйдя из дому, я увидел только туман. Он был такой плотный, что едва можно было разглядеть предметы в пяти шагах.

Мне нестерпимо хотелось в туалет. Но как можно было найти подходящее место в этом тумане?

И тут я услышал какие-то трескучие звуки – и осторожно пошел на них. К моей радости, это оказался Чочо, ломающий сухие ветки, очевидно, все для той же жаровни, просовывая их меж двух брусьев изгороди. Я поздоровался и сказал без обиняков Чочо о своей проблеме. Добрый Чочо взял меня невозмутимо за руку и повел за собой.

То что было туалетом, оказалось всего лишь ширмой из цельного куска грубо продубленной буйволиной шкуры, подвешенной самодельными проволочными крючками на высокой перекладине. Но самое ужасное было за ширмой – там был туман! Со всех трех сторон. И только внизу было нечто вещественное – пол из плохо пригнанных одна к другой корявых досок с небольшим отверстием посередине.

– Будьте осторожны, – счел нужным предупредить меня Чочо, – там глубокий обрыв.

А потом словно спохватился, видя, как я стою в нерешительности.

– Ах, да! Вам, наверное, нужна бумага?

– Нет, спасибо, я прихватил, – промямлил я обреченно.

– Тогда не буду вам мешать, – сказал Чочо и деликатно растворился в тумане, хотя я, сказать честно, предпочел бы в такой ситуации, чтобы он остался рядом, даже, возможно, подержал за руку.

Немного поразмыслив, я решил почему-то, что если закину ширму на перекладину и туман, таким образом, окажется со всех четырех сторон, будет не так страшно. Удалось мне это не сразу – шкура оказалась тяжелой, противно склизкой и никак не хотела сгибаться. Потом я осторожно ступил на жерди – «туалет» заходил ходуном. Видно, пол не был никак прикреплен, а просто висел на камнях над обрывом.

Уже спустив штаны и осторожно присев, я вяло подумал, что будет ужасно стыдно и глупо, если кто-то в этом тумане решит, как и я, сходить по нужде.

Потом мы завтракали. Мне, как гостю и человеку не привыкшему к местной пейзажной пище, молчаливая хозяйка состряпала омлет на сухом молоке. От сомнительного утреннего напитка со сложными и совершенно неизвестными мне ингредиентами я также благоразумно отказался, выпросив кипятку, чтобы вспытать в него кофе из пакетика. Я предложил отведать этот цивилизованный напиток и остальным, но никто, даже девочки, на кофе в пакетиках не соблазнился.

За завтраком я, между прочим, спросил Чочо, почему не видно его сына, и к своей радости узнал, что парнишка уже давно уехал за обещанным бензином.

Потом мы с Чочо покурили. Он – мой “Winston” (я тогда слегка покуривал), а я, из вежливости и любопытства, какую-то его махорку, которую он очень нахваливал.

От махорки мне стало сразу весело и потянуло на подвиги. И я спросил у Чочо – а нет ли в окрестностях каких-либо достопримечательностей?

– Есть, – ответил Чочо. – Красная Гора. Индейцы называли ее Гора Завета.

– Странное название! – заинтересовался я, – Это как-то связано с историей?

– Это связано с древней легендой инков о первых днях мира. Эту же гору называют еще Горой Шести Тронов или Шести Камней.

– И далеко это?

– А разве вы не видели Красную Гору, когда шли к деревне? Она стоит внизу, в самой середине долины. И ее невозможно не заметить с дороги.

И Чочо сразу предложил мне сходить на гору.

– Если мы поспешим выйти, то успеем подняться и спуститься, пока мой сын привезет бензин.

– Но ведь повсюду туман! – возразил я.

– Это верно. Но пока мы спустимся к горе, туман в долине рассеется. А когда поднимемся на вершину, он уже смешается с облаками.

– Раньше эта гора считалась священной, – продолжал интриговать меня Чочо. – Подняться на нее хоть раз в год считалось святым долгом всякого индейца, чтившего древних богов. Приезжали даже из дальних провинций. Говорят, что дух горы помогает излечиться людям от разных болезней, особенно – от болезней головы. Но в последние годы на гору почти никто не поднимается. Все ходят за помощью в храмы – к Деве Марии. Или в банки.

– А вы были там, Чочо?

– А как же, много раз. А впервые я поднялся на гору с отцом, когда мне не исполнилось еще и пяти лет.

– На нее так легко подняться?

– Нетрудно. Дорога не близкая, но и подъем не крутой. Там полно тропинок.

И я решил сходить с Чочо на Красную Гору.

«Тысячи людей ежегодно ездят в Перу, чтобы посмотреть Мачу-Пикчу, и я был всего лишь одним из этого несчетного легиона. А кто может похвастаться, что он стоял на вершине Красной Горы? Может быть, там и вправду есть на что посмотреть?» – подумал я, и прихватил на всякий случай фотоаппарат.

До горы мы дошли примерно за час. Но из-за тумана, в котором без Чочо я бы наверняка заблудился, гору я увидел лишь, когда мы приблизились к ней метров на сто, да и то – не полностью. Она краснела в тумане как огромная ягода клубники, утонувшая вершиной в пене взбитых сливок.

Здесь Чочо, всю дорогу шедший впереди, вдруг сказал:

– Отсюда идите вперед, мистер.

– А вы? – спросил я удивленно.

– А я пойду за вами.

– Но куда же мне идти? – воспротивился я. – Ничего ведь не видно!

– Как же не видно? Мы стоим на тропинке. Вот по ней и идите. И не бойтесь сбиться – здесь все дороги ведут на вершину.

Сам не пойму, почему я согласился? Это было непривычно и даже жутковато – подниматься в гору в сплошном тумане. И хотя тропинки были четко видны, но оказалось их много, и я каждый раз терялся, не зная, какую из них выбрать.

А Чочо совсем не хотел мне помогать, а лишь слегка подталкивал в спину, когда я останавливался, приговаривая при этом:

– Идите, мистер, не стойте, а ни то мы так до вечера не обернемся!

И я шел. Почти без остановок. Странно было, что я совсем не чувствовал усталости, хотя мы поднялись уже довольно высоко, как можно было предположить. Возможно, я к тому времени уже успел адаптироваться к высокогорью? Или, может быть, я был в таком напряжении из-за этого чертова тумана, что ни о чем больше и думать не мог?

– Вот мы почти и пришли, – вдруг сказал Чочо. – Посидим здесь, пока туман не рассеется окончательно.

Мы присели на еще влажные от тумана камни и закурили. Чочо предпочел свою махорку, а я задымил сигареткой.

– Чочо, может, вы мне пока расскажите эту легенду? – попросил я.

– Это было давно, – сразу начал Чочо, словно только и ждал моей просьбы.

– Тогда еще не было человека. А были только Боги и невиданные животные.

И было этих богов шесть: Бог Земли, Бог Неба, Бог Воды, Бог Света и Бог Тьмы.

А шестым богом был Бог Чистого Разума.

И первые пять богов воевали между собой за царство над миром, ибо каждый из них считал себя самым могущественным и самым важным. И потому в мире был вечный Хаос.

Земля тряслась и изрыгала из себя огонь и камни.

Небо блистало молниями и ревело ураганами.

Вода то заливала Землю и смешивала ее с Небом, то вдруг исчезала совсем в жадных песках и глубоких ущельях.

Солнце, когда властвовало в Небе, иссушало в пыль своим жаром Землю и выпивало до капли Воду из рек.

А когда миром овладевала Тьма, все замерзало от холода в мертвой неподвижности.

И только Бог Чистого Разума ни во что не вмешивался и ни на что не претендовал, и поэтому жил себе спокойно на своей Горе, где было ни тепло и ни холодно, и всегда царил полумрак.

И появлялись в те времена на свет разные чудовищные твари, которые тоже постоянно дрались между собой, пожирая друг друга, – и все вместе они гибли от непрестанных нападений, насылаемых на мир враждующими Богами.

И были это растения, похожие на животных, и животные похожие на рыб, и рыбы, похожие на птиц, и птицы, похожие на растения...

Таков был этот мир.

И пришел день, когда Боги устали от вражды, словно поняв вдруг, что вражда эта может продолжаться вечно.

И решили они, по общему согласию, пойти за правдой к Богу Чистого Разума, чтобы тот рассудил – кто из них сильнее и один достоин властвовать над миром.

И договорились они, что как скажет Бог Чистого Разума, так и будет...

– Кажется, туман уже рассеялся, – оборвал рассказ Чочо. Встал и пошел по тропе.

А я, задрав голову, увидел к своему удивлению, что вершина совсем близко – метрах в тридцати или чуть больше, и что туман успел за те несколько минут, что мы курили, уйти совсем высоко и стал настолько тонким, что сквозь него уже просвечивала синевя неба.

А когда мы взошли на вершину, из-за высоких сиреневых гор на востоке брызнуло ослепительное солнце!

Эта гора была, возможно, потухшим вулканом. Плотнo утопанный красный песок, а вокруг, по периметру вершины, пять огромных камней – выше человеческого роста. И еще один камень – плоский и почти круглый – в центре.

Это было удивительное место. Словно ты оказался вдруг на крыше зубчатой сторожевой башни. Но еще больше удивляли сами камни – то, как они сюда попали. Поверить, что эти глыбы могли сюда приволочь люди, было трудно.

– Это и есть Шесть Тронов? – спросил я Чочо.

– Да, их принесли сюда Боги, когда собрались на совет.

– Интересно! – воскликнул я восхищенно. – Просто удивительно! Странно, что такое место не посещают туристы.

– Может быть это и хорошо, – заметил хмуро Чочо. – Они бы приносили сюда с собой свои банки с пивом, чипсы и другой разный мусор. И еще взбирались бы на троны Богов, чтобы сфотографироваться. Духу Горы это бы не понравилось, я думаю.

– Вы правы, Чочо, – вынужден был согласиться я. – Но вы мне так и не досказали легенду. Чем там все закончилось?

– Закончилось очень просто, – усмехнулся хитро Чочо.

Когда все Боги собрались, каждый из них стал хвалиться своей силой, чтобы доказать Богу Чистого Разума, что только он может и должен быть главным. И получалось так, что без любого из них этот мир просто не мог существовать.

Бог Земли сказал, что он и есть основа мира, что из него все исходит и в него все возвращается.

Бог Неба возразил на это, что он самый огромный, ибо все объемлет. Разве все остальные не живут внутри него?

Бог Воды воскликнул, что без него земля превратилась бы в камень, а небо рассыпалось в прах, ибо только он все смешивает и соединяет.

А Бог Солнца ответил, что мир поглотила бы тьма и превратила в кусок безжизненного льда, если бы не его животворящие лучи.

А последним сказал свое слово Бог Тьмы.

– Да если бы я, хоть иногда, не умирал вашего буйства, – сказал Бог Тьмы возмущенно, – вы бы давно уничтожили друг друга! Ибо я есть покой и отдых, без которого не могут обойтись даже всеильные Боги!

И долго они спорили, яростно, словно забыв, зачем пришли на Гору, и готовы были уже снова сцепиться, когда их прервал вдруг тихим словом Бог Чистого Разума.

– Боги! – сказал он. – Ни мне вас судить! Ибо я – самый младший и слабый из вас. И что бы я вам ни сказал, вы меня не слушаете.

– Но если ты нас не рассудишь, – вскричали испуганно Боги, – мы, рано или поздно, уничтожим друг друга – и вместе с нами погибнет весь мир! Ты обязан выбрать из нас главного, кого будут слушаться остальные!

– Нет! – сказал Бог Чистого Разума, – Я один из вас. Бог не может справедливо судить Богов!

– А кто же тогда сможет? – удивились Боги.

– Человек! – сказал Бог Чистого Разума, – Тот, кого вы создадите все вместе. Тот, кто будет нести в себе частицы всех вас.

– Человек? Но – кто это? И как его создать? – еще больше удивились Боги. – Все твари, которых мы создавали до этого случайно, были такими уродливыми и глупыми!

– Они и были такими, потому что появились на свет как случайные порождения вашей безумной вражды. Но если ты, Бог Земли, отдашь ему добровольно горсточку своей животворящей плоти, а ты, Бог Неба, часть своей вечной души, если Бог Воды слепит их воедино, если Бог Солнца наполнит его жаром жизни, а Бог Тьмы – страхом смерти!.. Разве не было бы это существо совершенно в своей благодарности всем создавшим его Богам? Разве в нем не примирилось бы ваше враждебное могущество?..

– А что дашь ему ты? – спросили настороженно Боги.

– Я отдам Человеку всего себя, – сказал Бог Чистого Разума, – Я поселюсь в нем. Ведь только увидев ваш мир его глазами, я смогу справедливо судить о мире. Ибо сейчас я живу – отгородившись от всего на свете, на своей Горе. И могу ли я судить о том, чего не знаю и чего не чувствую?

– Ты – Бог! – готов умереть в человеке?! В смертной твари?! – изумились Боги.

– Я не умру в нем, пока вы его не убьете. И если вы не хотите смерти одного из вас, если желаете когда-нибудь услышать справедливый ответ на ваш вопрос, вы должны быть милосердны к нему. А милосердием для него может быть лишь ваше примирение!..

Чочо замолчал. А потом пошел по кругу, прикладывая раскрытую ладонь к каждому камню. А в конце присел у круглого камня и припал к нему лбом.

Я неподвижно наблюдал за ним. Что-то было во всей этой церемонии столь непосредственное и искреннее, что я даже улыбнулся умиленно. Мне и самому захотелось на секунду приложиться к этой круглой булыге, испещренной почти истершимися рисунками, похожими на пиктограммы. Но я смалодушничал, постеснялся.

Я сделал десятка два снимков. Сфотографировал Камни с разных ракурсов, окрестные виды с вершины, снял хмурого Чочо, а потом дал камеру ему, чтобы он меня тоже запечатлел...

И представьте мое удивление, когда, по приезде домой, я обнаружил, что в кадрах, снятых мной на Красной Горе, нет ничего... кроме тумана! Ничего! Сплошное дымчатое молоко! Ни одного камушка! Ни одной травинки!.. Это было необъяснимо!..

Когда мы уже спускались, я спросил Чочо:

– Чочо, то что вы пропустили меня вперед, когда мы поднимались, это как-то связано с легендой?

Чочо довольно ухмыльнулся:

– А как же! Я хотел, чтобы вы почувствовали Духа Горы. Это ведь он вас вел. Надо всегда слушать себя, мистер. Ведь в нас живет Бог!

– И не один, как я понял, – добавил я.

– В том-то и дело! Они ведь до сих пор спорят...

11

– Бобби, вы что – заснули? – донесся до меня чей-то масляный голос.

Я разлепил глаза и увидел улыбающегося Харифа, просунувшего голову в окно автомобиля.

– Что же вы так? Говорили, что поедете в отель, а сами...

– Ничего я вам не говорил! – огрызнулся я спросонья. – И незачем было сюда приезжать – вас никто не звал!

– Так что вы задумали? – спросил Хариф, подозрительно улыбаясь, когда я вышел из машины.

– Просто решил проехаться до отеля другой дорогой, – ответил я несколько смущенно.

– Просто? Так ведь шофер и вез вас в отель. Он говорит, что вы потребовали свернуть с дороги?

Шофер стоял чуть в отдалении, демонстративно отвернувшись.

– Ну и что? Мне захотелось посмотреть, куда ведет эта чертова дорога.

– Мистер Ганн, – сказал Хариф, сделав строгое лицо, – вы не можете ехать, куда вам заблагорассудится. Вы забыли, что у нас военное положение? Мы обязаны обеспечивать вашу безопасность!

– Что вы меня опять пугаете, Хариф! – завелся я с пол-оборота. – Не вы ли мне говорили, что фронт находится далеко?

– Правильно, – невозмутимо согласился Хариф. – Но вас должно сопровождать официальное лицо за пределами города. Таков порядок, поймите! Это делается для вашего же удобства.

– Какие же у вас дурацкие порядки! Я нигде, ни в одной стране с подобными ограничениями не встречался!

– Порядки обычные. У нас нет никаких ограничений на передвижения частных лиц. Но существуют определенные процедуры. И не надо нервничать. Теперь, когда я снова с вами, мы можем ехать, куда вашей душе угодно. Так куда вы хотите?

Мне уже никуда не хотелось, но приходилось быть последовательным.

– Я уже сказал вам. Просто проедем по этой дороге и посмотрим что там.

– Нет проблем, – пожал плечами Хариф. – Только, Бобби, не затруднит ли вас пересечь в мою машину? Я должен отпустить шофера – у него срочное дело.

Я с сомнением посмотрел на потрепанный «Ауди», в который приглашал меня Хариф, но решил не спорить.

– Я не отвлек вас от важных дел? – спросил я толстяка, когда он забрался в машину. – Вы так и будете теперь всюду мотаться со мной?

– Ничего страшного. Мои собственные дела подождут, – отмахнулся он и завел машину. Машина нервно дернулась и, свернув с главной дороги, натужно загудела на подъеме.

– Так куда ведет эта дорога? Почему шофер отказался меня везти? Там что – какой-то стратегический объект? – продолжал я попытки разозлить Харифа.

– Дорога ведет в один из жилых поселков, – невозмутимо ответил он. – Вы ведь хотели посмотреть, как живут обычные гюлистанцы? Вот сейчас и посмотрите.

– Да? Это интересно! И кто там живет? Уж, наверное, не «красные» с «оранжевыми», как я догадываюсь?

– Вы правильно догадываетесь, Бобби. Это один из поселков «голубых».

– Понятно – трущобы! – фыркнул я.

– Обычный поселок, – все так же спокойно ответил гид. – Да вот. Мы уже почти приехали. Можете сами полюбоваться на гюлистанские «трущобы».

Мы въехали на пригорок, и я увидел впереди белые корпуса домов – обычные аккуратно поставленные в ряд многоэтажные здания.

– Заедем или посмотрите отсюда? – спросил Хариф, остановив машину.

– Раз уж приехали... – разочарованно выдавил я.

Мы объехали весь поселок за какие-то десять минут. Ничего интересного. Однотипные многоквартирные дома. Очень даже чистенькие. Много деревьев на широких улицах – пышных в своей молодой неостриженной зелени, в отличие от алибадских. А в центре поселка раскинулась небольшая нарядная площадь, где мы как раз и припарковались. Как и следовало ожидать, над площадью парил вознесенный на высоком гранитном постаменте бюст Вождя, перед которым скромно журчали струйки фонтана в окружении пунцово цветущих розовых кустов.

– А это что за здания? – спросил я у Харифа, указав на несколько зданий вокруг площади явно отличной архитектуры.

– Вон то здание, – указал мой гид на самое симпатичное из них, под золотистым куполом, – филиал Музея Вождя.

– Как это я сразу не догадался, – вставил я.

– Рядом – здание местной администрации, – продолжил спокойно Хариф. – Далее идут Дворец Sports и Дом Культуры. Неплохо для «трущобы», как вы считаете?

– А где школы, больница? – продолжал сомневаться я. – Где, наконец, магазины?

– Школ в поселке нет. Все дети у нас, я вам не успел об этом рассказать, живут и учатся в специальных Городах Знаний.

– Как это? С первого класса?

– Да. А в школу у нас идут с пяти лет. А потом, в зависимости от желания родителей и способностей детей, они могут продолжить обучение или в профессиональных профильных учебных заведениях, вроде ваших лицеев, или же в университетах.

– Это что же – школы-интернаты?

– Именно. Детей отпускают домой только на праздничные дни – это несколько дней в году. А каникулы они проводят в спортивно-оздоровительных лагерях.

– Вы хотите сказать, что с пяти лет гюлистанские дети почти не видятся с родителями? – удивился я. – А кто же их воспитывает?!

– Их воспитывают профессиональные педагоги. Разве это не лучше? И за детьми постоянный надлежащий контроль, и родители не обременены многочисленными хлопотами. За все платит государство!

– Но как это? А если я не хочу? А если я желаю, чтобы мой ребенок рос со мной рядом? Для чего же тогда рожать детей, если государство забирает их чуть не с пеленок?! Это мой ребенок, черт побери! – возмутился я.

– Бобби, а у вас есть дети? – подчеркнуто вежливо спросил Хариф.

– Нет. Нет у меня детей! Но какое это имеет значение?

– Никакого, – удовлетворенно ответил Хариф, – Мистер Ганн, государство должно заботиться, прежде всего, о ребенке, а не о его родителях. О том, чтобы каждый ребенок вырос здоровым и образованным. Родительский эгоизм не может быть важнее для государства, чем интересы самого государства, важнейшей функцией которого является воспитание полноценных граждан!

– Это уже какой-то тоталитаризм в квадрате! – упрямо бросил я.

– Никакого тоталитаризма. Большинство родителей сами с удовольствием отдают детей в государственные школы, понимая, что так лучше для детей. Это и есть настоящая родительская любовь. Ну, а кто не хочет...

– И что? Что – если я не хочу?

– Если вы не хотите, можете отдать ребенка в частную школу.

– У вас есть частные школы?!

– Есть. Они платные. Причем – вполне доступные по ценам. Но, по нашим правилам, ребенок, закончивший частную школу, не может быть зачислен в бесплатные государственные высшие учебные заведения – и будет вынужден, таким образом, продолжить обучение в частном университете. И скажу вам со всей ответственностью, мистер Ганн, в частных школах и университетах уровень образования намного ниже. Соответственно – и работу с дипломом частного университета вашему ребенку будет найти труднее.

– Понятно, – усмехнулся я. – Не мывьем, так катанием... Ладно, а где больница? Или вы скажите, что все гюлистанцы такие здоровые, что им и врачи не нужны?

– Больницы в этом поселке пока нет. Но должны построить. Есть поликлиника. Поэтому жители при острой необходимости ездят в соседний поселок – это недалеко. Вас еще интересовали магазины. Так вот, практически все гюлистанцы приписаны к определенным супермаркетам, которые расположены в Алибаде. Несколько раз в месяц семьи делают заказы, и товары привозят к ним прямо домой специальные службы. Ну, а если кому-то необходима какая-то мелочь, он всегда может отовариться в любом магазине в городе. Из поселка каждые полчаса выезжает автобус в Алибад.

– Странно, – удивился я. – Но почему нельзя открыть небольшой магазинчик прямо в поселке?

– А зачем? Все равно этот магазинчик не сможет конкурировать с большими супермаркетами, которые делают своим постоянным клиентам значительные скидки – на уровне оптовых цен. В общем, в этом поселке почти и нет никаких частных заведений торговли или фирм по услугам. У нас все давно уже организовано в лучшем виде крупнейшими компаниями.

– Ясно – монополизм! Всех мелких собственников ваши акулы бизнеса давно съели. А то и запретили по закону.

– Не утрируйте, пожалуйста. У нас все также, как и в других странах со свободным рынком – выживает сильнейший.

– В таком случае, этот ваш рынок – слишком «свободный». В нормальных странах такая степень монополизации просто невозможна – там есть действенные законы против монополистов.

– Бобби, монополизм – не самое большое зло, поверьте. Монополии создают стабильный рынок товаров, стабильные рабочие места и стабильные цены. А что еще надо человеку?

– Человеку нужен выбор, Хариф! Неужели не понятно? А если ваш монополист завтра решит, что я должен есть сосиски только одного вида? Что тогда делать мне – покупателю? Давиться всю жизнь этими сосисками?!

– воскликнул я в отчаянном возмущении.

– Никто вас не заставляет есть сосиски, – ухмыльнулся Хариф моему жалкому аргументу. – Можете купить самую дорогую колбасу в самом престижном магазине. Есть еще вопросы?

– Нет! Я все понял! – ответил я зло.

– Тогда поедем?

На этот глупый вопрос я не считал нужным ответить – и довольный моим молчанием Хариф завел свой драндулет.

12

Большую часть дороги до отеля мы так и промолчали.

Я чувствовал себя обиженным, сам не знаю – чем. И эта смутная обида непонятным образом обратилась против моего гида. словно это он был виноват в моем глухом раздражении, неотвязно зудящем в душе блошиной чесоткой.

Хариф тоже не выказывал желания говорить. Он сосредоточенно крутил баранку, но было заметно, что мысли его заняты чем-то своим, сугубо личным, никак не связанным ни со мной, ни с моей на него глупой обидой.

Я вдруг подумал, что у этого толстяка, с которым меня так тесно связала в последние два дня судьба, есть своя, скрытая от всех жизнь – целый мир мыслей и переживаний, в который мне никогда не пробиться.

Кто он – мой молчаливый шофер? Есть ли у него семья, дети, родители? Есть ли у него друзья? Или у него есть собака или кот, которые поджидают его каждый вечер дома в надежде на лакомый кусочек и небрежную ласку? О чем мечтает этот человек? Чего боится? Что для него важнее всего в жизни? Быть может, этот толстяк, такой с виду простой и даже глуповатый, в глубине души человек ранимый, не лишенный чистых романтических чувств? Быть может, он даже пишет стихи, или играет на флейте лунными ночами, запершись от мира в своем маленьком загородном домике?..

«Нет, это смешно! – усмехнулся я своим мыслям, критически разглядывая заметную проплешину на макушке мужчины, его толстую короткую шею, неприлично заросшую черными кучеряшками, и воротник рубахи не первой свежести. – Он – обычный человек. Такие не играют по ночам на флейтах. Такие как он плотно едят перед сном, а потом храпят до самого утра, пока их не разбудит безжалостный будильник, призывая к ненавистной работе. Скорее всего, у него и женошка есть под стать ему – такая же толстая и неопрятная – и не меньше трех сопливых детишек. Возможно, он и не глуп, и даже не лишен некоторой романтичности, но он явно трус! В этой стране невозможно не быть трусом. Ибо, если верить его собственным рас-

скажам, все в этой стране построено на унижении и насилии. И как в таких условиях сохранить благородство чувств и дерзость мыслей, спрашивается?..

Бедный, бедный Хариф!»

Как раз в этот самый миг, словно почувствовав мой сверлящий взгляд на своем затылке, Хариф беспокойно заерзал и полез свободной рукой в карман пиджака.

– Вы разрешите? – спросил он, не оборачиваясь, и вяло помахал в воздухе пачкой сигарет.

– Могли бы и не спрашивать, – отозвался я. – Вы в своей машине.

– Да, но вы гость. А у нас говорят: гость в доме – хозяин.

– Это шутка?

– Это пословица, – добродушно ответил он, словно не поняв намека. – Я все же закурю с вашего позволения.

Сделав пару глубоких затяжек, Хариф снова заговорил. Гораздо бодрее, как мне показалось.

– Бобби, вас все еще интересует место на шоу?

– Разумеется. Я ради этого и приехал.

– Вот и отлично. Я договорился. Есть несколько вариантов.

– Когда это вы успели?

– Успел. С какой суммой вы готовы расстаться, чтобы я знал, что вам предложить?

– Хариф! Я не собираюсь торговаться, – гордо ответил я. – Просто назовите цену!

– Даже так? Ну, вот вам тогда цена лучшего номера на 24 часа: 6 000 амеро.

– Вы с ума сошли?! – возмутился я. – Кто я, по-вашему: идиот, или арабский шейх?

– Вы – человек, имеющий виллу в окрестностях Цюриха. Разве нет? – игриво парировал Хариф. – Но если это для вас дорого...

– Вы точно считаете меня идиотом, если надеетесь всучить номер за шесть тысяч, который я мог купить заранее и гораздо дешевле! – отчеканил я приговор этому болвану.

– Мистер Ганн, я не считаю вас идиотом, – сменил тон Хариф. – И я не собираюсь вам ничего «всучать», как вы изволили выразиться. Речь идет о номерах для особо важных персон в одной из самых престижных гостиниц города. В этих номерах останавливаются высшие официальные лица иностранных государств, всякие знаменитости. И шейхи в том числе, о которых вы так пренебрежительно высказались. И стоимость проживания в этих номерах – от восьми тысяч за сутки! Это – в обычное время, заметьте! А в предпраздничные дни цена может подняться и выше!

– Нет, Хариф! Я не собираюсь переплачивать из пустого тщеславия топтать шелковые ковры в номере, где до меня, возможно, обитал какой-нибудь шейх со своим гаремом или кастрированный маньяк наркобарон. Все что мне нужно – это обычный номер с просторной лоджией и хорошим обзором, столик с напитками и, если возможно, монитор, чтобы я мог следить за шоу еще и он-лайн.

– Вы совершенно правы, Бобби! – сразу согласился Хариф. – Я просто счел необходимым проинформировать вас, что есть и такие номера – чтобы вы меня потом не упрекали, если что. Но гораздо разумнее, конечно, выбрать номер скромнее. Если, конечно, вас интересует исключительно шоу.

– А что еще меня может интересовать, по-вашему?

– Ну, мало ли, – неопределенно пробормотал он. – У людей разные вкусы. И возможности – неодинаковы. В общем, есть отличный номер. Как раз то, что вы хотите. И цена подходящая – всего две двести. И заметьте, Бобби, номер этот расположен в той же шикарной гостинице, что и предыдущий, но лишь на тридцать этажей ниже!

– И какой это получается этаж? – засомневался я.

– Тридцать второй.

– Не низковато?

– В самый раз, я вас уверяю! Уж я-то насмотрелся на шоу с разных этажей. Тридцать второй – оптимальная точка для просмотра.

– Правда? Что ж тогда этот номер стоит почти в три раза дешевле?

– Вообще-то он стоит четыре тысячи. Но я подключил свои связи, чуть побегал... Бобби, есть такие люди, которые чувствуют себя уверенно, лишь вскарабкавшись выше остальных. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. И они готовы за это платить втридорога, не понимая, что платят за иллюзию. Но вы ведь не из таких людей, верно? Зачем вам пентхаус, откуда и разглядеть ничего толком нельзя?

– Вы правильно меня поняли, Хариф, – соизволил я его похвалить. – Дело не в деньгах, а в том, чтобы получить за них максимум удовольствия.

– Вот и славно! – быстро вставил гид. – Так мне заказать номер, или вы хотите его прежде осмотреть?

– Заказывайте!.. Хотя... А сколько стоит простой билет на трибуне? Хариф на миг обернулся – и машина предательски вильнула.

– Мистер Ганн, вы хотите смотреть шоу с трибуны?!

– Я просто поинтересовался.

– Мистер Ганн, на трибунах сидит простой люд: «зеленые», «голубые», а бывает даже и кое-кто из «синих» проскользнет. Встречаются, правда, и иностранцы. Ну, там бедные студентки или всякие чудачки. Но ведь вы – солидный человек!

– Успокойтесь, Хариф! Я не собираюсь смотреть шоу с трибуны – не люблю тесных сборищ. Но я хочу знать. Из чистого любопытства.

– Вот и славно! Вы меня успокоили. Терпеть не могу – сидеть на трибуне.

– А вы что – собираетесь идти со мной? – нарочито удивился я.

– Разумеется. Кто же вам будет все объяснять, показывать...

– Шпионить, – не сдержался я.

– Вот уж не думал, что вы скажете что-то подобное!

В этот момент мы как раз подъехали к гостинице и Хариф начал аккуратно заруливать во двор. Он первым вышел из автомобиля и услужливо распахнул передо мной дверцу.

– Мистер Ганн, вы разрешите зайти на минутку к вам в номер?

– Я устал, – коротко бросил я и пошел к дверям отеля.

– Всего два слова!

– Если бы вы знали, как мне надоели, Хариф!

– Это моя работа, – ответил он невпопад и шумно кашлянул с досады.

13

Очувтившись в своем «персидском» номере, я почувствовал себя значительно увереннее. А когда, слегка ополоснувшись под душем, облачился в роскошный гостиничный халат, сразу взбодрился и даже повеселел.

Мне определенно нравился этот халат. Я, можно сказать, влюбился в него. Легкий, почти невесомый, он обнимал мое грешное тело своей шелковой плотью нежнее, чем девственная перья праведника в Раю. И я уже заранее решил для себя, что непременно стащу его в качестве сувенира, когда придет время покинуть этот гребаный Гюлистан, куда меня занесла нелегкая.

Впрочем, успокаивал я себя, плескаясь под душем и постепенно настраиваясь на благодушный лад, не все так плохо. Номер у меня отличный. Еда в этой стране вполне съедобная. Погода просто превосходная. Да и сам Алиабад не так уж и плох: есть что посмотреть, и есть, наверное, где оттянуться. Надо только непременно отделаться от этого несносного Харифа.

Ходит за мной повсюду как привидение и нашептывает всякие ужасы. И зачем я его только впустил в номер?

А Хариф тем временем терпеливо скучал в гостиной, успев выдуть бутылку минералки и выкурить не менее двух сигарет. Пару раз, когда я проходил из ванной в спальную комнату и обратно, он, было, привставал мне навстречу, надеясь, что я уже закончил прихорашиваться. Но я намеренно тянул время. Мне хотелось позлить этого прилипчивого толстяка, чтобы он знал свое место. Но я тогда еще и не подозревал, насколько героическим терпением обладают гюлистанцы. Так что, когда мне все же, устав от бесполезной возни, пришлось выйти, я чувствовал себя сломленным его упрямством и сам испытывал досадливую злость.

– Вы еще здесь? – спросил я бесцеремонно, недвусмысленно намекая на нежелательность его присутствия.

Хариф в ответ лишь робко развел руками, что означало его некоторое непонимание моего несколько неуместного вопроса.

– Опять надымили своими сигаретами! – еще резче бросил я и прошел к окну, чтобы открыть фрамугу. – Что вы, кстати, курите такое зловонное?

– «Честерфилд», – ответил он виновато. – Я всегда курю «Честерфилд». Пристрастился к ним еще в Англии.

– Это не «Честерфилд», а черт знает что! – бросил я презрительно и упал в кресло. – Наверняка – подделка ваших гюлистанских табачных мафиози!

– Вы правы, – смиренно согласился Хариф. – Эти сигареты производят в Гюлистане. Но пахнут они почти как настоящие. Если бы вы знали, сколько воспоминаний связано у меня с ароматом этих сигарет!

– Это мне совершенно неинтересно! – жестко прервал я его ностальгические ассоциации. – Но если эти воспоминания вам так дороги, могли бы раскошелиться на оригинал!

– Я не могу себе этого позволить, – просто ответил Хариф.

– Слишком бедны? Или статус «зеленого» не позволяет? – спросил я с уже нескрываемой издевкой.

– Статус в данном случае совершенно ни при чем. И я не так уж и беден. Просто совершенно сознательно ограничиваю себя в удовольствиях. Мне необходимо скопить определенную сумму.

– У вас долги?

– В некотором смысле. Но это не та тема, о которой мне хотелось бы говорить с вами.

– И напрасно. Я бы с интересом послушал. А вот вести с вами беседы о Пирамиде и прочей чертовщине – категорически не желаю. Надоело!

– Да я и не собираюсь, мистер Ганн! – сделал круглые глаза Хариф. – Я всего лишь хотел уточнить насчет номера. Мы ведь не договорили.

– Всего лишь?

– Именно! Так заказывать мне номер или нет?

– Две двести?

– А меро.

– А дешевле?

– Дешевле никак не получится. Во всяком случае, не в этой гостинице.

– Ладно, я согласен. Вам прямо сейчас нужны деньги?

– Нет, это подождет. Но я должен быть уверен...

– Хариф! Вы спросили – я ответил! Если у вас нет других вопросов...

И я нетерпеливо поднялся с кресла.

Харифу тоже пришлось встать под моим выжидательным взглядом. Но, встав, он так и застыл на месте, робко заглядывая мне в глаза и смущенно потирая руки.

– Ну, что? Говорите уже! – не выдержал я его умоляющего взгляда.

– Мистер Ганн, я, наверное, еще буду вам сегодня нужен? – решил спросить он.

– Вы? С какой стати?

– Но ведь вы собирались вечером прогуляться? Или передумали?

Честно говоря, никаких готовых идей по поводу вечера у меня пока не было. Но предположение Харифа меня заинтересовало. Я сразу вспомнил его рассказ о предпраздничных вечерних гуляниях в Алиабаде. Да и просто проехаться по освещенному ночными огнями городу представлялось мне весьма любопытным. Наверняка этот город, так поразивший мое воображение с первого взгляда, выглядит ночью не менее фантастически.

Но на кой черт мне нужен Хариф?

Я так и сказал ему:

– Спасибо, что напомнили, Хариф. Но я как-нибудь обойдусь без вашей помощи. Давайте немного отдохнем друг от друга, вы не возражаете?

– Но как же?..

– А вот так! Город я уже немного знаю. Машину, надеюсь, отель предоставит. Так что ступайте, дорогой мой друг, домой, к жене, отдохайте. А завтра обязательно встретимся.

И я начал понемногу наступать на беднягу, а ему ничего не оставалось, как только косо-боко пятиться к двери.

Уже взявшись за ручку, он не удержался спросить:

– А куда вы все же собираетесь, если не секрет?

– В бордель! Вас устраивает? – бросил я неосторожно.

– В бордель?! – вскричал он в ужасе. – Но это невозможно!

– Это почему?

– Потому что у нас нет борделей!

– Как это – нет? – неприятно изумился я. – Но ведь Джоанна говорила... Да я и сам читал...

– Мало ли что говорила Джоанна! И мало ли какие гнусности пишут о нашей стране наши враги! У нас нет борделей! – тоном оскорбленной гордости заявил Хариф.

– То есть вы хотите сказать, что у вас нет проституции? – решил я уточнить.

– Именно!

– Но этого не может быть! – решительно заявил я. – Даже в Ватикане можно найти монашку, согласную за определенную цену подставить зад! Что вы мне голову морочите?

– Я говорю правду! У нас нет платных женщин!

– Врете вы все! Вот же! Я вспомнил! У вас даже в аэропорту есть бордель! Об этом говорила ваша гюлистанская стюардесса!

– Она не могла такого сказать!

– Нет, она сказала именно так!

– Вы ее неправильно поняли, мистер Ганн!

– А как же я должен был ее понять? Она совершенно определенно сказала!..

– Мистер Ганн! – прервал меня Хариф. – Это – недоразумение! Эта дура, очевидно, имела в виду Дом Свиданий.

– Дом Свиданий?

– Вот именно! Это нечто вроде специализированного отельчика для встреч влюбленных парочек.

– Влюбленных?

– Ну, да. То есть, если вам понравилась какая-то девушка, и вы хотите с ней уединиться, вы должны пригласить ее подняться в один из номеров Дома Свиданий.

– Должен? А если я не хочу идти в этот самый «дом»? Кто мне может запретить привести девушку в свой отель? Или, к примеру, зайти в гости к ней?

– Никто вам не запретит. Но девушка, если она гюлистанка, не согласится с вами ехать никуда, кроме как в Дом Свиданий. Таков порядок!

– Понятно! И здесь какие-то идиотские запреты! Но скажите мне в тогда, чем, в таком случае, ваши Дома Свиданий отличаются от обычных Домов Терпимости?

– Тем и отличается, что это не Дом Терпимости, а всего лишь отель для встреч. На первом этаже отеля имеется бар. Вот там и собираются девушки, желающие завести знакомство с мужчинами. Заметьте, Бобби, они приходят туда добровольно! Они не живут в номерах на положении сексуальных рабынь под присмотром сутенеров! И самое главное! Самое главное – эти милые девушки не берут со своих дружков денег!

– Не верю! – вскричал я сакраментальную фразу голосом старины Станиславского. – Не верю я вашим басням, драгоценный мой друг! Такое просто невозможно!

– Вы про что?

– Про альтруистские наклонности ваших туземных проституток!

– Мистер Ганн! Я ведь уже сказал вам – в Гюлистане нет проституток! Или вам доставляет удовольствие унижать такими словами моих соотечественниц? – напыжился Хариф.

– Да бросьте вы нести чушь! – возмутился я. – Мы с вами мужчины, Хариф. Так вот признайтесь мне как мужчина мужчине, что эти девушки, если они не берут с клиентов денег, всего лишь выполняют штатную работу по обслуживанию туристов! Разве не так? Какая у них зарплата: оклад, или они работают сдельно?

Хариф густо покраснел и даже замолк от возмущения.

Пока он мысленно подбирал слова для своей отповеди, я обнаружил, что мы вновь стоим посередине номера – как два надувшихся бойцовых петуха на базарной площади. Со стороны, наверное, это выглядело комично. Особенно – учитывая содержание нашего спора. Но мне было не до смеха – этот врунишка разозлил меня не на шутку своими идиотскими утверждениями.

– Ладно, – обмяк вдруг Хариф. – Я не собираюсь вам ничего доказывать. Все равно вы через пару часов сами убедитесь в моей правоте. Если, конечно, пойдете в этот самый «бордель».

– А вот и пойду! – продолжал я хорохориться, не желая принимать столь быстрого поражения соперника. – Теперь – обязательно пойду! Или вы надеетесь, что я упущу столь уникальную возможность задарма позабавиться с местной девчонкой?

– Забавляйтесь на здоровье, – усмехнулся Хариф и нахально прошел к диванчику, на который решительно уселся. – Только совсем бесплатно – не получится. Придется заплатить за номер.

– И сколько? – спросил я вызывающе.

– Это – смотря, в какой Дом Свиданий пойдете. И какой номер выберете.

– Так-так! Я, кажется, начинаю понимать!

– А что тут непонятного, Бобби? Я ведь от вас ничего и не скрываю. Это вы от меня что-то скрываете. Строите какие-то планы, выдумываете всякие ходы. А нет бы – спросить. Честно и открыто. Я бы сам вам все и объяснил.

– Вы? Честно? – рассмеялся я, почувствовав вдруг, как с меня спало недавнее напряжение. – Таких хитрецов как вы, я еще в жизни не встречал! А уж я навидался всяких типов в своей жизни. Так что можете принять это за комплимент, если желаете.

– Почему нет? – улыбнулся в ответ Хариф. – Из ваших уст даже такой сомнительный комплимент звучит лестно.

– Ну, вы и тип! – совершенно искренно восхитился я. – Хотите выпить?

– Не откажусь, – бодро ответил он.

Я отошел к бару и налил нам по стопке ирландского виски. Хариф чуть поморщился моему выбору, но стопку принял. Я тоже решил присесть и направился к креслу.

– Так что там цены? – спросил я, дав нам пару минут на удовольствие.

– Цены, как я уже сказал, различные. Все зависит от ранга заведения и уровня предоставляемых услуг.

– А конкретнее?

– Если конкретно, то для иностранцев в Гюлистане доступны только два типа Домов Свиданий: «синий» и «голубой».

– И почему я не удивляюсь этой «цветной» градации? – добродушно усмехнулся я. – Но правильно ли я понял, что существуют еще и недоступные для иностранцев заведения подобного рода?

– Зачем вам это знать, мистер Ганн? – чуть нахмурился Хариф. – Вы вечно задаете провокационные вопросы. Вам нужна девушка для развлечений? В Гюлистане их полно. Выбирайте на свой вкус – и радуйтесь жизни. А насчет цен. Так вот, в «синих» домах цены за номер от ста до трехсот амеро – в зависимости от удобств и дополнительных услуг. А в «голубых» – от трехсот до пятисот.

– Пять сотен амеро за ночь с девчонкой?! – изумился я. – Не слишком ли дорого стоят ваши гюлистанки?

– Мистер Ганн, неужели я так плохо говорю по-английски, что вы меня не понимаете? Я называю вам цены номеров. А девчонку в выбранный вами номер вы можете взять любую. И даже нескольких. Если, разумеется, между вами возникнет взаимная симпатия.

– Хариф! – снова загорячился я. – Вы ведь не считаете меня слюнявым дебилом? Вот этот шикарный номер, как вы знаете, обходится мне в сто шестьдесят амеро в сутки. Как же может быть, чтобы номер, который снимаешь на пару часов в каком-то притоне, будет стоить пятьсот амеро?!

– Ну, – смущенно промямли Хариф, – во-первых, ваш номер далеко не самый шикарный...

– А во-вторых?

– А во-вторых... Вы должны понимать, Бобби, что специфика оказывания столь щепетильных услуг...

– Да все я отлично понимаю! Просто подтвердите мою догадку: если эти девушки не берут деньги с клиентов, то наверняка имеют какие-то комиссионные с этого отельного бизнеса?

– Нет! – неопределенно, но решительно возразил Хариф.

– Ну, все! – вскочил я на ноги. – Если вы такой упрямый... Я хочу остаться один! Имею я на это право в собственном номере?

– Бобби, я совершенно не понимаю – за что вы на меня вечно злитесь?

– Я просто прошу вас уйти и дать мне возможность отдохнуть!

– Разумеется... конечно, – забормотал испуганно гид, – Раз вы настаиваете... Я не собираюсь навязывать вам свое общество. Отдыхайте.

14

В ресторан в этот раз я решил спуститься чуть раньше – к восьми часам. Но перед этим у меня были некоторые сомнения: стоит ли вообще идти? Или, если я все же решу выбраться в город, не перекусить ли там?

Поход в бордель или, как тут его называли, Дом Свиданий, меня не очень-то и вдохновлял. Чего я не видел в борделе? Вернее, чего еще я не видел в борделях, которых в моей отнюдь не пуританской молодости было предостаточно?

Я мечтал о настоящей охоте на экзотическую дичь, рисовал яркими красками в своих фантазиях чувственные сценки игривых преследований, хитроумных обольщений и, в финале, в качестве заслуженного трофея, бурный оргический триумф. А бордель – что в нем роман-

тичного, что могло бы распалить мое увядающее вождение? Это тот же сексуальный фаст-фуд, куда забегают заморить червячка озабоченные неудачники.

А уж непомерные цены за столь сомнительное удовольствие отбивают последнюю охоту посетить заведение даже из праздного любопытства. Пятьсот амеро за ночь с путаной – где это видано?! С какой-то простолюдинкой из «голубых»! Сколько же тогда стоит любовь местной «аристократки»? Да и возможно ли вообще непринужденное знакомство иностранца с местной девушкой из «приличной семьи»?..

В таких вот раздраженно-хмурых чувствах и с такими скептическими мыслями я и спустился вниз.

И как-то само собой получилось, что свернул к боковому выходу, ведущему во внутренний дворик отеля. И еще в холле, в момент принятия спонтанного решения, тусклой искоркой где-то в подкорке мелькнула мысль, что попить кофейку и хлебнуть немного виски – самое подходящее дело в моем нынешнем смятенном состоянии.

Было еще довольно светло, но освещение уже включили. С десятка три гостиничных жильцов уютно расположились за скромно сервированными столами. Я огляделся и, не найдя свободного столика, направился к бару, пристроился с краешка и заказал для начала рюмочку «джокера». Выщедил в три глотка. Снова тоскливо огляделся, пробежавшись ищущим взглядом по лицам жующей и выпивающей публики, но не обнаружил ничего утешительного. Кажется, я был единственным в этой разношерстной компании, кто не знал чем себя занять. Все остальные выглядели бодрыми и вполне довольными текущим моментом. Все остальные сидели парочками или небольшими компаниями, мирно беседовали, о чем-то заинтересованно спорили или перекидывались шуточками. И никому не было до меня дела. Кроме бармена, который не сводил с меня косога взгляда в ожидании нового заказа, но не решался просто долить в рюмку, за что я был бы ему благодарен.

«Что ж, пойду в ресторан! – решил я про себя сердито. – Там хоть посидеть можно».

Пересекая просторный холл, я мельком заметил у зашторенного изумрудным тюлем окна миниатюрную даму в ярко-желтом костюмчике и склонившегося над ней грозным истуканом администратора. Они о чем-то оживленно перешептывались.

– Но что же мне теперь делать? – донесся до меня милый голосок, в котором сквозило неприкрытое отчаяние. – Неужели вы не можете мне помочь?!

Меня словно слегка огрели по голове клюшкой для гольфа.

«Это – она! – вспыхнула догадкой радостная мысль, – Та самая «итальянка» из казино!»

Не раздумывая, я развернулся и, расправив плечи, ринулся на зов судьбы. Разве джентльмен может медлить, если дама взывает о помощи?

– Извините, – улыбнулся я, изображая легкое смущение, – но я невольно подслушал. Могу я чем-то помочь?

– Разве мы знакомы? – чуть нахмурилась женщина, пристально заглянув мне в глаза.

– Нет. Но это легко исправить. Роберт Ганн. К вашим услугам! – и я, чуть ли не прищелкнув каблуками в ответ на ее смущенный взгляд, тут же с грозной решимостью оборотился к администратору.

– У мадам небольшие проблемы, – забормотал он виновато, отступив на шаг и сделавшись как-то сразу меньше ростом. – Но мы постараемся их решить.

– Вот как? Значит, вы все же соизволите позвонить в аэропорт и навести справки? – нервно воскликнула женщина.

– Я сделаю это сейчас же, мадам! – заверил здоровяк с синей «бабочкой» и, отступив еще на пару шагов в почтительном полупоклоне, развернулся и широко зашагал к офисной конторке.

– Что все-таки произошло, мадам? – спросил я, любуясь ее тонким профилем.
– Ничего. Пустяки, – холодно ответила она, продолжая нетерпеливо следить за действиями администратора, который уже возился с телефоном.

– И все же. Я был бы рад помочь.

– Спасибо. Вы мне уже помогли.

– Что-то с вашим другом? – осторожно предположил я.

Она снова пристально глянула на меня и отвернулась, упрямо поджав губы.

Что ж, иногда самое благоразумное – просто помолчать и подождать. Я так и сделал. Стоял, заложив руки за спину, и терпеливо ждал, чем все это закончится. И почему-то был абсолютно уверен, что все закончится очень даже хорошо. Для меня.

– Мне очень жаль, мадам! – сказал администратор, вернувшись. – Герр Дитрих двадцать минут назад вылетел из аэропорта Алиабада рейсом на Гамбург.

– Подлец! – с чувством прошипела «итальянка» и демонстративно отвернулась к окну. Полезла в маленькую красную сумочку, вытащила платок и артистично зашмыгала носиком.

«Идите! Идите!» – замахал я пальцами на администратора и сразу пристроился за спиной женщины, благородно намереваясь оградить ее горе от любопытных взоров.

Несколько минут я счел возможным молча созерцать ее стройную фигурку со спины, любовался золотистой нежной кожей тонкой шейки, изящно вылепленными ушками под высокой замысловатой прической шелковисто блестящих каштановых волос, выжидательно прислушивался к утихающим всхлипываниям, а потом участливо спросил:

– Этот Дитрих был вашим спутником, мадам?

Женщина в ответ лишь зябко передернула плечами.

– Что-то случилось?

– Ничего особенного, – глухо ответила она. – Если не считать того, что этот негодяй бросил меня.

– Бросил?

– Именно – бросил! Как бросают нежелательных котят, увозя их подальше от дома в какой-нибудь глухой парк.

– Но как это возможно?! – воскликнул я, изображая удивленное негодование.

– Ах, перестаньте! Обычное дело! – женщина резко повернулась. – Вы хотите сказать, что никогда не бросали женщин?

– Я?!.. Я бы никогда не позволил себе такого, уверяю вас!

– Все вы так говорите, – жалко усмехнулась она. – Хотя... Я вас совсем не знаю.

Она снова отвернула в сторону свою прелестную головку и тяжело вздохнула.

– Мне действительно хотелось бы вам как-то помочь, – сказал я вкрадчиво.

– Чем? Чем вы мне можете помочь? Да и не нужна мне ваша помощь. Просто все это ужасно несправедливо! И – пошло! Фи, как пошло!.. Извините, я пойду к себе.

– Но, разве вы не будете ужинать?! – выпалил я глупость, испугавшись, что она уйдет.

– Что? – удивилась она очень естественно. – Ужинать? Это поразительно! Неужели вы думаете?..

– Но почему бы вам и не поесть? – ухватился я за возможность. – Не собираетесь же вы морить себя голодом из-за этого... Дитриха?

– Нет, конечно! Еще чего! Но...

– Вот и отлично! Я как раз шел в ресторан. Не будет с моей стороны большой дерзостью пригласить вас разделить со мной скромный ужин и бутылочку шампанского?

– Даже не знаю, – робко улыбнулась женщина. – Предлагаете напиток?

– Обязательно! Назло этому глупому Дитриху! Как вы, кстати, относитесь к французской кухне?

- Положительно, – гораздо смелее улыбнулась она.
- Вот видите – наши вкусы совпадают! – многозначительно воскликнул я.

3

Райский Сад

Человек – как роман: до самой последней страницы не знаешь, чем кончится.

Замятин

1

Проснулся я в оглушительно звенящей тишине.

Звенело, а точнее тонко и пронзительно пищало в моем собственном черепке. Словно в нем поселился металлический комарик со своим клювом-дудочкой. Тела я при этом почти не чувствовал, как если бы его отвинтили за ночь от головы. Но голова, преодолевая несносный вибрирующий писк, все же работала. Сухо, бесстрастно и четко – как патентованные швейцарские часы. Я легко и в мельчайших подробностях вспомнил все – с того момента, когда, торжествуя и предвкушая, ввел свою скоропостижно обретенную подругу в зал ресторана, и до того мига, когда, сунув этой потаскухе несколько купюр, отправил досыпать в ее номер. Никаких провалов памяти. Никаких западаний клавиш, смазанных кадров и безвозвратно стертых файлов. Феномен – обратный обычному, когда я, бывало, вот так же безобразно напивался, поддавшись титаническому порыву вздыбить над собой этот гребаный голубой шарик и запустить им в ближайшую звезду, а после обнаруживался неизвестно где в виде расплзшейся в пространстве-времени дурно пахнущей бессознательной слизи.

Неожиданно перед глазами всплыл и высветился с преувеличенной иллюзорной яркостью наш «campfire» – заброшенный двухэтажный домик спасателей с круглой минаретовидной каланчой, вбитой бетонным колом в желтовато-бурую известняковую плиту над буйно заросшей тростником лагуной.

Это был едва ли не единственный участок пляжа от Лос-Анджелеса до Лонг-Бич, к которому дошли калифорнийские инвесторы не проявляли интереса – слишком много кровососущей твари водилось в местных тростниковых джунглях. По причине безхозности, место это неумолимо превратилось в стихийную свалку, куда тайно свозили всякую дрянь с ближайших курортных местечек и частных вилл бойкие обладатели грузовичков – «басурерос», как мы их презрительно называли.

Днем и ночью над пустынными окрестностями царила все та же оглушительно звенящая тишина. Даже брезгливое фыркание океанского прибора не заглушало гиблого звона. Лишь утробный хохот чаек да ошалелый вой одичавших собак, рыскающих по мусорным кучам, изредка пронзал эту плотоядную тишину зловещими нотами. Но как раз эта отверженная безлюдность и привлекала сюда бродяг со всего побережья, оседавших в местной «коммуне», словно жуки на навозной куче, кто на пару дней, кто на месяц, а кто на долгие тупые годы.

Травка, пиво, кокс, секс.

Безотказные девочки «санитарки» и навязчивые толстозадые мальчики губошлепы.

Длинноволосые бородатые парни с гитарами на широких ремнях и с кнопочными ножами в специально подшитых поясных карманах застиранных джинс.

Ежедневные шастанья пьяными компаниями по океанским пляжам – в поисках сомнительных приключений и случайной поживы.

Пальмы, ослепительное солнце, смачная синева на горизонте, шикарные виллы у самого берега, видевишиеся с высоких дюн бумажными японскими фонариками, плывущими по золотисто-сизым предзакатным волнам в блаженной нирване.

Редкие наезды в город, на «работу», в надежде обчистить намеченный заранее пустующий домик или настрелять немного деньжат с прохожих на оживленном перекрестке «приличного» квартала.

Попрошайничество, нагло замаскированное хоровым пением под гитару и распродажей под шумок красочных томиков кришнаитской литературы...

Я прожил среди этих мелких воришек, наркоманов и пидерастов больше двух лет.

И если бы не вспоротые в пьяной драке кишки, когда меня прежде милосердно повезли в город, к врачу, а после, испугавшись, выпихнули из машины в полной отключке подышать в придорожной канаве, неизвестно еще чем бы я кончил.

Вернее, очень даже известно: я к тому времени был уже одним из них – законченным придурком без прошлого и будущего.

А так – судьба мне подарила еще один шанс.

Меня спасла болонка по кличке Ми-ми, которой, в тот счастливый для меня и злополучный для ее хозяйки поздний вечер, приспичило пописать.

Машина мчалась на скорости девяносто миль в час. Андриана Кейт, совсем молоденькая, но уже популярная стриптизерша спешила по вызову на виллу одного из своих богатых дружков. И вдруг Ми-ми, ее неразлучная подружка, сидевшая до этого чинно на переднем сидении, начала скулить и вертеться. Сначала Эндрю, решив, что подружку укачало, дала собачке пастилку, которую та неохотно лизнула и обиженно выплюнула, потом девушка попробовала взбодрить ее куском бисквита, но чистоплотной Ми-ми было уже невтерпежь – и она красноречиво заскреблась в стекло дверцы, встав на свои художественно стриженные белоснежные лапки. И как только дверца распахнулась, бросилась к ближайшей канаве, в которой я как раз исходил последней кровью.

И не смейте мне после этого доказывать, что чудес на свете не бывает, а все заранее расчислено божественным провидением! Бога, возможно, и нет вовсе. Но чудеса – случаются. Чудо и для Бога – чудо. Если он все же где-то как-то существует.

Разве мое спасение не было чудом? Ведь сообрази эта Эндрю чуть раньше или чуть позже, что собачка хочет помочиться, она бы остановила свою «Субару» за много миль от той самой канавы – и я бы точно подох. А что девчонка не побоялась подобрать ночью, на пустынной трассе, окровавленного бездыханного мужика и решила везти его в больницу, хотя ей необходимо было мчаться совсем в другую сторону, – на случку с грозным папиком, – разве это не чудо, которое невозможно объяснить естественными побуждениями? И как они с Ми-ми вообще смогли втащить меня в автомобиль? Во мне ведь шесть с лишком фунтов роста, и для такой малышки как Эндрю это наверняка стоило сверхчеловеческих усилий, даже учитывая мой тогдашний доходяшный вес.

Потом была больница, скромная палата на четверых, куда торжественно вкатили мою кровать – после трех дней проведенных в реанимации.

Врач сказал, что я должен молиться за свою симпатичную спасительницу: привези она меня на полчаса позже – и мое окончательно обескровленное тело отправили бы прямохонько в морг. Но тогда я еще ничего не осознавал. Не было ни особой радости чудесного воскресения, ни трепетного чувства благодарности к моему ангелу-спасителю, о существовании которого я лишь смутно догадывался. Лишь невнятное чувство досады от произошедшей со мной

радикальной перемены места и окружения. Глухая боль, беспомощность, страх неизвестности и дикое желание курить.

А на следующий день пришла Эндрю. Маленькая принцесса с осиной талией и высокой грудью. Яркий пляжный сарафан, стильное кепи из соломки, лихо сдвинутое на затылок, и огромный пластиковый пакет, в котором он притащила гостинцы.

Смущенно улыбаясь, девушка под села и сказала:

– Здравствуйте, Роберт! Я – Эндрю. Вы меня помните?

Я не знал, что ей ответить – и просто удивленно рассматривал.

И вдруг я понял, что со мной произошло нечто необыкновенное и даже чудесное – как это ангельское видение, явившееся мне из ниоткуда. И я благодарно расплакался.

Эндрю оказалась ужасной болтушкой.

Минут за десять непрерывающегося щебетания она умудрилась рассказать в мельчайших подробностях историю моего чудесного спасения. При этом речь ее была сбивчивой, непоследовательной, она перескакивала с одной темы на другую, словно опасаясь, что может упустить какую-нибудь особенно важную деталь, и получилось так, что выложила мне чуть ли не всю историю своей коротенькой жизни.

Я узнал из рассказа Эндрю не только о выдающихся способностях Ми-ми, ее редкой чувствительности и тонком уме, но и о том, где родилась сама Эндрю, кто были ее родители, с кем она дружила в школе и почему и как приехала в Лос-Анджелес. Узнал также о детских мечтах, неожиданных разочарованиях, кое-что о подругах по цеху, подробно – о заманчивом предложении одного знакомого киношника и, под конец, что она твердо решила бросить курить и научиться играть на гитаре.

Я просто слушал и наслаждался звонкими трелями ее переливчатого тонкого голоса, невольно угадывая раскураженные чувства, обуревавшие ее маленькое сердечко.

«Какая славная девушка! – умилялся я веснушкам на ее круглом личике. – Бывают же такие девушки!»

А она все сокрушалась в который раз, что не смогла привести ко мне Ми-ми, которая «очень этого хотела».

– Представляете, мне сказали, что собакам нельзя в больницу! – нешуточно возмущалась Эндрю. – Но ведь Ми-ми – такая маленькая и миленькая собачка! И я бы все время держала ее на руках. Правда она боится уколов, но зато никогда не ест с пола! Нет, это просто возмутительно, что ее не пустили!

А еще моя принцесса была огорчена, что мне пока ничего нельзя есть.

– Какая жалость! Я ведь накупила для вас столько разных вкусностей! И шоколад, и фисташки, и сырные чипсы, и йогурт!.. Неужели вам даже йогурт нельзя?

Так ведь вы и с голоду помрете, типун мне на язык!

А потом она взяла мою руку, чуть наклонилась и придвинулась, так что у меня вдруг поплыла голова от дурмана ее молодого цветущего тела, а в свежештопаннных кишках начал разгораться пожар, – она наклонилась и, чуть понизив голос, заговорщически зашептала:

– Бобби, вы можете ни о чем не беспокоиться! Тут меня спрашивали о вас – насчет страховки. Ну, вы понимаете: поскольку никто пока не объявился и они не надеются... Но это все пустяки! У меня есть деньги! Ведь вы не будете возражать? Вы позволите? Я так горда, что мы с Ми-ми вас спасли! Это – судьба, знак! Теперь я точно брошу курить – и вообще!..

И меня опять чуть не пробило на слезы. Но я справился кое-как и сказал:

– Спасибо вам за все, Эндрю! Вы самая чудесная девушка, которую я только встречал в своей жизни!

Она крепче сжала мою руку – и взгляд ее голубых очей чуть затуманился от удовольствия и мечтательного ожидания.

– Вы столько для меня сделали!.. Но я не могу вам позволить оплатить мое лечение. У меня есть родные. Сестра. Надо только сообщить им. Вы можете мне связаться?

– У вас есть родные? – словно чему-то невозможному разочарованно удивилась девушка и нехотя разжала мое запястье. – Да, конечно... Если вы так желаете...

И больше я ее не видел.

Лиз появилась в палате за пару дней до моей выписки. Еще раньше пришел чек и случился телефонный разговор между нами.

Она была не одна. На руках у сестры сидел рыжий малыш.

– Это Джошуа, – сказала она, подсев к кровати.

Джошуа – так звали нашего отца.

– Разве ты еще не ходишь? Мне сказали, что ты почти здоров, – проявила она участие.

– Я немного устал.

– Что собираешься делать?

– Еще не решил.

– Отец сильно сдал. Пришлось нанять сиделку. Не хочешь его навестить?

– Не сейчас.

– Ты так занят? Не нагулялся за три года?

Я промолчал.

– Роберт, мы никогда не были с тобой особо близки. Но ты мой брат, и должен знать правду. Отец все переписал на малыша.

– Поздравляю, – выдавил я.

– Спасибо, – неловко улыбнулась она. – Ты ведь понимаешь, что сам во всем виноват? Хотя я считаю это несправедливым.

– У меня нет претензий.

– Напрасно! – удивилась Лиз. – Если ты надеешься, что тебе что-то перепадет от мамы, то глубоко ошибаешься. Ему как-то удалось объединить завещания. Он оставил тебя без единого цента.

– Ты предлагаешь судиться?

– Это бессмысленно, пока отец жив. Но если ты вернешься, если будешь вести себя благоразумно...

– Элизабет, дорогая, – прервал я ее, – ты ведь знаешь, что я не вернусь, и что ничего уже нельзя изменить.

– Ты неправ, – возразила она. – Я, конечно, не могу требовать от тебя, чтобы ты изменил свои привычки. Я всего лишь прошу – не губить себя окончательно. Ты не заслуживаешь такой жизни.

– А ты здорово изменилась, – сказал я, не желая продолжать неприятный для нас обоих разговор.

– Знаю. Растолстела как корова, – улыбнулась она благодарно.

– Нет. Похорошела. И глаза у тебя стали синие – как у мамы. А в детстве были серыми, как у отца.

– Это неправда. У меня всегда были серые глаза. И сейчас они серые. Я просто ношу теперь линзы. Но все равно – спасибо. Вот, это тебе, – сказала она, вложив мне в руку кредитку. – Здесь небольшая сумма. Если надо будет еще, просто позвони.

– Ты очень добра, – сжал я ее пальцы.

– А теперь поцелуй своего племянника, и мы пойдем, – заторопилась испуганно Лиз. – У меня вечером самолет.

Те десять штук, оказавшиеся на кредитке, я потратил быстро и с шиком, отправившись на Багамы. Это было совсем рядом от родного дома – всего-то девяносто километров до Форт-Лодердейл, если на пароме. И эта близость к дому, где, возможно, натужно дыша в кислородной маске, сидел на веранде мой отец и с ненавистью смотрел на морскую синеву на горизонте, заставляла меня с еще большим жаром предаваться беспечным утехам.

Вернувшись в Лос-Анджелес, я позвонил Лиз и попросил денег. Якобы для поддержки некоего предприятия в сфере общественного питания, которое открыл вместе с одним надежным другом. Она, не особо расспрашивая, выслала пять штук. Потом я еще позвонил через пару месяцев. И она снова послала мне деньги, но немного – всего две штуки. А последний раз я позвонил ей уже через год. Я тогда действительно был в отчаянном положении.

– Отец уже неделю как в реанимационном отделении, – заявила Лиз. – Я вышлю тебе деньги и закажу билет, если ты приедешь. Не заставляй меня врать перед всеми, оправдывая твое отсутствие на похоронах.

Я, конечно, поклялся, что немедленно вылечу – и в тот же день пришли деньги и уведомление о брони на авиабилет. Билет я не стал выкупать, а кредитку, сняв все до единого цента, порвал – и с тем навсегда прервались мои отношения с семьей.

Дз-з-зъ!.. д-з-з-зъ! – звенит в башке тишина.

Дил-лз-за!.. Дил-лз-за! – вторит ей назойливая память.

Диллза – так зовут мою новую подружку, «итальянку», оказавшуюся гречанкой албанского происхождения. Вчера мне показалось, что она чем-то похожа на Эндрю. Но сегодня мне уже так не кажется.

Эндрю действительно была чудесной девушкой. И я ей тогда не соврал, сказав, что никогда не встречал девушки лучше. Да и теперь, спустя почти пятнадцать лет, мог бы это повторить. Хотя, если честно, ни тогда, ни после я не жалел, что у меня с Эндрю ничего не вышло. И дело совсем не в том, что девчонка была начинающей шлюшкой. Сам-то я кем был тогда – в той канаве и в той больничке? Просто на ангелах-спасителях не женятся и не заводят с ними детишек. Ангелам-спасителям ставят в суровых сердцах кумирни и воскуряют тайно фимиамы. Я и воскуряю – все эти годы.

А эта Диллза просто случайно подвернулась – как маслина к стопке водки. Хорошо бы опохмелиться, кстати...

2

– Милый, плесни мне чего-нибудь. Пожалуйста!

Я нехотя разлепляю веки и щурюсь на ненавистный свет. Дэля, как она просила себя называть, все еще лежит в шезлонге и нежит свое полуголое тело под лучами ласкового майского солнышка. Ее кожаный шезлонг раскинут на открытой части широкой дощатой веранды. Она вяло листает какой-то журналчик. Лица ее я не вижу, но почти уверен, что девушка в это самое мгновение вожаделенно облизывает язычком свои пухлые губки в ожидании очередной дозы горячительного пойла. Эту сучку постоянно мучает жажда, так что она готова проглотить все, что ей подсунут – вино, шампанское, виски, коньяк и даже водку. Такой жажды и стойкости к спиртному я еще не встречал у женщин.

Пьет она длинными тонкими глотками, процеживая содержимое рюмок и бокалов сквозь плотно сжатые губы и с сожалением оставляя на доньшке лишь несколько капель. При этом взгляд ее сощуренных глаз устремлен в некую лишь ей открывшуюся точку – пронзительный, пронзающий реальность взгляд. Так зачарованно смотрят в глаза дьяволу – подумалось мне,

когда этот взгляд кинжальным холодом прошел меня впервые, прежде чем унести в преисподнюю. А потом эта бесовка медленным торжественно-церемонным жестом отставляет посудину и на лице ее блуждает улыбка удовлетворения отравительницы. Но, увы, яд почти не действует на эту нежную плоть и извращенные мозги. В этом я убедился еще вчера.

– Дорогой, ты там не заснул? – тянет она слащаво и укоризненно, не соизволив обернуться.

Я тупо таращусь на заставленный яствами и напитками стол. Мое внимание привлекают две жирные мухи. Одна из них ползает по кромке бокала с остатками вина, другая сучит лапками на охряном боку огромной груши.

«Чего бы ей налить? – спрашиваю себя. – Чего она еще не пробовала сегодня? Коньяк или кофейный ликер?»

Непродолжительное сомнение – и я отвинчиваю пробку пятигранной бутылки ликера производства Польши. Я и сам люблю пропустить после сытного обеда рюмочку-другую ликера, но только не польского, в котором обычно слишком много сахара. Еще больше мне нравятся оригинальные российские ягодные настойки. Но сейчас я вообще пить не хочу. Ста пятидесяти граммов водки, что я, морщась от отвращения, самоотверженно влил в себя за обедом, оказалось достаточным, чтобы чуть приободриться. Больше нельзя – или я снова провалюсь в похмельную истому, когда кажется, что в венах вместо крови едва струится теплый кисель, а мышцы обвисают протухшим мясом.

Я добавляю в ликер немного коньяка и несу эту бурду Дэле.

Она берет узкий бокал и делает пробный глоток. Чуть морщится, как неудачной шутке, но героически высасывает двумя длинными заходами.

– Мог бы добавить кусочек льда, – улыбается она снисходительно. – Но все равно – спасибо.

Приняв из ее рук бокал, я продолжаю над ней стоять. Разглядываю ее плоский животик, круглые коленки и рой родинок на левой стороне тонкой шеи. Мне хочется заглянуть ей в глаза, но они скрыты за большими очками с темно-изумрудными стеклами.

– Что? – спрашивает она. – Ты хочешь? – и щекочет прохладными пальцами под моей коленкой.

Я не хочу. У меня нет к ней в данный момент никаких чувств. Кроме, разве что, легкого любопытства. Я угадываю в этой женщине некую загадку, чей ответ должен оказаться до банальности пошлым. Я совсем не верю в ее секретарство в скромной афинской конторе. Не верю в скоротечное соблазнение заезжим фрицем, за которым последовало романтическое путешествие в Гюлистан, а в итоге – подлое бегство. Передо мной молодая красивая женщина с большим опытом отношений с мужчинами. Как легко эта стерва раскрутила меня вчера на бездумный гулеж, а после затащила, почти бесчувственного, в постель и трахнула так, что у меня до сих пор стыдливо ноют яйца. А ведь я и в нормальной кондиции не всегда и не со всеми. Я ведь помню все до мельчайших подробностей – как и что она вытворяла со мной. Далеко не всякая профессионалка решится на такую изобретательную жестокость, какую выказала эта зеленоглазая крошка, желая во что бы то ни стало обслужить меня по полной программе.

А потом, среди ночи, совершенно бесстыдно потребовала деньги. Вроде как для покупки кое-каких необходимых женских мелочей. Шестьсот амеро!..

– С тобой все в порядке? – спрашивает Дэле, все еще удерживая на гладком личике беззаботную улыбку. – Хочешь, вернемся в город?

Я отхожу к самому краю веранды, где и стою, тяжело оперевшись на резные лакированные перила, рассеянно разглядывая аккуратно подстриженный газон, цветущие розовые кусты и огромный дирижабль, зависший в синеве аляповато раскрашенным пасхальным яйцом.

– Правда – красиво? – жметса ко мне сзади Дэля, подкравшись как кошка. – В прошлом году их было всего два, а в этом запустили три.

– Откуда ты знаешь?

– Так ведь показывали, – спохватывается она. – Разве ты не смотрел шоу по ящику? На них тоже установлены камеры. Ты, кстати, говорил, что снял хороший номер. Возьмешь меня на шоу?

– Когда это я тебе говорил?

– Ты все забыл. Тебе нельзя много пить, – растягивает она наставительно.

– И все же я отлично помню, что ничего подобного не говорил.

– Будем из-за этого спорить? – дышит мне в ухо Дэля и еще теснее прижимается. – Ладно, не хочешь – иди один. А я посижу на трибуне. Я не вправе от тебя чего-то требовать. Но я хочу, чтобы ты знал: мне с тобой хорошо!

Она нежно целует меня в шею, отбирает бокал и отходит к столу за очередной порцией.

А ведь мне с ней тоже хорошо – понимаю вдруг – с этой шалавой. Потому что – просто. Она красива, молода, у нее гладкая кожа и упругая круглая попка. Она умеет меня завести, как давно не удавалось другим. Она не такая взбалмошная, как Джоанна. Легко подстраивается и умеет угождать. Поладить с такой женщиной и привязать к себе было бы для великовозрастного слюнтяя, вроде меня, большой удачей. Я бы даже увез ее.

– Знаешь, – слышу за спиной ее погрузневший голос, – ты первый мужчина за последние пару лет, кому мне не хочется врать. Если бы ты только поверил мне...

– Кто ты, Дэля? – спрашиваю, обернувшись.

– Просто женщина, которая любит выпить, – отвечает жалко и лихорадочно засовывает в перекошенный рот бокал.

3

– Ты должен меня понять! – твердит она отчаянно. – Мы с тобой нормальные люди. А эти...

Она нервно ходит по веранде – в одной руке бокал, в другой – дымящаяся сигарета.

– Иногда мне кажется, что я живу среди насекомых, в какой-то подземной дыре. Они – как муравьи! Нормальный человек не позволит с собой такое вытворять.

Я сижу в кресле и смотрю на ее босые ноги, звонко шлепающие по лакированным доскам. У нее короткие и широкие ступни. И пальцы рук тоже – толстые и короткие. Не очень-то это и красиво. И вообще, если присмотреться к ее фигурке беспристрастными глазами эстета, вряд ли ее можно назвать изящной. Сейчас-то она еще ничего, но лет через пять-шесть наверняка превратится в обычную жопастую бабенку с оплывшей талией и обвислыми титьками. Если к тому времени не загнетса от спиртного.

– Как ты сюда попала?

Дэля останавливается, бокал резко рисует в воздухе некий иероглиф возмущенного недомения и при этом из него выплескиваются золотистыми искрами капли шампанского.

– Как попала? – переспрашивает она. – Как муха в дерьмо!

Она допивает и размашисто зашвыривает бокал в ближайший куст. Садится на ступеньки крыльца – руки безвольно висят меж раздвинутых коленок.

– Я ведь тоже была когда-то веселой наивной девчонкой. Ну, был у меня дружок, самособой. Красивый парень, стройный и кудрявый как Аполлон. Он снял для меня квартиру, катал

на шикарной тачке. Мы даже съездили с ним на Кофру, где у них имелась небольшая вилла... А потом его подстрелили. И оказалось, что его папаша не торговец недвижимостью, а крупный наркодиллер. И сам Кирос был в деле... Меня, конечно, сразу взяли в оборот. Но ничего не смогли пришить, кроме хранения: нашли при обыске немного порошка. Впяли год условно и огромный штраф. Таких денег у меня не было, вот и пришлось отрабатывать на ткацкой фабрике. Хорошо, удалось продать кое-какие безделушки, чтобы снять скромный уголок.

– А родители?

– Мать и брат. Я с ними порвала еще раньше. Да и чем они могли мне помочь? Даже когда отец был еще жив, мы жили очень бедно. А ты, наверное, из богатеньких?

– Да. Но после смерти отца мне ничего не досталось. Немного помогла сестра.

– А мне вот некому было помочь.

– Я пыталась найти работу, – продолжила она, что-то про себя обдумав. – Но куда податься восемнадцатилетней девушке, которая даже школу не закончила? Разве только в продащицы. Работаешь по двенадцать часов, через день, все время на ногах, улыбаешься всем подряд, терпишь хамство и капризы – и за все это тебе платят какие-то крохи, которых едва хватает на оплату квартиры, еду в забегаловках и самые дешевые тряпки на распродажах. А ведь ты молода, красива, на тебя облизывается каждый второй козел в штанах, когда идешь по улице, и готов выложить твою недельную зарплату, если согласишься подставить зад или хотя бы отсосать на заднем сидении...

В то время я просто ненавидела мужчин. Всех подряд. А потом сошлась с Полидоросом – хозяином дома, где снимала каморку. Я задолжала ему за три месяца. Нет, он не стал по-хамски требовать расплатиться натурой. Он предложил мне другую квартиру – большую и прилично обставленную. В другом его доме, для жильцов посolidнее. У него было несколько доходных домов. И с десятков мясных лавок по всему городу. Мясник...

Я была для него свежим мясом. Он приходил дважды в неделю. Просил раздеться и станцевать что-нибудь. Я не умела танцевать. Стеснялась и, наверное, это выходило нелепо и смешно. Но он не смеялся. Сидел в кресле, выставив свой необъятный живот, и беззвучно хлопал в ладоши. Пил вино и мне подливал, заставляя пить, пока я не вырубалась. Только после этого он стягивал штаны и наваливался на меня...

Утром я почти ничего не помнила, обнаружив себя голой на ковре, всю в синяках.

А однажды утром я увидела на столе стопку денег мелкими купюрами -1000 евро – и записку. Раньше он мне никогда не давал больше сотни. Еду и все необходимое покупал сам. А тут целая тысяча...

– А что было в записке?

– Освобождение, – сказала она, глядя мне в глаза и облегченно улыбаясь. – Он просил меня съехать в течение недели, поскольку нашелся выгодный жилец на квартиру. Очень вежливо составленная записочка, с извинениями и самыми лучшими пожеланиями. Здорово, правда?

Я съехала в тот же день. Сняла номер в дешевом отеле. Проспала двое суток. Просыпалась, становилась под горячий душ и снова ложилась спать. Ничего не ела. Только воду пила из-под крана.

Первое, что я сделала – купила красивое платье. Далеко идти не пришлось – магазинчик был в том же квартале, наискосок от отеля. Еще я купила новую сумочку, симпатичные туфли на высоченных шпильках и красную помаду. Вернулась, переделалась, накрасилась – и пошла гулять по городу. Словно я в нем не родилась и не прожила все свои восемнадцать лет. Словно я была не я, а какая-то другая девушка – из другой страны или даже с другой планеты. Вкусно поела в ресторанчике. Потом купила мороженое. Потом баночку колы. Потом пила

кофе с пирожными за столиком открытого кафе, курила с наслаждением и грызла жаренные тыквенные семечки...

Я была в тот день какой-то ненасытной – все время что-то хотелось есть и пить.

А вечером пошла в бар. И мне было очень весело. За мной многие ухаживали, угощали коктейлями, приглашали танцевать, а ушла я с одним высоким блондином. Его звали Марек, и он оказался поляком. Студент, будущий врач, приехал в Афины на каникулы. Утром он стыдливо сунул мне две сотни, сказав, что это практически все его последние деньги, потому что вечером он уезжает в Варшаву. Жалел, что мы не встретились раньше....

С этих двух сотен все и началось. У мальчика оказалась легкая рука.

Дэля медленно выпрямилась, отвела взгляд и застыла как фарфоровая статуэтка. Только сжатые губы играли тонкой печальной улыбкой.

– Ты давно в Гюлистане? – спросил я, чувствуя себя неуютно от ее молчания. – Почему ты не уедешь? Тебе ведь здесь плохо?

– Куда? – не сразу отозвалась она. – Куда я уеду? Меня ищут. Как только я появлюсь там, меня схватят и посадят за решетку.

– Но что ты сделала?

– Убила человека.

– Любовника?

– Нет, – презрительно скривила губы девушка. – Его жену. Тупую, некрасивую и жестокую суку. И я не о чем не жалею, если хочешь знать. Хотя мне все пришлось бросить и податься в бега с одним чемоданчиком и жалкой суммой денег, что я успела обналичить. Но что деньги, квартира, тряпки и безделушки? Все это можно снова вернуть. А вот чего не вернешь ни за какие деньги, так это саму себя, если тебе пришлось однажды от себя отказаться. Не вернешь родных, старых друзей, любимого города, хотя ты и была в нем всего лишь удачливой проституткой. Ты уже не имеешь права ни на что, чем раньше владела только благодаря своему имени. Даже на свою внешность ты не имеешь права – и приходится перекрашиваться или носить парики, ходить в очках, носить какие-то необъятные балахоны, чтобы скрывать стройную фигуру...

Ты когда-нибудь жил под чужим именем?

– Нет. Но я жил в коммуне.

– Ты был наркоманом? Плотно сидел? Нет, коммуна – это не совсем то. Хотя, я бы не смогла жить в коммуне. Это уже какое-то свинство, когда полностью теряешь индивидуальность и последние надежды. Оставаться собой и при этом бежать от себя – гораздо страшнее. Прятаться, изворачиваться, все время лгать окружающим и сочинять истории. И – никому нельзя верить! Если б ты знал, сколько мне пришлось пережить за два года, пока я скиталась!

– А за что ты ее убила? Ну, ту женщину, – спросил я осторожно.

– Это была месть, – нахмурилась Дэля. – Я не очень-то соображала, что делала. До сих пор не могу поверить, что у меня все получилось. Сунула «беретту» в сумочку, поймала такси... Она сама открыла дверь. Странно. Ведь в их доме было полно прислуги...

Я разрядила в нее все обойму. В упор. Она отлетела метров на пять к стене, а я все еще стреляла.

– Любовь? – предположил я.

– Какая любовь! – возмутилась Дэля. – Я просто трахалась с ее мужем. У него было полно баб и без меня. Но эта стерва почему-то решила оторваться на мне. Подослала кого-то. А меня как раз не было в ту ночь дома. Но, к несчастью, остановилась одна подруга. Даже просто – знакомая. Мы с ней познакомилась на Ибнице и как-то сразу сошлись. Она всего лишь приехала на пару дней посмотреть город. Если б ты видел, что с ней сделали!.. Когда я осознала, что это должны были сделать со мной!..

Нет, я не жалею. Повторись все, я бы снова ее пристрелила. Только не так быстро и не так глупо.

– Но почему – Гюлистан? – спросил я.

– Мне посоветовали. Сказали, что здесь можно спокойно отсидеться. Что можно за деньги сделать хорошие документы. Вот я и сижу – как мышь в мышеловке. А год назад приняла гражданство, – нервно улыбнулась Дэля.

– Представляешь? Я теперь гюлистанка!

«Голубая»! Разве это не здорово?

Сотрясаясь всем телом от беззвучного смеха, Дэля поспешно плеснула в бокал и начала судорожно глотать вино, словно захлебываясь. А я пристально наблюдал, как две алые струйки медленно стекают вдоль ее остренького подбородка, соединяются на тонкой шее и заливают обнаженную грудь.

4

– Я приехала почти на нуле. Последние деньги потратила на обновление своего истасканного гардероба и приличный номер в отеле. Приходилось играть по-крупному. Хотя в моем положении клиентки интерпола и с моими липовыми бумажками, которыми я по случаю разжилась на марокканском базаре, малейший скандал грозил разоблачением. Но мне так все осточертело!..

Самой не верится, с каким отребьем приходилось иметь дело, чтобы элементарно выжить. Ненавижу арабов, евреев и всех прочих обрезанных засранцев! Можешь считать меня антисемиткой и расисткой в придачу! Турки, правда, чуть лучше. У этих хоть осталось какое-то понятие о мужской чести. Через одного. Из Турции я и прикатила. Там я неплохо поработала. Но под конец чуть не влипла. Меня предупредил один друг, что начали интересоваться. Он же и посоветовал смотаться пока не поздно в Гюлистан.

Она разочарованно отбросила в тарелку недоеденную тушку рябчика, которую вертела в руках, и снова присосалась к бокалу.

Мне тоже захотелось выпить – и я плеснул себе скотч. Девушка одобрительно улыбнулась и, прикончив одним глотком остатки вина, потянулась за водкой.

– Давай напьемся? – предложила она.

– Ты и так слишком много пьешь, – не удержался я.

– Разве? – деланно удивилась Дэля. – Не беспокойся. Я могу выпить гораздо больше.

В этом я не сомневался и счел за лучшее просто глотнуть. Виски показался неприятным, почти противным.

– Кажется, я испортила тебе день, – сказала она, насмешливо наблюдая мою брезгливую игру с рюмкой.

– С чего ты взяла?

– Ты с самого утра ни разу не улыбнулся.

– Ты в этом не виновата. Я как-то неуютно чувствую себя здесь.

– Почему? – честно удивилась Дэля. – Здесь красиво. Ты не любишь природу?

– Я люблю природу. Здесь мило. Но я имел в виду вообще Гюлистан. В этой стране все какое-то искусственное. Как этот прилизанный парк.

– А мне здесь нравится. Я стараюсь чаще сюда приезжать. Зелень вокруг. Тихо. Птички. Иметь бы такой домик с небольшим садиком, и чтобы рядом речка текла. Но, конечно, не здесь, в Гюлистане... Да оставь ты в покое эту рюмку! – неожиданно психанула Дэля.

Под ее враждебным взглядом я в два глотка прикончил скотч.

– Нет! Лучше закуси помидорчиком! – сочувственно воскликнула девушка и подала мне небольшую помидорину. – Это зырянские, самые лучшие в Гюлистане.

– Зырянские? – непонимающе спросил я, разглядывая упругий плод с шелковисто-блестящей шкуркой.

– Да. По имени поселка, где они произрастают. Где-то в окрестностях бывшей столицы. Их привозят контрабандой, редкий товар.

– Почему – контрабандой, если это местный продукт? – еще больше удивился я.

Дэля заметно смутилась.

– Ну, не совсем контрабандой. Конечно – не контрабандой! Да ты попробуй! Самое то, чтобы перебить противный привкус во рту.

Я осторожно надкусил податливую мякоть – и на язык щедро брызнула кисленькая прохлада. Помидор оказался удивительно сочным, а его резковатый вкус никак не походил на травянистый вкус обычных помидоров, что я пробовал прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.